

НЕНАСИЛЬСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ

Мораль, психология и наука
этичного воспитания детей
peacefulparenting.com

Стефан Молиньо

Наконец, книга, которую ждал весь мир! В ясной и практичной форме «Ненасильственное воспитание» применяет логику, научный подход, психологию, эмпирические данные и мораль к здоровому и этичному воспитанию наших величайших сокровищ — наших собственных детей...

Ненасильственное воспитание

Сжатая версия

Мораль, психология и наука этичного воспитания детей.

Аудиокнига: www.fdrurl.com/pp

Ненасильственное воспитание – автор Стефан Молиню, ведущий шоу Freedomain, самого большого и популярного философского шоу в мире!

Это сокращенная версия книги – для бесплатной полной версии, пожалуйста, посетите <https://www.peacefulparenting.com>

Эта книга БЕСПЛАТНА – и я надеюсь, что вы поделитесь ею как можно шире.

Если вы хотите поддержать шоу, вы можете посетить <https://www.freedomain.com/donate>

Русский перевод - Александр Елесев, автор и ведущий философского шоу Доброум youtube.com/dobroum-official.

Присоединяйтесь, чтобы обсудить идеи книги.

Содержание

[Пролог](#)

[Введение](#)

[Любим ли мы своих детей?](#)

[Чайлдизм](#)

[Почему мы наказываем детей](#)

[Дети рассуждают?!?](#)

[Власть против добродетели: история любви](#)

[Перевооруживание принципов](#)

[Мнимые долги](#)

[Выводы](#)

[ЧАСТЬ 1: ТЕОРИЯ](#)

[Ненасильственное воспитание: что это такое?](#)

[Принцип ненападения](#)

[Каким должен быть мир](#)

[Моральные перевороты](#)

[Каким должен быть мир. Часть 1](#)

[Каким должен быть мир. Часть 2](#)

[Каким должен быть мир. Часть 3](#)

[Каким должен быть мир. Часть 4](#)

[“Родительство — это очень тяжело!”](#)

[“Мы делали всё, что могли, с теми знаниями, что имели!”](#)

[“У меня было трудное детство, поэтому мне было сложнее быть хорошим родителем!”](#)

[Дети и контроль](#)

[Чайлдизм](#)

[Родительство в медиа](#)

[Медиа-тренинг по ненасильственному воспитанию](#)

[Рассуждения с детьми в медиа — Ответ. Часть 1](#)

[Рассуждения с детьми в медиа — Ответ. Часть 2](#)

[Сексуальный успех](#)

[Подчинение родителям](#)

[Включение агрессии](#)

[Переговоры против насилия](#)

[Двойственность современного воспитания](#)

[Родительское лицемерие](#)

[Агрессивное воспитание: аргумент в защиту](#)

[Ненасильственное воспитание: опровержение](#)

[Шлепки](#)

[Словесное насилие](#)

[Истерики](#)

[Паралич детства](#)

[Уступка истерикам](#)

[“Но моё детство...”](#)

[Шлепки и свобода воли](#)

[Детство и моральная свобода воли](#)

[Человечность против власти](#)

[Сдерживание власти](#)

[Самые скрытые тайны](#)

[Правила ненасильственного воспитания](#)

[Ненасильственное воспитание и моральные ошибки. Часть 1](#)

[Ненасильственное воспитание и моральные ошибки. Часть 2](#)

[Этика ненасильственного воспитания](#)

[Как вам следует воспитывать своих детей?](#)

[Что если мои дети мне лгут? Часть 1](#)

[Что если мои дети мне лгут? Часть 2](#)

[Что если мои дети мне лгут? Часть 3](#)

[Доверие — противоположность тщеславию](#)

[ЧАСТЬ 2: ПРАКТИКА](#)

[Воспитание и общая порядочность](#)

[Полная ответственность](#)

[Родительство и моральное воспитание](#)

[В чём мы все согласны](#)

[Толстые фитнес-тренеры](#)

[Ненасильственное воспитание и эго. Часть 1](#)

[Ненасильственное воспитание и эго. Часть 2](#)

[Ненасильственное воспитание и эго. Часть 3](#)

[Ненасильственное воспитание и добровольная семья](#)

[Верность добродетели?](#)

[Чистый лист](#)

[Предпочтения и личность. Часть 1](#)

[Предпочтения и личность. Часть 2](#)

[Польза от детей](#)

[Дисциплина без насилия. Часть 1](#)

[Дисциплина без насилия. Часть 2](#)

[Дисциплина без насилия. Часть 3](#)

[Как устанавливать рамки](#)

[Ненасильственное воспитание и тайм-ауты](#)

[Что такое тайм-аут?](#)

[Агрессия между братьями и сестрами. Часть 1](#)

[Агрессия между братьями и сестрами. Часть 2](#)

[Подчинение и подростковый возраст. Часть 1](#)

[Подчинение и подростковый возраст. Часть 2](#)

[Ненасильственное воспитание: убери свою комнату!](#)

[Почему это важно?](#)

[Показываю ли я тот пример, которому хочу научить ребёнка?](#)

[Ненасильственное воспитание и давление сверстников. Часть 1](#)

[Ненасильственное воспитание и давление сверстников. Часть 2](#)

[Семья и травля. Часть 1](#)

[Семья и травля. Часть 2](#)

[Братья и сёстры](#)

[Братья](#)

[Сёстры](#)

[Потенциал братских уз. Часть 1](#)

[Потенциал братских уз. Часть 2](#)

[Расширенная семья и ненасильственное воспитание. Часть 1](#)

[Расширенная семья и ненасильственное воспитание. Часть 2](#)

[Расширенная семья](#)

[Как обращаться с токсичными родственниками](#)

[Преданность семье](#)

[Ответная агрессия на установленные границы](#)

[Как просить прощения. Часть 1](#)

[Извинения перед детьми. Часть 1](#)

[Извинения перед детьми. Часть 2](#)

[Извинения перед детьми. Часть 3](#)

[Извинения перед детьми. Часть 4](#)

[Возмещение вреда](#)

[Насилие над детьми и власть. Часть 1](#)

[Насилие над детьми и власть. Часть 2](#)

[Насилие над детьми и власть. Часть 3](#)

[Ненасильственное воспитание и примирение. Часть 1](#)

[Ненасильственное воспитание и примирение. Часть 2](#)

[Ненасильственное воспитание и примирение. Часть 3](#)

[Определение цикла насилия. Часть 1](#)

[Определение цикла насилия. Часть 2](#)

[Определение цикла насилия. Часть 3](#)

[Определение цикла насилия. Часть 4](#)

[Определение цикла насилия. Часть 5](#)

[Определение цикла насилия. Часть 6](#)

[Разрыв цикла насилия](#)

[Последствия насилия над детьми на протяжении жизни](#)

[Пренебрежение](#)

[Последствия пренебрежения. Часть 1](#)

[Последствия пренебрежения. Часть 2](#)

[Последствия пренебрежения. Часть 3](#)

[Садизм и пренебрежение. Часть 1](#)

[Садизм и пренебрежение. Часть 2](#)

[Эмпатия. Часть 1](#)

[Эмпатия. Часть 2](#)

[Эмпатия. Часть 3](#)

[Эмпатия. Часть 4](#)

[Сила](#)

[Моральная ясность](#)

[Образование](#)

[Заключение](#)

[Силлогизмы](#)

[Эмпирические доказательства](#)

Пролог

Я полностью осознаю, что написание введения, которое по сути является гигантским предупреждением, звучит мелодраматично и претенциозно – но это необходимо сделать.

Эта книга является кульминацией сорока лет работы в области философии, самопознания, воспитания детей и этики.

В рамках моего шоу Freedomain мне посчастливилось побеседовать с тысячами людей об их раннем детском опыте и о том, как травма повлияла на их взрослую жизнь. Они обращаются ко мне в надежде, что мой опыт в самопознании и моральной философии поможет им распутать клубок проблем в их жизни. Надеюсь, я оправдал их ожидания. ¹

Я беседовал со многими специалистами по вопросам воспитания, жестокого обращения с детьми, семейных отношений, терапии и самопознания — записи этих интервью можно найти на моем сайте.

Я сам пережил значительный уровень насилия в детстве. Меня воспитывала агрессивная и психически нестабильная мать-одиночка, которая в конечном итоге была помещена в психиатрическую больницу, когда мне было около тринадцати.

Я проходил терапию с психологом три часа в неделю почти два года.

В конце моего терапевтического процесса, после месяцев попыток восстановить отношения с семьей, я решил отделиться от них. Я не разговаривал с матерью двадцать пять лет. Мой отец ушел, когда я был младенцем, и у меня было мало контактов с ним – он умер несколько лет назад.

Я счастлив в браке более двадцати лет и последние пятнадцать лет являюсь отцом-домохозяином, воспитывая мою чудесную дочь.

Моя дочь обучается дома и мы являемся частью замечательного сообщества родителей-единомышленников.

Мы с дочерью проводим комедийные шоу вместе — в основном это рецензии на фильмы — которые также доступны на моем сайте.

Теперь о гигантском предупреждении.

Это очень интенсивная книга.

Я пытался написать ее дважды раньше, но останавливался из-за глубины и грандиозности задачи.

В детстве я испытывал постоянное, глубокое и искреннее недоумение. Я был окружен людьми, которые утверждали, что они хорошие — и которые также заявляли, что являются экспертами в выявлении и наказании аморальности. Мои родственники, учителя, родители, наставники в интернате, священники, которые меня учили, соседи — все они утверждали, что обладают способностью точно определять аморальность и принимать решительные меры для ее сдерживания и наказания.

Меня наказывали в школе — били тростью в интернате, и в церкви, и родители с родственниками — все потому, что они говорили, что я плохо себя вел и заслуживал наказания.

Но это было очень странно...

Никто из сотен взрослых, которые судили и наказывали меня на протяжении моей юной жизни, никогда не признавал, что моя мать была страшной женщиной, которая жестоко избивала собственных детей.

Они могли заметить малейшие признаки непослушания или неповиновения в моём поведении и строго наказать меня — но они были абсолютно неспособны заметить явные психические и моральные нарушения моей матери, или поинтересоваться, как я себя чувствую, предпринять какие-либо шаги, чтобы защитить меня и противостоять насилию, которому я подвергался.

Я борюсь с этой огромной проблемой уже более полувека.

Как возможно, что взрослые наказывают детей за мелкие проступки — меня однажды били тростью за то, что я перелез через забор за

футбольным мячом, — но остаются совершенно слепы и беспомощны перед взрослыми насильниками, обижающими зависимых и невинных детей?

В детстве я смотрел бесконечные фильмы и телешоу о героях, противостоящих злодеям, сражающихся с ними и побеждающих их. Герои были добрыми, злодеи — злыми, борьба была ясной, победы трудными, но неизбежными.

Меня учили о религиозных и исторических фигурах, которые находили и сражались со злодеями почти до смерти — а иногда и после нее, жертвуя собой, чтобы спасти мир от аморальности...

Это были истории, предания, богословие — но *никто в моей жизни* не смог распознать или противостоять явному злу прямо среди них — даже в их собственной семье, против их собственной плоти и крови...

Некоторые опытные следопыты утверждают, что могут приложить ухо к железнодорожному пути и услышать приближающийся локомотив за много миль — если бы такой человек заявил об этой способности и предложил послушать путь, не заметив при этом гигантский грохочущий поезд, несущийся на него всего в нескольких метрах, разве это не было бы довольно странно?

Разве это не было бы признаком того, что он на самом деле безумен?

Представьте, что вы наняли гида для сафари, чтобы он провел вас вглубь джунглей, где вы могли бы сфотографировать невероятно редкого белого тигра. Представьте, что вы стоите в лагере перед отправлением, слушая, как он рассказывает вам о сложных и таинственных приемах, которые он собирается использовать, чтобы выследить этого белого тигра, — а затем представьте, как его речь продолжается без паузы, в то время как белый тигр подходит и садится прямо у его ног!

А ваш гид не увидел — *ничего!*

Он всё говорит и говорит, бесконечно расписывая, какой он гений в отслеживании и обнаружении невероятно редких тигров, и при этом *совершенно* не замечает огромного зверя у своих ног!

Разве не кандидат ли он в психиатрическую лечебницу?

Доверили бы вы этому безумцу вести вас вглубь непроходимых джунглей?

Вот таков наш мир.

Мир детей.

Мир жертв насилия.

Мы, жертвы, проходим через этот мир — мир, который кичится своим умением распознавать и наказывать злодеев, — получая суровые наказания за малейшие проступки, в то время как наших обидчиков не замечают, хвалят или защищают и оправдывают.

Именно поэтому насилие продолжает существовать.

Моральные наказания достаются только беспомощным жертвам — никогда могущественным агрессорам.

Если за семейным ужином взрослый, переживший детское насилие, наконец расскажет о пережитых ужасах, его семья, скорее всего, будет больше раздражена открытым ртом жертвы, чем сжатыми кулаками насильника.

Такова реальность, в которой мы живём.

Наш мир далёк от рая — это ад для жертв, садистский рай для обидчиков и странное чистилище для тех, кто потворствует насилию, блуждая в тумане отстранённости, провозглашая добродетель, но наказывая лишь жертв, осмелившихся заговорить.

Многие с нетерпением ждали эту книгу.

Я уверен, что разочарую их.

Мне жаль — правда жаль, но эта книга должна быть такой, какая она есть.

Бесчисленные люди годами умоляли меня написать эту книгу — уверен, я их и шокирую, и разочарую.

И за это мне тоже жаль.

Но я стою за необходимость того, что сделал.

Люди ждут, что книга о мирном воспитании будет — ну, мирной, понимаете?

Это логично, я осознаю...

Но чтобы принести мир в этот мир, нужно разоблачить и противостоять злу и насилию.

Можно установить мир в городке на Диком Западе, но сначала придётся разобраться с плохими парнями — и это редко бывает красиво.

Эта книга не о том, как быть добрым к детям — хотя я и говорю об этом.

Эта книга не о том, как договариваться с детьми — хотя об этом я тоже упоминаю.

Эта книга продвигает ненасильственное воспитание, устраняя препятствия на его пути.

Это некрасивый процесс.

Не знаю, сколько людей меня послушают, но я всё равно скажу...

Если вы били своих детей, умоляю вас, обратитесь к хорошему терапевту, прежде чем читать эту книгу.

Если вы кричали на детей, пренебрегали ими или обзывали их — то же самое.

Если у вас есть значительные непроработанные травмы от детского насилия — то же самое.

Если у вас нет доброго и надёжного человека рядом, эта книга может сильно вас дестабилизировать.

Философы и теологи тысячи лет писали о добре и зле — но почти никогда об этике и добродетелях детей и родителей.

Социалисты сотни лет говорили о зле неравенства власти — экономического и политического, — но никогда не затрагивали

величайшее неравенство власти во вселенной: разницу между родителями и детьми.

Феминистки десятилетиями говорили о зле патриархата, утверждая, что у мужчин гораздо больше экономической и политической власти, чем у женщин, — но никогда не упоминали о бесконечно большей власти матерей над детьми и о том, как часто она используется во зло.

Коммунисты говорят о том, как владельцы средств производства эксплуатируют рабочих, платя им меньше, чем стоит их труд, — но они никогда не выступают против государственного долга, который порабощает ещё не рождённых, — разве это не величайшее хищническое воровство в истории человечества?

Повсюду в мире вы видите это дикое избегание — люди кричат о морали с крыш, осуждая абстрактные классы, политические элиты, богатых и влиятельных, — но никогда не заглядывают в детские комнаты, в тёмные уголки, где скрываются сломленные дети.

Вы слышите бесконечные тирады против власти маркетинга, пропаганды и зла манипулятивной рекламы — но как часто социальное программирование, навязываемое беспомощным детям в государственных школах, хотя бы *признаётся*, не говоря уже о том, чтобы осуждаться?

Эта книга разберётся со всем лицемерием, ложью и манипуляциями, которые скрывают и поддерживают насилие над детьми в нашем обществе — вокруг нас.

В вашей семье.

Потому что — вы же знаете, правда?

Вы *знаете* какого-то ребёнка в своём окружении — возможно, того, кого видите каждый день, — который тихий, подавленный, избегающий, дрожащий, словно раздавленный невидимой тяжестью.

Что так и есть, конечно.

Эта тяжесть — не только насилие, которое ребенок терпит, но и *ваше* молчание и избегание.

Конечно, общество устроено так, что очень трудно понять, что делать в случаях детского насилия. Если мы попытаемся защитить ребёнка, это может ещё больше спровоцировать обидчика, который всё ещё обладает жестокой властью над беспомощным ребёнком.

Если мы попытаемся противостоять обидчику, то же самое.

Раньше я думал, что взрослые вокруг меня не защищали меня, потому что боялись ещё больше разозлить мою мать — я мечтал, что они дождутся, пока я стану независимым, свободным от неё, а потом сядут со мной и выразят свои соболезнования, объяснят, почему не помогли.

Я оставил мать, когда мне было пятнадцать.

Я работал на трёх работах, совместно снимал жилье, платил по счетам, прокладывал свой путь.

Я стал свободным.

И иногда я смотрел на телефон — мой красный запылённый дисковый телефон — ожидая, что он зазвонит, что посыплются сочувствие и объяснения.

Ничего...

Я долго, очень долго ждал всего этого.

В свои двадцать с небольшим, когда родственники приехали в город на семейную свадьбу, я дни напролет проводил с ними, надеясь услышать хоть слово, хоть намёк на признание — а может, и извинение.

И снова — *ничего...*

Прошло тридцать лет с тех пор — они все уже умерли.

Уверен, тот старый телефон никогда не зазвонит.

Но они *помогли* мне, в каком-то смысле — и через эту помощь я надеюсь помочь миру.

Взрослые вокруг меня в детстве поучали и наказывали меня не потому, что обладали моральным пониманием, ясной способностью распознавать зло и сильной волей исправлять несправедливость.

Нет — причина была совсем *иной*...

Об этом я расскажу позже.

Присоединяйтесь ко мне, если осмелитесь.

Но это не будет красиво.

Авторитеты моего детства не ждали, пока я вырасту, чтобы сказать, как им жаль, что меня обижали.

Они либо не замечали, либо им было всё равно.

Это недопустимо.

Одна семья регулярно брала меня к себе — отчасти как беженца от насилия. Они много раз виделись и общались с моей матерью.

И что вы думаете? Спустя десяток лет я снова повстречал эту семью. Их мать спросила меня с большим сочувствием и нежностью: «Как поживает твоя бедная мамочка?»

Уму непостижимо.

Я помню — даже будучи ребёнком — как думал, что, если когда-нибудь добьюсь общественного признания, сделаю всё возможное, чтобы помочь жертвам детского насилия.

Хотя я и сталкивался с агрессивными родителями на публике, основная часть моей работы проходила онлайн: я выслушал тысячи взрослых жертв детского насилия, сопереживал им и давал моральную ясность в их отчаянных ситуациях.

Сколько из них сказали мне, что взрослые в их жизни пытались помочь им, когда они сами были детьми?

Я понимаю, что это выборочная группа, но ответ был удручающе неизменным.

Ноль.

Ни один взрослый в их жизни — ни в прошлом, ни в настоящем — не проявил ни малейшего осознания, понимания или сочувствия к

насилию, которое они пережили в детстве, даже те взрослые, которые были прямыми свидетелями этого насилия.

Восемнадцать лет у меня был открытый канал для всех желающих говорить о любых философских вопросах, которые их волнуют. Я приглашал к дебатам об этике, метафизике, эпистемологии, свободе воли — что угодно.

Любая тема открыта и приветствуется.

И — о чём хотят говорить люди, когда могут говорить о чём угодно?

О своём детстве, почти каждый раз.

Иногда кажется, что я единственный человек в мире, который всегда выслушает, всегда посочувствует и всегда даст моральную ясность тем, кто пострадал от злодеев.

Я никогда не говорю людям, что делать, конечно — я твёрдо верю в свободу воли и никогда не пытался бы заставить кого-то заменить на мои мысли их собственные суждения.

Может быть, я даю людям машину — но никогда не говорю, куда ехать.

Мораль без контроля — мораль, которая просвещает и освобождает, а не стыдит и наказывает, — может вызывать глубокую тревогу.

Если вы этого ещё не понимаете, поймёте, читая эту книгу.

Скажу так: если вы решитесь ее прочесть, то быстро поймете, почему она не была написана до сих пор.

Аргументы не сложны — моральная ясность обезоруживающе проста.

Это не книга о математике квантовой физики, диких противоречиях теории струн или о том, как ориентироваться в гиперсложных налоговых законах — или как сбалансировать личные интересы, социальное признание и моральную целостность.

Это книга, которую поймёт даже ребёнок.

Это книга, которую ждал ваш внутренний ребёнок.

Меня всегда впечатляло, что Сократ никогда не использовал технический язык, обсуждая философию с людьми — вы не найдёте ни одного примера, где он употребил бы слово «эпистемология», например.

Хотя я, конечно, писал более технические работы по философскому анализу, я *очень старался* сделать эту книгу максимально ясной и доступной.

Нет смысла писать сложное моральное руководство для улучшения всего мира.

Обычно я пишу довольно длинными абзацами — эта книга состоит в основном из коротких пунктов (на английском «bullet points» буквально означает «точки-пули»).

Они прямо как пули.

Если вас обижали в детстве — а большинство детей в мире это переживают, таков этот мир, — то примите мои глубочайшие и самые искренние соболезнования.

Это было неправильно, это недопустимо — и это *должно* измениться!

Никого не было рядом со мной, и это настоящая беда.

Некоторые люди вымещают свою боль на мире — некоторые дают то, чего сами были лишены.

Мне так жаль, что вам больно — это было ужасно несправедливо.

Мне так жаль, что — скорее всего — никто не помог и не заметил — ни тогда, ни теперь.

Мне так жаль, что рядом с вами никого не было.

С этой книгой я могу быть рядом с вами.

Здесь и сейчас.

Пора.

Начнём.

Введение

Если мир — это ад, то причина тому — детство.

Несчастья, страдания, боль и насилие в мире объясняются разными теориями, каждая из которых создана, чтобы отвлечь нас от главной, глубинной и крайне личной проблемы.

Социалисты утверждают, что мир — ад из-за экономической и экологической эксплуатации, но никогда не задаются вопросом, *почему* люди становятся такими бесчувственными, что используют и выбрасывают своих собратьев, руководствуясь холодной логикой экономической выгоды.

Богословы говорят, что мир — ад, потому что мы рождаемся грешными и должны быть избиты и запуганы, чтобы хотя бы отдалённо приблизиться к добродетели.

Педагоги объясняют, что мир — ад, потому что дети своевольны и непослушны, и их нужно запугивать и принуждать, чтобы они стремились к знаниям и принимали конформизм.

Борцы с расизмом утверждают, что мир — ад, потому что люди не доверяют и ненавидят другие этносы, но никогда не спрашивают, *почему* люди становятся ксенофобами, полными ненависти и страха.

Феминистки говорят, что мир — ад, потому что мужчины ненавидят и боятся женщин, а потому стремятся их подавлять и контролировать, но никогда не объясняют, *почему* мужчины могут ненавидеть и бояться женщин — особенно если их воспитывали женщины!

Эволюционные биологи утверждают, что мир — ад, потому что человек — это животное с животными страстями, вождением и жадой власти. Никто не объясняет, почему наука доступна человеку — но не другим видам, — а добродетель нет.

Каждое движение за гражданские права стремилось включить исключённые группы в моральный центр общества. Моральные — как юридические, так и социальные — нормы, созданные для исключения

различных рас, полов и классов, были оспорены и свергнуты. Цель включения всех исключённых групп в основные моральные принципы общества преследовалась с энтузиазмом — и часто достигалась, нередко к всеобщему благу.

Почему же никогда не было движения за гражданские права для самого угнетаемого, контролируемого и эксплуатируемого класса в обществе — *детей*?

Всё будет объяснено.

Что ещё?

Скептицизм по отношению ко всему ненатуральному также стал ключевой идеей современности: избегайте пластика, химикатов, пестицидов и так далее. Покупайте органическое, живите естественно, следуйте мудрости предков — бесчисленные сообщества с энтузиазмом стремятся к этим целям.

У нас есть термины для сексизма, расизма, гомофобии, исламофобии, ксенофобии, фэтфобии, классовости — список в наши дни практически бесконечен. Говорят, что страх и ненависть к «другому» приводят к языку ненависти, насилию, терроризму — даже к войне.

При всей нашей современной моральной мудрости одно слово заметно отсутствует в нашем бесконечном патрулировании речи и борьбе с предрассудками.

Где слово «*чайлдизм*»?

Почему у нас даже нет *слова* для обозначения предубеждения против детей?

«Ах, — можете сказать вы, — это потому, что общество ценит своих детей, вкладывает огромные силы в их обучение и воспитание, и поэтому нет смысла иметь слово вроде ‘чайлдизм’, как не было бы смысла иметь слово ‘любизм’. Нельзя быть предвзятым к тому, что любишь!»

Интересно...

Но — правда ли это?

Безусловно, общество *заявляет*, что боготворит и любит своих детей, и действительно вкладывает огромные усилия в их обучение и воспитание.

Что мы постоянно слышим?

«Дети — наше будущее, наше наследие, наш мир, цель нашей жизни и существования, основа нашей цивилизации...» — и так далее!

Покойная певица Уитни Хьюстон исполнила знаменитую песню «The Greatest Love of All», которая начинается так:

*Я верю, что дети — наше будущее,
Научите их хорошо и позвольте идти вперед,
Покажите им всю красоту, что у них внутри,
Дайте им чувство гордости, чтобы было легче,
Пусть детский смех напомнит нам, какими мы были...*

К сожалению, Уитни сама была жертвой сексуального насилия в детстве, выросла наркоманкой и вылила все свои неизбежные травмы и пренебрежение на свою дочь, которая, как и мать, умерла в ванной от передозировки наркотиков.

Уитни пела о добродетели, но прожила глубоко израненную и разрушительную жизнь.

В чем же суть общепринятой теории?

Она проста: дети *любимы* обществом, и поэтому нам никогда не *понадобится* слово, чтобы описать предубеждение общества против собственных детей!

Если ты любишь шоколад, как ты можешь быть предвзятым против шоколада?

Если ты любишь свою жену, по определению ты не можешь её ненавидеть и отвергать.

О чём, *чёрт возьми*, ты говоришь, Стеф?

Философия — это всегда про скептицизм, и чем дольше существует какое-то утверждение — и чем шире оно распространено, — тем больше философы склонны его подвергать сомнению.

Институт рабства был повсеместно принят и практиковался по всему миру на протяжении всей истории — пока моральные философы и богословы наконец не начали его оспаривать.

Современный мир основан на скептицизме по отношению к традиционно принимаемой «мудрости».

Наука, технологии, инженерия, медицина — всё это основано на скептицизме к ранее считавшимся «абсолютными истинами».

Борьба против исключения также основывалась на скептицизме к общепринятой мудрости исключения других рас, полов, классов и групп.

Разум требует, чтобы мы судили других — и самих себя — по делам, а не по словам.

Если мужчина утверждает, что страстно ценит женщину, а затем исчезает после секса, примем ли мы его заверения в любви?

Нет — конечно, мы будем судить по его действиям, а не по словам.

Хорошие слова часто маскируют плохие поступки.

Мошенники очаровывают нас, прежде чем обокрасть; соблазнитель ухаживает за нами, прежде чем использовать и бросить. Политики обещают нам рай, а приносят ад. Люди притворяются пострадавшими, чтобы заманить вас поближе, а затем грабят. Аферисты притворяются, что хотят помочь, а потом воруют.

И — поверите или нет — преступники обычно утверждают, что невиновны, даже если виновны.

Представьте мир, где простые утверждения равнялись бы объективной правде.

Если вы провалили экзамен, но сказали учителю, что сдали, то он должен был бы исправить вашу оценку!

Если вы не заплатили налоги, но сообщили правительству, что *уплатили*, это пришлось бы принять.

Если вас поймали на краже в магазине, вы могли бы сказать владельцу, что *не крали*, и он должен был бы вас отпустить.

Вы могли бы утверждать, что вы врач, и никто не мог бы с вами спорить.

В детстве, с шоколадом на лице, вы могли бы с полным правом отрицать, что прикасались к шоколаду!

Если вам надоело платить ипотеку, вы могли бы просто позвонить в банк и сказать, что дом уже полностью ваш, и всё было бы в порядке!

Общество рухнуло бы примерно за сорок восемь часов, если бы все утверждения принимались за правду.

Нет, у нас есть стандарты доказательств, эмпиризма, логической последовательности и проверки — чтобы отделить лжецов, эксплуатирующих мораль, от честных людей, стремящихся к добродетели.

Что мы говорим, если мы рациональны?

«Это ваше утверждение, а где правда?»

Это суть не только философии, но и общества, рациональности, функциональности — и выживания.

Представьте первобытного охотника, возвращающегося с пустыми руками, но утверждающего, что он добыл огромного оленя. Кто-нибудь бы поел?

Представьте человека в джунглях, за которым охотится тигр — мог бы он спастись, закрыв глаза и повторяя: «Нет тигра, нет тигра»?

Конечно нет — эти примеры очевидны.

Мы все понимаем, что, отказываясь смотреть на логику и факты, мы лишь даём лжецам больше силы и уверенности.

Общество утверждает, что любит своих детей — хорошо, давайте посмотрим на логику и факты.

Прежде чем отправиться в это путешествие, я должен повторить своё предупреждение.

Эта книга будет ужасной для вас — но альтернатива гораздо хуже.

Некоторые медицинские процедуры могут быть ужасными, но они лучше смерти.

Ужасно смотреть в зеркало и признавать, что ты толстый, но это лучше, чем заболеть диабетом и сердечными заболеваниями.

Самокритика может быть мучительной, но она куда лучше, чем разложение и упадок, которые приходят, когда избегаешь разумной самокоррекции.

Учёба — это боль, но альтернатива обычно гораздо хуже.

Эта книга будет болезненной для вас, потому что она не об абстрактных темах, высокопарных философских идеалах или мягких призывах к будущей добродетели.

Эта книга о вашей боли.

Эта книга о вашей жизни.

Эта книга о вашем детстве.

Эта книга болезненна — но альтернатива бесконечно хуже.

Если общество действительно любит своих детей и воспитывает их мудро, добродетельно и хорошо, тогда мы поистине обречены — потому что нынешний ад — это лучшее, на что мы можем рассчитывать.

Если вы занимаетесь спортом и питаетесь разумно, но каждую неделю набираете вес, что-то серьёзно не так с вашим телом.

Если вы едите слишком много и не занимаетесь спортом, у вас есть решение для проблемы веса — ешьте меньше и тренируйтесь!

Мы должны искренне надеяться и молиться, чтобы общество *не* любило и не ценило своих детей — иначе мало что можно существенно улучшить!

Другими словами, если вы уже делаете всё возможное, вы никогда не сможете улучшить результат.

Если общество замечательно относится к своим детям, то нет пути к улучшению. Насилие, раздоры, одиночество, отсутствие любви, эксплуатация, предательство — все пороки, которые гноятся и растут в человеческом сердце — и в нашем социальном мире — никогда не смогут быть исцелены.

Последние несколько сотен лет мы пытались стать более инклюзивными и создать гармонию в обществе, но дисгармония только нарастает.

Мы провели бесчисленные тысячелетия, пытаясь остановить войны, но войны продолжают.

Мы провели вечность, борясь с аморальностью, но зло всё ещё растёт.

Либо мы упускаем что-то принципиальное, либо мы действительно обречены.

Я выбираю надежду.

Однако...

Выбор надежды означает принятие боли.

Да будет так.

Мы зададим и ответим на вопрос:

Действительно ли общество любит своих детей?

Любим ли мы своих детей?

Любовь и насилие — противоположности.

Мужчина не может утверждать, что любит женщину, если он её бьёт.

Женщина не может говорить, что любит своего кота, если морит его голодом.

Хулиган не может заявлять, что любит своих жертв.

А как насчёт любви и эксплуатации?

Может ли парень утверждать, что любит свою девушку, тайно накапливая долги на её кредитной карте?

Долговое рабство — это противоположность любви.

Давайте проведём мысленный эксперимент.

Представьте расу с фиолетовой кожей.

Общество утверждает, что любит этих «фиолетовых».

Заявления о привязанности не являются доказательством любви — насильники, сталкеры, секты и эксплуататорские корпорации часто заявляют, что «любят» своих жертв.

Теперь представьте, что в обществе, которое утверждает, что любит «фиолетовых», верны следующие факты:

1. Бить человека — противозаконно, за исключением фиолетовых. Избиение фиолетовых прославляется как акт «поддержания общественного порядка».
2. Калечащие операции на половых органах запрещены законом — кроме фиолетовых мальчиков, для которых это не просто дозволено, а превозносится как добродетель и традиция.
3. Использование будущих доходов ещё не рождённых фиолетовых в качестве залога для государственных трат — узаконенная и всецело одобренная практика.
4. Обременять других долгами и заставлять их расплачиваться — преступление, но не для фиолетовых. Они рождаются с долгами и влечат этот груз всю жизнь.
5. Фиолетовые часто становятся жертвами сексуального насилия: примерно каждая третья женщина и каждый пятый мужчина. Несмотря на это, судебные преследования редки, хотя преступления формально запрещены.
6. То, что считается неприемлемым и недопустимым по отношению к людям, одобряется и воспевается, если это касается фиолетовых. Кричать на фиолетового за его ошибки считается актом заботы.
7. Запугивание работников торговли общественно порицается, но угрожать фиолетовым принято считать *добродетельным* и

благородным поступком.

8. Физическое наказание и умышленное травмирование недопустимо для всех — кроме фиолетовых, которых можно наказывать, пока вред не станет необратимым.
9. Заставить кого-то жить с вами против воли — это похищение. Но фиолетовых можно держать взаперти и наказывать за попытки бегства.
10. Похищение людей и их принудительная индоктринация — преступление. Однако фиолетовых принуждают к индоктринации более шести часов в день на протяжении двенадцати лет.
11. Давать кому-то наркотики без его согласия кажется немыслимым, но фиолетовых можно накачивать препаратами, если они отвлекаются или плохо себя ведут.

Эти факты полностью противоречат утверждению общества о «любви» к фиолетовым.

Если бы это были женщины, мы назвали бы это сексизмом.

Если бы это были чернокожие, индейцы или латиноамериканцы, мы назвали бы это расизмом.

Но у нас даже нет слова для предубеждения против детей.

Это не случайность.

Слова «чайлдизм» даже не существует.

Почему?

Чайлдизм

Что такое «чайлдизм»?

Это всеобъемлющая, неустанная — и зачастую институционализированная — предвзятость и враждебность по отношению к детям.

По всему миру родители бьют своих детей, заставляют их сидеть смирно или запирают в комнате. Им отказывают в еде, на них кричат, их рыдающих сдают в детские сады. Дети заперты дома и не могут уйти.

Общество, которое действительно любит своих детей, не имело бы государственного долга или не обеспеченных обязательств. Оно не загоняло бы детей в школы, где их интересы игнорируются, а за невнимание их пичкают таблетками.

Дети счастливее всего в семьях с двумя родителями, где мать остаётся дома. Общество, заботящееся о безопасности детей, поощряло бы традиционную семью. Оно не разлучало бы матерей с новорождёнными — это выгодно работодателям и государству, но разрушает материнскую связь и приводит к хаосу и насилию в будущем.

Оно не выплачивало бы женщинам пособия, алименты и поддержку, чтобы они покидали свои семьи.

Общество, которое любит детей, ставило бы их потребности и счастье в центр всех социальных и правовых решений. Каждый важный вопрос задавался бы так:

- *Что будет лучше для наших детей?*

Стоит ли пороть детей?

Ответ прост: Порка губительна для детей.

Можно ли кричать на детей?

И здесь ответ ясен: Вербальное насилие разрушительно для ребёнка.

Стоит ли отправлять детей в государственные школы?

В государственных школах детям очень плохо.

Должны ли мы финансировать жадность общества, заковылая детей в оковы будущих долгов?

Ответ очевиден.

Хотите узнать, любит ли общество своих детей? Спросите:

- *На что готово общество пойти ради наилучшей судьбы для детей?*

Выберут ли политика, предложившего урезать расходы ради выплаты долга во имя будущего детей?

Согласятся ли профсоюзы учителей на изменение программ ради научно доказанного блага детей?

Считается ли нормой критиковать тех, кто обрекает детей на пожизненную боль развода?

А как насчёт женщин, рожающих вне брака? Или мужчин, бросающих своих детей?

Тех, кто обвиняется в словесной нетерпимости, изгоняют и презируют — а тех, кто причиняет реальный вред своим детям, восхваляют.

Людей уничтожают за слова, но хвалят за жестокие поступки.

Расовые оскорбления — недопустимы. А крики, побои, запираение и промывание мозгов детям — в порядке вещей.

Почему в мире есть войны, распущенность, зависимости, преступность и насилие?

Потому что детей насилуют — физически, морально, системно.

И мы лжём, говоря, что любим их.

Всё просто.

Мир — это ад из-за детства.

Почему мы наказываем детей

Думаете, это преувеличение? Слишком радикально?

Хорошо — давайте послушаем другую сторону!

Контраргумент таков:

«Детей нужно бить или контролировать, потому что у них нет понимания последствий. Вы останавливаете ребёнка, если он бежит на дорогу или хватается кипятилка. Дети импульсивны и не осознают опасности, потому что вы применяете физические меры, чтобы избежать худшего».

Но этот аргумент разваливается при малейшем размышлении.

Это и есть чайлдизм — предвзятость против детей — утверждать, что:

«Нормально применять насилие к тем, у кого ограничены когнитивные способности».

Если умственно отсталый взрослый совершает ошибку — позволено ли на него кричать, бить, наказывать?

Нет!

Если ваша пожилая мать страдает деменцией — вы можете её избить за то, что она забыла ключи?

Нет!

Так что идея, будто детей бьют из-за их умственной ограниченности — ложь.

Любая группа в обществе, похожая по характеристикам на детей, защищается законом — кроме самих детей.

Если мать говорит, что бьёт детей, потому что они не слушаются — она врёт.

Представьте, что она объясняет начальнику, почему не может выполнить задачу, а он не слушает. Тащит ли она его через колено и начинает пороть?

Нет!

Её бы арестовали за нападение!

Если бы она заявила полицейским, что побила босса, потому что он *не слушал* или *ослушался*, что бы они сказали?

«Мэм, вы не имеете права кого-либо бить только потому, что он вас *не слушает!*»

Представьте политика, предлагающего узаконить побои для тех, кто не согласен или не слушает.

Люди сочли бы такую кампанию моральным безумием.

И всё же мы принимаем это как «аргумент», когда речь идёт о родителях и детях.

Если мы арестовываем только чернокожих за кражу, а людей других рас отпускаем за *те же поступки*, то ложь говорить, что арест — за кражу.

Если мы оскорбляем, бьём и наказываем детей за ошибки и непослушание — но не делаем этого с другими — мы лжём о своих мотивах.

Повсюду одна и та же картина: *Насилие — это моральное зло для нас, но моральное благо для детей!*

Вот что такое чайлдизм.

Нам также говорят: я бью ребёнка, потому что он не умеет рассуждать!

А теперь представьте это в обществе.

Полон ли мир людей, которые умеют рассуждать?

Нет.

Так значит, можно бить людей за отсутствие логики? Нет.

Понимаете, насколько это безумно?

Понимаете, как наши якобы «универсальные» моральные принципы обнажают жестокую предвзятость *чайлдизма*?

Дети рассуждают?!?

Вы можете удивиться, узнав, что даже *младенцы* способны к рассуждению — начиная примерно с пятнадцати месяцев, они уже проявляют зачатки морального мышления. Увы, мрачная правда в том, что большинство родителей просто не верят в это — потому что никогда не пытались разговаривать с детьми как с разумными существами.

Для многих «рассуждение» — это когда ребёнок соглашается.

«Я тебя по-хорошему попросила!» — обычно предвещает переход к насилию.

Несогласие или неудобство часто заканчиваются насилием — физическим или эмоциональным.

Это безумие.

Если вы достаете пистолет во время спора, и ваш оппонент ударяет вас — это не значит, что он не умеет рассуждать. Это вы спровоцировали насилие.

Точно так же и родители: они не пытаются месяцами убеждать ребёнка, а потом уже в отчаянии прибегают к пощёчинам — нет. Они начинают с удара. И тем самым *не дают* развиться способности к рассуждению.

Сначала — удары, потом — оправдание «они всё равно не понимают».

Общество придерживается двух моральных принципов.

Первый из них:

- Подлинная неспособность никогда не должна наказываться, а должна приниматься с пониманием. Если ребёнок или взрослый не слышит — мы не наказываем его, мы подстраиваемся под это. Если мы верим, что ребёнок не умеет рассуждать — это тоже ограничение, и мы не должны его за это наказывать. Мы же не ругаем младенца за то, что он намочил ковёр — он ведь не может контролировать мочевой пузырь.

И всё же детей, ограниченных в своих мыслительных способностях, *постоянно* наказывают за это. Если гость разрисует нам стены, мы не будем на него орать или бить.

Взрослых — *прощают*, детей — *наказывают*.

Это не про добродетель — это про власть.

Почему мы наказываем детей?

Потому что мы хорошие, а они плохие?

Нет.

Потому что они отказываются рассуждать, и у нас не остаётся иного выхода, кроме как прибегнуть к насилию?

Нет.

Мы наказываем детей *потому что можем*.

Когда рабство было легальным, рабовладельцы били своих рабов просто потому, что им это позволялось. Если мы кричим, бьём, оскорбляем или унижаем детей — но никогда не поступаем так со взрослыми — значит, мы делаем это лишь потому, что нам это дозволено.

Второй моральный принцип общества гласит:

- Чем больше разница во власти, тем выше должны быть моральные стандарты. Мужчина может пригласить женщину на свидание, даже на работе. Но начальник не должен приглашать подчинённого — из-за перекаса во власти. Полицейский, злоупотребляющий силой, опаснее, чем гражданский агрессор. Продажный судья заслуживает большего осуждения, чем нечестный продавец.

Чем больше власти, тем больше требуется добродетели. Человека в коме не хвалят за моральность, потому что у него нет способности творить добро или зло.

Бедную женщину никто не осудит за то, что она не жертвует на благотворительность. А вот миллиардера — вполне.

Власть против добродетели: история любви

Мы все безусловно признаём: чем больше власти в отношениях, тем больше добродетели требуется от того, кто этой властью обладает.

Это — базовая истина: *нет большего неравенства во власти, чем между родителями и детьми.*

Мы осуждаем начальника, приглашающего секретаршу на свидание, — потому что власть обязывает. Больше власти — больше морали. Если заключённый угрожает охраннику — это несерьезно. Если охранник угрожает заключённому — это очень серьезно.

Представьте, если бы динамика власти родителей применялась в браке.

Боб и Салли — женаты. Салли досталась Бобу по распределению, без права выбора. Уйти она не сможет минимум восемнадцать лет. Выйти

из дома — только с Бобом или под чьим-то надзором. Первые восемь—десять лет — она вообще не может выйти одна.

Боб имеет над ней полный контроль. Он может её бить, удерживать, лишать еды, ограничивать контакты, кричать, унижать. Салли не может ни убежать, ни защититься. Если она попытается — Боб вызовет полицию, и те прочитают ей лекцию о послушании.

Если Салли пожалуется на насилие, все будут уговаривать её простить Боба, остаться с ним навсегда, заботиться о нём, содержать его, уступать ему — и не ждать ни извинений, ни изменений.

Говорить с Бобом о его жестокости считается недопустимым — «он старается как может».

Салли всё время напоминают, каким тяжёлым было детство у Боба, и внушают, что её долг — любить и понимать его — и *никогда* не уходить.

И если через двадцать лет унижений и мольбы о переменах Салли уходит — она должна скрывать свою свободу, потому что общество осуждает её за то, что она бросила своего «любящего» мужа.

Если Салли когда-либо *упоминает* о побеге из насильственных отношений — она сталкивается с холодом, отторжением и враждебностью.

Она видит, как женщин, добровольно вступивших и вышедших из брака, хвалят за храбрость, а её — принуждённую к «браку» с детства — осуждают.

Мир кажется логичным только до тех пор, пока ты не начнёшь думать. Салли живёт в системе, где *уход из добровольного союза — героизм, бегство из насильственного — преступление.*

Дети зависят от родителей и не могут уйти. Это не моральный или юридический вопрос — это биология. То, что дети заперты со своими родителями, — не проблема, которую можно решить, а перекося во власти, который нужно признать.

Переворачивание принципов

Мы не можем называть себя моральными, если переворачиваем принципы, когда нам удобно.

Мы не можем утверждать, что *неприемлемо*, когда начальник ухаживает за секретаршей из-за разницы во власти, но *допустимо*, когда родитель — обладающий куда *большей* властью — бьёт своего ребёнка.

Секретарша может подать жалобу, уволиться или отказаться. А ребёнок не может ни уйти, ни защититься, ни найти поддержку. Если он жалуется — его высмеивают. Если он сопротивляется — наказание может стать смертельно опасным. У детей нет независимости, прав, выбора, свободы, самообороны — и никакого способа уйти от обидчика.

Если обидчик — родитель, бежать некуда.

Вернёмся к Бобу и Салли.

Если Боб хочет, чтобы жена его любила, но она была вынуждена выйти за него и не может развестись — что ему остаётся?

Недобровольные отношения изначально убыточны — они не выбраны. Радостный брак может начаться с +10. Принудительный — с -10.

Добровольный союз — это старт с +6 или +8: радость от вступления в брак, но с примесью неуверенности. Чтобы достичь +10, нужно прибавить 2–4 пункта счастья.

Принудительный союз начинается с -10. Чтобы добраться до +10, нужно *двадцать* пунктов счастья.

Чтобы сделать такой брак счастливым, Боб должен думать: «Моя жена не может уйти, значит, я должен быть настолько хорош, чтобы она *выбрала меня, если бы могла*. Я должен вести себя так, как будто она может уйти в любой момент, и сохранять высочайший уровень любви, юмора и добродетели».

Принудительная природа отношений требует от Боба высшего стандарта, чтобы превратить их из *навязанных* в *осознанно принятые*.

(Да, взрослый человек может уйти от родителей после восемнадцати лет. Но это часто стоит ему всех отношений — так же, как жене, покидающей мужа, приходится терять друзей, семью, опору.)

Родители *выбирают* иметь детей. Дети не *выбирают* ни рождаться, ни своих родителей. Они оказались в этих отношениях помимо воли — это не мораль, не закон, это биология. Это брак по принуждению — только выбор сделал не ребёнок, а взрослый.

Чтобы быть действительно любимыми, родители должны мыслить как Боб.

Боб говорит: «Салли никогда меня не выбирала. Значит, я должен быть таким, чтобы, если бы у неё был выбор, она *выбрала* меня».

Так же и родители должны говорить: «Мои дети не выбирали меня. Значит, я должен быть таким, чтобы, имея выбор, они *всё равно* выбрали меня».

Если Боб каждый день рычит на Салли: «Ты обязана меня слушаться и любить! А если не послушаешься, будешь наказана!» — каковы шансы, что она полюбит его?

Достаточно задать этот вопрос — и ответ станет ясен.

Мнимые долги

Один из способов угнетать человека — это выдумывать долги и наказывать его за то, что он их «не оплатил».

Представьте мужчину, который уверен, что раз он оплатил ужин, то женщина обязана с ним переспать. Если она отказывается от секса, он злится и кричит на неё. Это абьюз.

Так же и родители: они придумывают детям «долги» — послушание, уважение — и карают их за неуплату этих мнимых обязательств.

«Привилегии» — это вера в то, что тебе кто-то что-то должен, хотя ты этого не заслужил. Мужчина, считающий, что женщины *обязаны* ему сексом, — опасен. Работник, рассчитывающий на зарплату без работы, — неадекватен.

Многие родители считают, что дети им что-то должны, и прибегают к агрессии, если те не подчиняются.

Ваши дети не обязаны вам ни послушанием, ни уважением, ни любовью, ни заботой, ни ресурсами, ни вниманием, ни звонками, ни деньгами, ни уходом в старости.

Придумывать долги проще, чем заслужить искреннее уважение. Требовать «любви» под угрозой наказания проще, чем быть по-настоящему любимым. Проще украсть, чем создать. Проще скачать музыку, чем сочинить. Проще убить, чем вырастить.

Запугать ребёнка проще, чем вдохновить его собственной добродетелью.

Заставить женщину слушаться и говорить, что она тебя любит — это не любовь, это насилие.

Вообразать, что ребёнок тебе что-то должен, а потом давить на него — аморально.

Выводы

Если ты вырос, веря, что Земля плоская — потому что так кажется, так говорят все, а тех, кто сомневается, называют сумасшедшими, — ты в этом не виноват.

Мы должны проявлять сострадание к тем, на чью долю выпали ошибки, вбитые им с рождения.

Если ты родитель, несложно понять: твои дети не выбирали тебя.

Мы возлагаем высокие моральные ожидания на тех, кто обладает властью, и проявляем мягкость к тем, кто уязвим.

Мы не поощряем насилие против слабых.

Эти простые принципы признают все.

Одно дело — верить, что Земля плоская, если ты ни разу не выходил в космос. Другое — продолжать верить в это после того, как увидел планету из орбиты.

Большинство из нас в детстве сталкивались с презрением, враждебностью, агрессией, насилием и жестоким обращением. Через собственный опыт или наблюдая за отличиями в более благополучных семьях, мы знаем правду.

Мы обсудим факты, разберёмся в морали и разорвём порочный круг чайлдизма — мы оправдаем своё утверждение о любви и ценности наших детей. Мы сделаем самое трудное. Мы примем только честность, правду и добродетель. Мы вытерпим нашу боль, чтобы достичь нашей моральной цели.

Потому что альтернатива — не просто ад. Это смерть. Иного пути нет. Мы должны взглянуть в лицо этим истинам — ради будущего наших детей.

ЧАСТЬ 1: ТЕОРИЯ

Ненасильственное воспитание: что это такое?

Самое странное в ненасильственном воспитании — это то, что мы и так применяем его почти во всех сферах нашей жизни.

Ненасильственное воспитание — не что-то чуждое, революционное или парадоксальное. Это то, чему вы учите своих детей, как вы живёте, что хвалите и предпочитаете почти во всём, что делаете.

Непонятно?

Посмотрите шире.

Ненасильственное воспитание — величайшая моральная революция в истории, продолжающая и углубляющая весь предыдущий нравственный прогресс.

Что я имею в виду?

Наука, техника и мораль развиваются, устраняя исключения. Чем проще и универсальнее правило, тем больше у нас власти над знанием, природой и собой.

Ранние заповеди запрещали кражу — но только внутри племени. Чужих можно было грабить, но имущество своих следовало уважать.

Представление о плоской Земле создаёт исключения из универсальных законов.

Во многих обществах права предоставлены лишь избранным, а низшие касты, женщины и рабы остаются незащищёнными. Зачем эти усложнения?

Всё дело во власти. Сложность прикрывает коррупцию.

Изменение всего одной переменной может упростить систему, превратив её из коррумпированной в справедливую.

Когда Землю считали центром Вселенной, движение Марса объясняли сложнейшей системой Птолемея, требовавшей сотен расчётов.

Гелиоцентрическая модель упростила всё: Земля иногда обгоняет Марс, и тот кажется движущимся назад. Просто.

Теория гравитации Ньютона: всё падает — яблоки, Земля, Луна.

Эйнштейн упростил понимание, введя относительность и формулу $E=MC^2$, отказавшись от теории мирового эфира.

Расширение принципа самопринадлежности, права собственности и избирательных прав на всех взрослых ликвидировало моральные оправдания рабства.

Каждый человек владеет собой и результатами своих поступков — на этом строится политическая свобода и право на собственность.

Условная мораль, напротив, делает исключения.

«Контракты можно заключать всем — кроме женщин!»

«Голосовать могут все — кроме рабов!»

«Свобода слова — только для короля!»

В одних религиях доступ к божественному есть только у жрецов, в других — у всех.

Какие моральные принципы сегодня нуждаются в универсализации?

Принцип ненападения

Все мы признаём и защищаем принцип ненападения, согласно которому недопустимо первым применять силу к другому человеку. Самооборона оправдана лишь при серьёзной угрозе, но без провокации насилие недопустимо.

Исторически принцип ненападения применялся выборочно. Дворяне могли продавать землю и оставаться свободными, а крестьяне — продавались вместе с ней. Члены одного круга обязаны были соблюдать принцип ненападения между собой, но могли бить и грабить чужаков.

Так что же такое ненасильственное воспитание? Это просто расширение принципа ненападения на детей, признание аморальности применения силы против них.

Ненасильственное воспитание — это понимание, что применять насилие к детям, заключать от их имени сделки или брать в долг за счет их будущих доходов — аморально.

Расширение принципа ненападения на детей означает, что побои, шлепки, удержание или физическое принуждение — недопустимы.

Я понимаю, у вас может быть множество возражений — и я к ним вернусь. Но задумайтесь вот над чем:

Разве не проще иметь одну мораль для всех, чем отдельную — для взрослых и детей? Разве не логично, что если мы учим ребёнка не бить — мы и сами не должны его бить? Разве люди во власти не должны сами соблюдать свои же правила?

Многие из вас (примерно 10–20%) уже считают, что бить детей — неправильно, и я это уважаю. Но ненасильственное воспитание идёт дальше: оно признаёт, что и словесное насилие против детей нарушает принцип ненападения.

Словесное насилие — это когда ребёнку говорят, что он глупый, ленивый, эгоистичный; пугают концом света или внушают, что он злой по факту рождения. Если женщину похитить и промыть ей мозги — это психологическое насилие и незаконное лишение свободы. За моральный ущерб полагается компенсация, а сектантов судят за вербовку.

Дети не могут сбежать из насильственной среды и особенно уязвимы к словам родителей. Законы о клевете и оскорблениях существуют потому, что слова причиняют вред.

Мы запрещаем физическое и словесное насилие между взрослыми — почему не запрещаем то же самое в отношении детей?

Наука, техника и мораль развиваются, распространяя простые, признанные принципы на всех. Моральные законы существуют ради

тех, кто не может защитить себя. А дети — самые беззащитные. И всё же именно они исключены из круга защиты, даруемой взрослым.

Свободные взрослые под защитой. Зависимые дети — нет. Это недопустимо. Пришло время всё изменить.

Каким должен быть мир

Почему нам так трудно жить в согласии с собственными ценностями?

Потому что это запланировано.

Притворяться добродетельным, чтобы творить зло — древнейший обман.

«Добродетель» была придумана, чтобы нас использовать.

Не верите?

И правильно. Не надо верить на слово.

Представьте две враждующие племенные группы — Хэтфилды и МакКои.

Хэтфилды уважают право собственности; МакКои — нет.

Хэтфилды владеют землёй, машинами, производят и продают оружие — специализируются, обогащаются.

МакКои воруют друг у друга — никто не сеет, не строит, не изобретает.

Когда племена сталкиваются, побеждают Хэтфилды — с лучшими воинами, оружием и запасами еды.

Любая группа выигрывает, когда уважает право собственности.

Христианство распространилось благодаря заповеди «не укради» — она создаёт богатство, которое можно обложить налогами и контролировать.

«Честность» — добродетель, пока власти нужно от тебя признание. Но стоит сказать неудобную правду — тебя обвиняют в грубости, богохульстве, мятеже или «разжигании ненависти».

«Храбрость» восхваляется у солдат, служащих элитам — но клеймится как терроризм или измена, если направлена против них.

Разберите любую «добродетель» — и вы увидите: она поощряется, если служит власти, и карается, если нет.

Солдата награждают за убийство врага — и сажают за убийство гражданина.

Честность и храбрость — хорошие качества. Я не хочу, чтобы вы разочаровались в морали, я хочу, чтобы вы поняли, почему её так сложно применять последовательно.

Что хорошо для одного — хорошо и для другого...

Моральные перевороты

Если поступок хорош в одной ситуации, но плох в другой — это *моральный переворот*.

К сожалению, мы сталкиваемся с этим с самого детства.

Нас учат говорить правду — но наказывают, когда она неудобна.

Если ребёнок признаётся, что разбил лампу — его хвалят. Но если он скажет, что видел, как мама целовалась с чужим дядей — его накажут.

Если ты говоришь, что не хочешь целовать тётю Эдну, потому что у неё изо рта воняет — тебя наказывают за «грубость», а не хвалят за честность.

Добродетели поощряются, когда они удобны — и наказываются, когда нет.

Учителя требуют честности — но не тогда, когда речь идёт об их скучности или некомпетентности.

Они учат ненасилию — но сами устраивают забастовки, чтобы добиться своего.

Они говорят, что надо противостоять хулиганам — но не встают на твою сторону, когда ты жалуешься на буллинг.

Добродетели преподносятся как универсальные — но применяются выборочно. И это противоречие игнорируется.

Вот почему мы не замечаем, как общество заявляет, что любит детей — и одновременно унижает и эксплуатирует их.

Мораль часто служит прикрытием для эксплуатации.

Моральный философ, требующий последовательности, вызывает ужас — потому что жить по *реально универсальным* принципам всегда было опасно.

Где-то внутри мы знаем:

«Эти принципы универсальны — но жить по ним опасно. А говорить о противоречиях — тем более».

Убийство без одобрения власти — преступление. С одобрением — медали и парады.

Нам безопаснее *говорить* об универсальной морали — и при этом делать противоположное. И даже не замечать этого.

Осознание этой двойственности унижительно — оно показывает, насколько глубоко мы поработочены.

Мир — это ад, главным образом потому, что он притворяется раем.

Каким должен быть мир. Часть 1

Давайте представим мир, в котором мы действительно живём в согласии с провозглашённой любовью и ценностью детей.

Представьте, что каждое решение, касающееся ребёнка, принимается так, чтобы оно принесло ему наибольшую пользу.

Начнём это путешествие.

Детям важнее всего добродетели родителей, ведь именно последовательные добрые поступки создают привязанность и эмоциональную безопасность — то, в чём дети нуждаются больше всего.

В мире, где счастье детей ставится в приоритет, мужчины и женщины выбирали бы друг друга за добродетели, а не за внешность.

Привлекательное лицо может говорить о здоровье, но любовь рождается из добродетели, и детям нужны именно добродетельные родители, чтобы любить и уважать их.

Трудно представить себе компанию, которая нанимает человека, не проверяя его квалификацию, или сотрудника, готового работать, не зная своей зарплаты. Экономические отношения строятся на заранее оговоренных ценностях.

Но свидания — особенно в наше время — устроены иначе.

Знакомства должны быть ради будущих детей, ради создания стабильной и доброжелательной среды для семьи. Свидания — это не про тщеславие, секс или соцсети. Это способ *проверки совпадения жизненных ценностей до рождения детей.*

Раньше этим занимались старейшины племени, следя за тем, чтобы партнёры разделяли мораль. Теперь мы выбираем сами — и часто избегаем моральных разговоров, увлекаясь внешностью. Это ведёт к расставаниям и разрушает способность к привязанности.

Множество разорванных связей делает нас подозрительными, неспособными любить и чувствовать близость. Как с липкой лентой: чем чаще отклеиваешь — тем хуже она держит. В тридцать с лишним, в панике из-за фертильности, мы спешим завести детей, но не можем привязаться ни к партнёру, ни к ребёнку — и погружаемся в тревогу и депрессию.

Если не сформировать привязанность к ребёнку, воспитание станет тяжким бременем, и депрессия не заставит себя ждать. Искать смысл в работе вместо семьи — усугубляет всё.

Человек создан для прочной пары с тем, кто разделяет его ценности — моральные, а не вкусовые. Бесконечные пары встречаются годами, не обсуждая ни детей, ни взгляды на воспитание. Они не проясняют разногласия и в итоге оказываются в юридически скреплённой семье, не способной справиться с конфликтом идей.

В любых других отношениях это выглядело бы безумием. Вы бы устроились на работу, не зная обязанностей и зарплаты? Родили бы ребёнка, не представляя, как дальше жить? Подписали бы ипотеку на 40 лет, не обсудив проценты?

Конечно, нет.

Но ради секса и развлечений люди идут на отношения — и сводят к нулю их главный смысл: фильтровать по совпадению моральных ценностей и формировать эмоциональную связь. А раз свидания предшествуют рождению детей, то общество, которое действительно заботится о детях, начнёт реформу именно с этапа знакомств.

Свидания должны быть проверкой совпадения ценностей на практике. Сначала обсуждаются убеждения. Если они совпадают — следуют встречи, чтобы проверить слова делом. Мужчина говорит, что хочет содержать семью? Свидания показывают его образование, активы, доход и потенциал. Женщина говорит, что умеет мирно решать конфликты? Свидания проверяют это через разногласия.

Власть развращает, а свидания дают другому человеку всё большую власть над вашим счастьем. В компании никто не начинает с должности генерального директора — обязанности и доверие растут со временем.

Свидания — это вопросы о добродетели: Он пунктуален? Внимателен? Добрый и смелый? Честный? Надёжный? Делает мою жизнь лучше? Мне приятно с ней даже без секса? Хорошо ли он обращается с детьми? Есть ли у неё зависимости — азартные игры, алкоголь? Он добросовестный?

Если сосредоточиться на таких качествах, можно построить мир, где благополучие детей действительно будет стоять на первом месте — начиная с фундамента: добродетельных отношений между взрослыми.

Каким должен быть мир. Часть 2

Когда доверие и эмоциональная близость установлены через проверку совпадения ценностей, начинается формирование пары и интимные отношения.

Секс должен быть наградой за совпадение ценностей. Современные отношения превращают его в награду за внешность и влечение, что приводит к катастрофам и лжи.

Разводящиеся родители, включая тех, кто не был женат, но расстаётся после рождения детей, — не действуют в интересах своих детей. Данные об этом однозначны.

Матери-одиночки часто утверждают, что дети — их высшая ценность. Это неправда. Если бы дети были для них на первом месте, они бы не связывались с ненадёжными мужчинами.

Если мужчина бросает своих детей, есть только два варианта:

1. Он изначально был плохим человеком.
2. Он был хорошим, но она его выгнала.

В любом случае, дети для неё — не высший приоритет.

Чтобы поставить детей на первое место, общество должно реформировать культуру свиданий так, чтобы формирование пары вело к наилучшему будущему для ребёнка. Законы о браке, пособиях и разводе должны поощрять стабильные семьи и давать детям безопасность.

После зачатия в интересах ребёнка — это:

- Эмоциональная привязанность к матери
- Грудное вскармливание
- Пребывание матери дома хотя бы в первые пять лет

Женщины должны оставаться дома, любить и кормить грудью своих младенцев, чтобы соответствовать ценностям заботы о детях. Это снижает ВВП и экономическую активность в краткосрочной перспективе, но со временем увеличивает зарплаты мужчин за счёт меньшей конкуренции на рынке труда.

Когда благополучие детей принижается в угоду экономике, женщин подталкивают к тому, чтобы отдавать малышей в ясли — это выгодно экономике, но разрушает раннюю связь матери и ребёнка.

Что нам важнее: дети или власть и деньги? Хотим ли мы счастливых младенцев — или высоких экономических показателей?

Мало какая женщина зарабатывает столько, чтобы покрыть налоги, расходы и оплату детского сада. Большинство фактически отдают своих детей за гроши — или даже в убыток. В среднем мать после всех трат получает лишь пару долларов в час.

Если бы нам действительно были важны дети, этого бы не происходило.

Хотим понять, заботимся ли мы о детях? Тогда просто спросим: что лучше для детей? — и посмотрим, делает ли это общество.

Если общество не делает того, что лучше для детей, значит, либо оно не хочет, либо не знает, что лучше.

Если я говорю, что хочу похудеть, но ничего не читаю об этом и злюсь на советы — я не хочу худеть на самом деле.

Мы указываем на лицемерие не для того, чтобы осудить, а чтобы не тратить силы на попытки исправить тех, кто не желает меняться.

Каким должен быть мир. Часть 3

Если мой друг утверждает, что хочет похудеть, но продолжает набирать вес, а я указываю, что он переедает и избегает упражнений, а он в ответ кричит — ясно, что помогать ему бессмысленно.

Он на самом деле *не хочет* худеть — он просто говорит об этом, чтобы почувствовать себя лучше.

Если женщина говорит, что хочет добродетельного мужчину, но снова и снова выбирает неудачников, — хороший друг укажет ей на это. Если она в ответ злится — помогать ей дальше нерационально.

Некоторые люди меняются, когда им указывают на лицемерие — с ними стоит продолжать общение.

Но это редкость.

Мы все совершаем ошибки — но исправляемся, когда признаём вину, возмещаем ущерб и не повторяем содеянного.

Если человек не может признать вину, он не сможет ни исправить последствия, ни предотвратить повторение.

А если возмещение невозможно — вину признают крайне редко.

Если ты поцарапал чужую машину, ты можешь оплатить ремонт.

Но если ты врезался в чью-то машину и убил его жену — уже ничто не исправит случившегося.

Если родитель сорвался на ребёнка, он может извиниться и работать над собой.

Но если родитель бил и унижал ребёнка пятнадцать лет — никакое «прости» не вернёт утраченное.

Возмещение возможно, когда эмоции возвращаются к нейтральному уровню.

Если тебе поцарапали машину, оплатили ремонт и компенсировали время — это разумное возмещение.

А если твоё детство было кошмаром — что могло бы примирить тебя с этим?

На работе нам платят за то, что мы делаем то, чего не стали бы делать бесплатно.

Наёмный труд — это \$20 в час.

Но с детством всё иначе.

Представь вот что...

Ты видишь свою будущую жизнь до рождения и знаешь: твоё детство будет полным страданий.

Согласился бы ты родиться, если бы это означало 18 лет насилия?

Какую награду ты должен был бы получить, чтобы согласиться на 18 лет жестокого детства?

Если бы ты отказался от жизни при любых условиях — никакое возмещение невозможно.

Твои обидчики не могут ничего исправить.

Они — непростительны.

Если эта аналогия кажется слишком абстрактной — подумай о настоящем.

Если бы тебе сейчас предложили деньги за то, чтобы ты пережил 18 лет насилия — согласился бы ты?

Ни один вменяемый человек не согласится.

Люди платят налоги и подчиняются законам, чтобы не попасть в тюрьму, где возможны издевательства.

Раз никто бы не согласился на 18 лет насилия за деньги, а твоё детство было насильственным — значит, возмещение невозможно.

Если человек отказывается извиниться и возместить ущерб, он не может быть прощён — прощение нужно *заслужить*, а не выпросить.

Нельзя простить того, чья вина превышает предел возмещения.

Добродетели, выгодные сильным мира сего, восхваляются, а те же добродетели, если они вредят сильным — осуждаются. Прощение подчиняется той же логике.

В детстве, если ты ошибался и тебя наказывали — это не было прощением.

Наказание считалось идеалом, а не прощение.

Но когда ты предъявляешь родителям их вину — вдруг идеалом становится прощение, а не наказание!

Помнишь?

Если ты не подготовился к контрольной, тебя не прощали — ты получал двойку, на тебя кричали, возможно, били или запирали в комнате.

Это случается с миллиардами детей семи, восьми, девяти лет.

Каким должен быть мир. Часть 4

Родители часто злятся, когда дети приносят школьные задания в последний момент — будь то тренировка перед конкурсом по правописанию, материалы для научного проекта или бумажка на подпись.

Нам всем знакома реакция родителей...

«Ты же знал об этом уже *неделями*! Почему только сейчас говоришь?»

Принцип ясен:

Не подготовиться к сроку — очень плохо!

Родители часто наказывают детей за то, что те не подготовились заранее.

Это и есть моральное безумие общества: *от детей требуют большего, чем от взрослых!*

Отказ простить ребёнка за неподготовленность воспринимается как добродетель. Но отказ простить взрослого — осуждается.

С момента, как человек узнаёт, как появляются дети, до момента рождения ребёнка — у него *годы*, чтобы изучить, как быть родителем.

Вот уже 70 лет книги о воспитании не рекомендуют крики и побои, а призывают к разумному диалогу, вниманию и любви.

У взрослых есть *годы* на изучение ненасильственного воспитания до рождения ребёнка.

Простой вопрос: что важнее — конкурс по орфографии в 7 классе или здоровое, уважительное воспитание?

Кто должен нести больше ответственности — ребёнок с незрелым мозгом или взрослый?

Общество считает, что 40-летнего нельзя наказывать за то, что он не подготовился к воспитанию. А восьмилетнего *нужно* наказать за неготовность к незначительной школьной проверке.

Родители, не изучившие воспитание, не несут ответственности за ошибки.

А девятилетний ребёнок за забытый тест получает «двойку».

Родителям, которые не подготовились, — прощение.

Если ребёнок провалит тест, он не может сказать: *«Я сделал всё, что мог, с тем, что знал»*...

Если человек без прав угонит машину и разобьёт её, он не может сказать: *«Я сделал всё, что мог, с тем, что знал»*.

Детям говорят: «Ты должен был готовиться *заранее*. Незнание — не оправдание».

А родители, не изучившие воспитание, говорят: *«Мы сделали всё, что могли, с тем, что знали»*.

От детей требуют высочайших моральных стандартов. А взрослые возмущаются, если к ним применяют те же требования.

Если взрослая жертва предъявляет счёт родителям за насилие в детстве, те отрицают, умаляют и требуют прощения, жалуясь, что быть родителем «трудно» и они «старались».

Философия требует вычленить моральные принципы из этих оправданий и проверить их универсальность.

Незрелые люди не любят философов, потому что те лишают их оправданий.

«Родительство — это очень тяжело!»

Хорошо, а можно ли ребёнку провалить контрольную по математике и оправдаться тем, что математика очень *сложная*?

Нет — ему скажут: «Если тяжело — учись усерднее!»

«Мы делали всё, что могли, с теми знаниями, что имели!»

Можно ли ребёнку, провалившему тест, сказать: «Я делал всё, что мог, с теми знаниями, что имел»?

Нет — ему скажут, что он просто не выучил.

«У меня было трудное детство, поэтому мне было сложнее быть хорошим родителем!»

А если ребёнок провалил математику, потому что у него был плохой учитель — это считается уважительной причиной?

Нет.

Если родитель помогает ребёнку с учебой, но тот всё равно проваливает тест — винят ли родителя?

Нет.

Родители говорят: «Если тебе даётся сложно — учись *ещё усерднее*».

Если ребёнка отвлекает телефон, что ему скажут?

«Телефон отвлекает? Убери! Проблему знаешь — решай. Обгораешь на солнце? Мажься кремом».

Принцип ясен: если знаешь свою слабость — ты ещё более ответственен за то, чтобы её преодолеть.

Если ребёнок утверждает, что может учиться и смотреть фильм одновременно, ему никто не верит!

Когда он проваливает тест, он не может винить фильм.

Родители скажут:

«Ты не можешь учиться, смотря фильм, так что ты сам виноват в провале теста!»

Если мать знает, что её тяжёлое детство повлияет на ее способность воспитывать детей, она обязана это проработать.

Если мужчина напивается с определённым другом — и всё равно идёт к нему, это его выбор.

Он не может сказать: «Это всё друг!»

Если игрок идёт в казино и проигрывает — он не может сказать: «Это всё казино!»

Знание причины и следствия означает принятие ответственности за следствие.

Если ребёнок знает, что телефон его отвлекает — он несёт полную ответственность за то, что опять его взял.

Если родитель знает, что у него было тяжёлое детство — он *ещё более* ответственен за то, чтобы не повторять ошибок.

Если бы к родителям применялись те же стандарты, что к детям — мир давно перешёл бы на ненасильственное воспитание.

Но всё гораздо хуже...

Дети и контроль

В нашем обществе детей наказывают за поступки, за которые взрослых обычно прощают — и даже за то, что не зависит от самих детей!

Познакомьтесь с двумя детьми: Бобом и Салли.

Родители Салли поощряют чтение и создают благоприятную атмосферу.

Боб живёт в хаосе: его родители высмеивают чтение, а бесконечные вечеринки мешают ему спать.

Обоих оценивают по одним стандартам.

Боб часто терпит неудачи. Салли преуспевает.

Боба *наказывают* за обстоятельства в семье, на которые он никак не может повлиять.

Салли *вознаграждают* за везение, к которому она сама не имеет отношения.

Детей, питающихся правильно, судят так же, как тех, кто ест вредную пищу.

Мы говорим детям: «Тебя будут наказывать или поощрять за то, что полностью вне твоего контроля!»

Общество осуждает взрослых детей, критикующих родителей-тиранов.

Родители управляют семьёй, но не несут ответственности за плохие решения.

Дети не управляют ничем — но их наказывают за выбор родителей.

Видите ли вы это безумное моральное перевёртывание?

Понимаете ли вы, насколько глубоко укоренился *чайлдизм* в обществе?

Чайлдизм

Во многом дети похожи на рабов.

Рабы не выбирают, кто властвует над ними — и дети тоже.

Рабы получают еду, жильё и медицинскую помощь — как и дети.

Рабы не могут перечить хозяевам или наказывать их — дети тоже.

Рабов можно наказать по прихоти хозяина — без последствий.

С детьми то же самое.

Хозяин может проявлять агрессию, но раб не может себя защитить.

Раб не может уйти и обязан подчиняться произволу — как и ребёнок.

Но есть одно *огромное* различие...

Хозяева не притворялись, будто общество создано ради любви к рабам.

Никто не утверждал, что рабы — «наше будущее», достойное уважения и заботы.

Рабы, как правило, сохраняли большую часть своего труда — дети наследуют только вечные долги.

Рабы были собственностью, их били и продавали без прикрас, открыто — через грубую силу.

Рабов, пытавшихся сбежать, моралисты восхваляли — их не называли «неблагодарными».

Ошибку раба карали — ошибку хозяина прощали.

Побитого раба жалели редко — мол, сам виноват.

Мы с ужасом вспоминаем наказания рабов за грехи их господ.

Но когда речь идёт о детях — мы всегда на стороне «хозяина».

Если взрослый бьёт ребёнка — виноват ребёнок.

Если ребёнок сбежал от насилия — его осуждают за то, что не простил родителя, которого оправдывают воспитанием в жёстких условиях.

Хозяин не прощает раба — это добродетель. Раб не прощает хозяина — это порок.

Родителей восхваляют за наказания. Взрослых детей осуждают за упрёки родителям.

В будущем на современное воспитание детей будут смотреть, как мы сегодня смотрим на рабство.

Мы осуждаем прежних рабовладельцев, но сами пренебрегаем и калечим детей.

Мы проклинаям прошлое за бесчеловечность, но сами оскорбляем собственных детей.

Мы критикуем невежество прежней школы, но сами подвергаем детей зомбирующему обучению.

Мы презираем наказания беглых рабов, но атакуем защитников детских прав.

Мы сочувствуем историческим героям, но ненавидим философов, борющихся за детей сегодня.

У нас больше нет оправданий!

Нет прав без прав детей.

Нет морали, если она не применяется к детям.

Нет чести, если мы наказываем детей за то, за что сами требуем прощения.

Нет целостности, если мы ввергаем детей в долги ради собственной алчности.

Мы осуждаем жертвоприношения детей в древности, но приносим своих детей в жертву политике.

Мы нападаем на детей, притворяясь, что не знаем о ненасильственном воспитании.

Это ложь — все знают, как воспитывать мирно!

Почти каждый получил тысячи часов обучения ненасильственному воспитанию...

Не верите?

Я легко это докажу!

Родительство в медиа

Десятилетиями жестокое обращение с детьми было практически изгнано из массовых медиа — а если и показывалось, то лишь в резко осуждающем ключе.

Большинство родителей бьёт своих детей — если им это так комфортно, почему это никогда не показывают в семейных телешоу?

Вспомните бесчисленные ситкомы с 1950-х годов, в которых родители сталкиваются с конфликтами с детьми.

Бил ли Фред МакМюррей своих сыновей в «Мои три сына»?

Нет — он убеждал их словами.

«Семейные узы», «Предоставьте это Биверу», «Шоу Косби», «Полный дом», «Счастливые дни», «Спасённый звонок», «Все любят Рэймонда», «Принц из Беверли-Хиллз», «Кто здесь босс?», «Семейка Брейди», «Семья Парtridge», «Восьми достаточно» — все эти шоу

демонстрировали ненасильственное воспитание и были просмотрены миллиардами людей за десятилетия.

Могут ли родители, поглотившие тысячи часов ненасильственного воспитания, заявлять, что они о нём ничего не знают?

Представьте себе ситком, в котором ребёнка бьют или унижают словами.

Жалобы хлынули бы рекой, актёров и телеканалы бойкотировали бы.

Родители оправдывают насилие над детьми как морально правильное. Если это правда, почему же они возмущаются, когда видят это на экране?

Создатели ситкомов тестируют сцены на аудитории.

И каждый раз, когда показывали насилие, зрители отшатывались от отражения собственного родительства, называя это оскорбительным.

Вот почему мы не видим на экране, как детей бьют или кричат на них.

Разве это не странно?

Мы не видим насилия над детьми в медиа, потому что оно вызывает ужас — несмотря на то, что многие совершают его ежедневно.

Если человек каждый день занимается спортом, его не шокирует сцена тренировки в сериале.

Если крик и побои — благо, почему же родители не хотят этого видеть на экране?

Мы не видим, чтобы герои вроде Супермена или Бэтмена творили зло. Мы хотим видеть на экране нравственный героизм.

Если насилие над детьми — добро, почему же его не показывают в развлекательных программах?

Или почему его всегда совершают злодеи?

Родители в фильмах и на телевидении не кричат и не бьют — они спокойно убеждают детей.

Миллиарды людей по всему миру смотрят тысячи часов ненасильственного воспитания на экране.

Это вовсе не что-то чуждое или неизвестное.

Бесчисленные дети больше времени смотрели шоу с ненасильственным воспитанием, чем испытывали его на себе.

Люди включают телевизор, чтобы наблюдать и восхищаться спокойным, добрым родительством, интуитивно зная, что договариваться с ребёнком — это хорошо.

Даже с самыми маленькими — экранные родители добры и терпеливы. Ни ударов, ни криков.

И в этом — ни капли логики!

Почему же родители содрогаются при виде насилия, которое сами считают моральным?

Это как если бы полицейского ужасала сцена ареста.

Или врача приводил в ярость показ приёма антибиотиков.

Это почти за гранью безумия...

Каждый хороший родитель на экране — мирный родитель.

И все включают телевизор, чтобы увидеть именно это.

Хорошие родители на экране не кричат, не бьют, не унижают детей.

Каждый содрогается при виде насилия над ребёнком — но затем встаёт с дивана и делает то же самое со своим ребёнком.

Люди смотрят тысячи часов ненасильственного воспитания — а потом утверждают, что не знают, как воспитывать иначе.

Они требуют, чтобы на экране родители разговаривали с детьми и никогда не били — и одновременно утверждают, что у них не было выбора, кроме как кричать и шлёпать, потому что *они не знали другого пути!*

Мир — это сумасшедший дом, маскирующийся под нормальность.

Если родители действительно ничего не знают о лучшем воспитании, зачем им тогда видеть его на экране — и ужасаться, когда показывают их реальное поведение?

Потому что они *знают*...

Нельзя десятилетиями требовать определённого поведения на экране, отвергать всё иное — и потом говорить, что ты был не в курсе.

Хорошее воспитание показывают по телевизору, чтобы угодить родителям-абыюзерам — и чтобы их жертвы чувствовали себя ещё более одинокими.

Именно поэтому хорошее родительство так последовательно представлено в медиа — чтобы пострадавшие от насилия дети думали, будто все вокруг живут лучше них.

Родители *прекрасно* знают, как воспитывать без насилия. Они видят это ежедневно на экране — и им это нравится.

Они не могут всерьёз притворяться, будто ничего об этом не знают, после стольких примеров перед глазами.

Противоречие очевидно: они знают, как надо — но сознательно игнорируют, прикрываясь неведением.

И из-за этой лжи мир продолжает страдать.

Истинные перемены начинаются тогда, когда мы признаём правду, которую ежедневно видим на экране — и решаем действовать.

Медиа-тренинг по ненасильственному воспитанию

Почему родители, выступающие за жёсткие методы воспитания, избегают шоу, в которых эти методы показаны?

Причина не в том, что они не любят конфликты в искусстве. Детские шоу полны споров. Если бы рассуждения с детьми вели к катастрофам, такие шоу вызывали бы протесты.

Диетологи возмутились бы, увидев шоу, пропагандирующее фастфуд детям. Представьте, что они обожают такие шоу, но злятся на передачи

о здоровом питании. Немыслимо, правда?

Здоровое питание — это вопрос здоровья, а не морали.

А теперь представьте феминисток, которые наслаждаются медиа, унижающими женщин, и жалуются на любое уважительное их изображение.

Если родители считают, что рассуждения с детьми рожают избалованных наглецов, они должны протестовать против шоу, где это практикуется.

Агрессивные родители уверены, что насилие полезно для семьи и общества, а рассуждения — вредны. Они верят, что агрессия предотвращает избалованность и формирует *уважение к авторитету*.

Могут ли люди, заботящиеся о детях, поддерживать передачи, поощряющие опасное поведение? Представьте комедии, где дети бегают по железнодорожным мостам ночью или играют с ядовитыми змеями. Родители бы возмущались!

Агрессивные родители считают, что детей надо удерживать под контролем, иначе они получат ожоги или выбегут под машину. Они уверены, что рассуждения с детьми подвергают их опасности.

Агрессия спасает жизни, рассуждения — приводят к травмам и гибели. Одобрив шоу, в которых детей убеждают словами, агрессивные родители думают, что поощряют методы, ведущие к увечьям, смерти и к эгоистичным взрослым, разрушающим общество.

Непостижимо.

Почти...

Но ничто в человеческом уме не ускользает от философии.

Рассуждения с детьми в медиа — Ответ. Часть 1

Итак — что же, *на самом деле*, происходит?

Почему агрессивные родители поддерживают шоу, пропагандирующие увечья детей и разрушение общества?

Почему они выступают против передач, отстаивающих безопасность детей, счастье и здоровое общество?

Это как если бы армия учила новобранцев вести переговоры с врагом, но запрещала обучение оружию — готовя их к провалу и гибели.

В чём же ответ на эту загадку?

В романе «Остаток дня» бездушный дворецкий тайком наслаждается любовными романами. В «Красоте по-американски» гомофобный сосед оказывается скрытым геем. Этот юнгианский подход раскрывает внешние личности, которые реагируют на подавленные эмоциональные противоположности — так называемую «реакционную формацию».

Ранее я говорил о бессознательном «моральном перевороте».

Верить, что нечто морально, и одновременно считать моральным его *противоположность* — значит разрывать личность на несвязанные и конфликтующие части.

Психология описывает это как амбивалентность — внутреннюю борьбу противоположных стремлений. Женщина любит «плохих парней», но знает, что хороший мужчина был бы лучше. Наркоман жаждет и ненавидит свою зависимость. Парень испытывает и желание, и страх, приглашая девушку на свидание. Противоречия — естественны.

У родителей обычно есть две личности — одна агрессивная, другая разумная.

«Разумный родитель» сначала говорит с ребёнком; если тот не слушает — в дело вступает «агрессивный родитель». Это как смена ролей хорошего и плохого полицейского.

Если женщина пытается поговорить с жестоким мужем, а он начинает угрожать, она зовёт полицию, передавая свою защиту в руки их агрессии.

Родители действуют по тому же принципу.

«Если ты не слушаешь — тебя нужно подчинить!»

Так агрессия становится ответом на то, что ребенок не слушает.

Для детей это означает, что «слушание» — лишь притворство.

Это как если бы грабитель с пистолетом «вежливо» просил бумажник. Его слова опираются на угрозу оружия.

Родитель, готовый прибегнуть к насилию, не ведёт диалог — агрессия всегда уже заложена в уравнение.

Невозможно договариваться, если несогласие приводит к насилию.

Хулиган, заносающий кулак, не «просит» деньги на обед.

С ребёнком, которого могут ударить, не договариваются — его принуждают.

«Добрый» родитель и агрессивный родитель — это несвязанные стороны личности.

Жертвы насилия вспоминают, как родители сдерживались на людях, но срывались дома.

Тех, кого бьют дома, не бьют на публике.

Родители сдерживаются, когда есть риск последствий.

На людях господствует ненасильственный родитель; дома — выходит агрессивный.

Ненасильственный родитель с удовольствием смотрит ситкомы с дружными семьями и уважительными детьми.

Если на экране родитель ударяет ребёнка, *ненасильственный родитель* воспринимает это как жестокость — без активации *агрессивного родителя*, ведь нет привычной провокации.

Мы часто видели в фильмах, как серийный убийца имеет вторую, невинную личность, в ужасе от собственных преступлений.

Агрессивный родитель считает, что дети обязаны подчиняться, а за непослушание заслуживают агрессии.

Но такая смена ролей возможна только при наличии сопротивляющегося ребёнка.

Наши чувства от происходящего на экране часто не совпадают с нашей реакцией в реальности.

Люди слушают подкасты о преступлениях, но не хотят быть жертвами.

Женщины сделали «50 оттенков серого» хитом, но в жизни они бы ужаснулись реальному насилию.

Агрессивный родитель живёт по правилу: «если дети сопротивляются — их надо сломить».

Но дети на экране не вызывают этой установки.

Поэтому, когда родитель в сериале ударяет ребёнка, ненасильственный родитель видит лицо агрессора — без привычной «причины».

Представьте, что вы нашли неопровержимое доказательство того, что вы серийный убийца — это бы разрушило всю вашу идентичность.

Вы бы, вероятно, ощутили ярость к тому, кто раскрыл вам вашу тьму.

Но как нравственный человек, вы бы захотели остановиться и попросить о помощи.

Представьте владельца собаки, который обнаруживает, что во время лунатизма терроризирует своего пса. Этот шок подорвал бы его душевное равновесие.

До этого он любил видео с животными и возмущался жестокостью.

Он бы жаловался на жестокие ролики в службы защиты.

Когда родители видят насилие на экране, это может внезапно открыть им глаза на их собственную агрессию — без провоцирующего фактора. Такой взгляд может оказаться пугающим и глубоко тревожащим.

Те, кто умеет сдерживаться на публике, часто дают волю гневу дома. В магазинах, при учителях и полицейских — всё спокойно. Дома — нет.

Ненасильственный родитель любит смотреть шоу о семейной гармонии, но сцена удара на экране открывает агрессию — без обычной отключающей реакции на «плохое поведение». Такая двойственность — как встреча с собственной тенью — вызывает шок и ярость, направленную на сам факт разоблачения.

Понимание этих психологических механизмов объясняет, почему агрессивные родители протестуют против шоу, пропагандирующих

ненасильственное воспитание: они не хотят встречаться лицом к лицу с собственной скрытой агрессией.

Рассуждения с детьми в медиа — Ответ. Часть 2

В фильме «Маньчжурский кандидат» человека программируют на убийство при звуке определённых слов — он впадает в состояние фуги, совершает преступление, сбегает, а затем забывает содеянное.

Моральные перевороты создают две противоположные личности, которые не общаются между собой, чтобы не раскрыть противоречия.

Когда ненасильственный родитель видит на экране агрессивного, это его дестабилизирует. Агрессивный родитель отшатывается, как грабитель, пойманный с поличным.

Власть имущие удерживают свою власть именно за счёт этих переворотов.

В древности Александр Македонский пленил пирата, который заметил: «Если бы у меня было больше кораблей, меня бы звали флотом, а не пиратом».

В «Преступлении и наказании» убийца задаётся вопросом: почему Наполеона, убившего миллионы, чествуют, а его, убившего двух, сажают в тюрьму? Это и есть разоблачение морального переворота.

В «Крёстном отце» мафиози сравнивает свои убийства с деяниями политиков на войне.

Джокер в «Тёмном рыцаре» отмечает, что люди ужасаются убийствам в городе, но спокойно принимают массовую гибель на войне, потому что она «вписывается в *план*».

Мы ненавидим убийц, но любим солдат.

Мы наказываем за убийство без разрешения, но восхваляем тех, кто убивает по приказу.

Моральный переворот.

Антивоенные активисты часто требуют большей власти государства для социальных программ — иных форм принуждения.

Мы не можем осудить насилие, потому что любим его, совершаем, оправдываем и пропагандируем.

Мы не можем противостоять хищничеству элит, потому что сами эксплуатируем своих детей.

Мы не сможем уменьшить глобальное насилие, пока не встретимся лицом к лицу с собственным.

Агрессивная мать, увидевшая на экране своё поведение, набрасывается на него — потому что оно отражает её собственные поступки.

Она сочувствует экранному ребёнку больше, чем своим детям.

Ударить ребёнка на экране — недопустимо, а собственного — морально.

Накричать на телевизионного ребёнка — это жестоко, а обругать своего — необходимо, «потому что он не слушается».

Мир — это сумасшедший дом, основанный на бессознательных моральных противоречиях.

Вот вам совет.

Если вам было бы стыдно увидеть своё воспитание по телевизору — не делайте этого дома.

Если вас ужасает, как вымышленный родитель ударяет вымышленного ребёнка, — не бейте настоящего.

Разбить зеркало за то, что оно показывает ожирение, — безумие.

Проблема не в зеркале, а в том, что вы видите.

Камера не прибавляет 10 килограммов.

Вы действительно так выглядите.

Это нужно принять, чтобы измениться.

Чтобы спасти мир.

Чтобы защитить своих детей от своей тёмной стороны.

Сексуальный успех

Когда ты рождаешься, твои родители становятся для тебя образцом сексуального успеха.

В малых племенах, чтобы добиться успеха в ухаживаниях и спаривании, нужно было подражать отцу, ведь женщины племени во многом были похожи на мать.

Если отец тебя бил, это означало, что женщины в племени предпочитают мужчин, бьющих своих детей.

Если мать кричала на тебя, это означало, что мужчины в племени терпят женщин, кричащих на своих детей.

Твои гены ставят размножение выше счастья.

Если счастье помогает размножению — будь счастлив. Если страдание помогает — страдай. Главное — размножайся!

Те мужчины и женщины, что ставили размножение выше счастья, оставили больше потомства.

Ты создан не для счастья, а для продолжения рода.

Счастье поощряется, если оно способствует размножению. Но любое счастье, мешающее размножению, устраняется быстро и жёстко.

Любовь служит генам — не морали и не личному счастью.

Человеческие парные связи повышают вероятность того, что потомство доживёт до возраста размножения.

Представь, что ты мальчик в примитивном племени.

Тебя бьёт отец, на тебя кричит мать, но ты мечтаешь воспитывать своих детей ненасильственно.

Но все остальные в племени поддерживают агрессивное воспитание.

Кто захочет с тобой спариться?

Женщины избегают тебя, потому что ненасильственное воспитание ставит твоих детей в невыгодное положение.

Ты будешь учить своих детей другому «языку» — тому, на котором в племени никто больше не говорит.

Это как если бы ты жил в Японии и не выучил японский — шансы на размножение стремились бы к нулю.

Если ты делаешь всё наоборот по сравнению с родителями, то и результат будет обратным. Поскольку они произвели потомство, то ты не произведешь, и твои гены, влияющие на это поведение, исчезнут вместе с тобой.

Подчинение родителям

То же самое давление распространяется и на подчинение родителям.

На протяжении всей эволюции ресурсы были в дефиците, хищники повсюду, а конкуренция — смертельно остра.

Половина детей умирала до пяти лет, поэтому родители порой отказывали в ресурсах больным детям.

Когда в семье пятеро детей и еды на всех не хватает, слабый чаще всего страдает.

Речь не о морали, а о давлении естественного отбора.

Непокорный ребёнок не перенимал бы культурные и репродуктивные привычки.

Исторически дети, восстававшие против родителей, чаще оказывались заброшенными.

Родители медлили с их спасением от хищников, неохотно давали им еду и с меньшей охотой защищали.

Инстинкты родителей не позволяли тратить ресурсы на непокорных детей.

Слепое бунтарство было вычищено из популяции десятками тысяч лет.

Ребёнок должен был подчиниться родителям — иначе его шансы дожить до взрослого возраста стремительно падали.

Включение агрессии

Ах, но здесь необходим определённый поворот.

Если родители агрессивны — ребёнок должен подчиниться их воле.

Бунт — самый опасный хищник.

Достигнув половой зрелости, ребёнок должен восстать и стать агрессивным — особенно мальчик.

Женщина, выросшая с агрессивным отцом, будет считать таких мужчин сексуально успешными. Покорный мужчина покажется ей непривлекательным — контрастом с отцовской фигурой.

Такой шаблон — когда ребёнок, особенно мальчик, становится агрессивным в подростковом возрасте — встречается повсеместно.

Покорные юноши не выбирались в партнёры, поэтому пассивность исчезала из генофонда.

Переговоры против насилия

Важно осознать недавнее чудо — возможность получать ресурсы через переговоры, а не насилие.

Торговля требует права собственности — а это очень недавнее изобретение человечества.

Право собственности требует мира, доверия, справедливой судебной системы, сочувствия, грамотности, образования и доступного принуждения к соблюдению договоров — всего этого не было на протяжении большей части эволюции.

Право собственности делает возможной специализацию и обмен. Кузнец обменивает свою продукцию на еду фермера, и оба становятся богаче.

Но торговые общества привлекают воинственные — ведь легче украсть, чем создать.

Чрезмерное насилие в воспитании порождает нестабильных взрослых, не способных к переговорам.

Стили воспитания должны меняться. В обществах торговли детям нужно меньше насилия и больше навыков общения.

Англия на протяжении веков избавлялась от самых жестоких преступников, превращаясь в вежливое общество, где мораль навязывается не насилием, а социальным отторжением.

В мирных обществах дети разумных родителей преуспевают; в жестоких — побеждают хулиганы.

Мальчик, воспитанный в насилии, воспринимает общество как агрессивное, верит, что женщинам нравятся жестокие мужчины, и должен сначала подчиняться родителям, а затем восстать. Подчинение обеспечивает выживание, бунт привлекает женщин.

Насилие было выживанием.

Моральные философы могут спорить, но это был биологический факт выживания.

Каждый родитель — и трус, и хулиган.

Трус подчинялся в детстве, хулиган восстаёт в юности.

Ребёнок выживает, покоряясь родителям, подросток размножается, восставая против них.

На протяжении истории насилие против детей было выгодно генам.

Современность сложна: ресурсы теперь получают те, кто притворяется разумным, а на деле наживается на насилии.

Корпорации сотрудничают с политиками ради прибыли.

Политики зарабатывают миллионы на торговле акциями — скорее всего, используя инсайдерскую информацию.

То, что выглядит как мирные переговоры — часто скрытая форма насилия.

Воры-любители грабят банки. Профессионалы — владеют ими. (А высшие преступники владеют центробанками.)

Бедные голосуют за бесплатные деньги от государства. Это выглядит как переговоры, но на деле — хищничество: собираются налоги, печатаются деньги, берутся займы, и других принуждают платить — или сесть в тюрьму.

На публике — переговоры, в реальности — насилие.

Переговоры становятся прикрытием насилия.

Слова прикрывают кулаки.

Понимаете, как это связано с современным родительством?

Двойственность современного воспитания

Большинство современных родителей делают вид, что ведут переговоры на публике, но применяют насилие в личной жизни.

Они отражают общество, которое питается их воспитанием, чтобы укрепить свою власть. Это замкнутый круг — и в буквальном, и в метафорическом смысле.

Люди отшатываются от явного насилия, поэтому его обычно маскируют ритуалами, конформизмом и языком.

Каждому, кто вырос с жестокими родителями, знакома сила «того самого» телефонного звонка. Родитель может орать на ребёнка, но если звонит ожидаемый абонент — голос становится ласковым и мягким.

В этот миг жестокого взрослого заменяет покорный ребёнок.

Этот моральный переворот уходит корнями в раннее детство.

Ребёнок ненавидит насилие, но подчиняется, чтобы выжить. Этот загнанный гнев выходит наружу в подростковом возрасте — через цинизм, сарказм и агрессию.

Ребёнок не может до конца осознать весь ужас переживаемого насилия: если он слишком сочувствует себе, это мешает развить нужную для выживания агрессию.

Чрезмерная эмпатия мешала тем чертам, которые способствовали выживанию и размножению.

Психологическое разделение от «мне больно» до «мне нравится причинять боль» — неизбежно.

Вы не можете сопереживать другим больше, чем себе. Если сочувствие другим мешает репродуктивному успеху, его приходится отбрасывать. Если единственный способ отказаться от сочувствия другим — перестать сопереживать себе, что ж, омлет не приготовишь, не разбив яиц.

С эволюционной точки зрения, агрессивные родители «защищали» детей, готовя их к выживанию через насилие.

Родительское лицемерие

Настоящая проблема — лицемерие. В традиционных племенах детей били открыто, без притворства. А современные родители изображают добродетель на публике, причиняя вред дома.

Моральное лицемерие — это притворство добродетелью при совершении зла.

Родитель, который случайно причиняет боль ребёнку во время игры, извиняется и старается быть осторожнее. Но если ребёнок жалуется на боль, а отец улыбается и повторяет действие ещё сильнее — это садизм.

Притворяться хорошим — значит знать, что такое добро и как его достичь. Лицемера нельзя исправить — в отличие от того, кто просто не знает, как быть добрым.

Невежество можно устранить знанием. Лицемерие неизлечимо, потому что лицемер уже знает, что хорошо — но выбирает зло.

Мошенник прекрасно понимает, что такое доверие — именно поэтому он прикидывается достойным доверия, чтобы обмануть.

Говорить мошеннику, что лучше быть честным — бессмысленно. Он это знает — и всё равно лжёт.

Это как учить фальшивомонетчика ценности денег. Он их отлично знает — именно поэтому печатает подделки.

Что меня особенно возмущает в жестоких родителях — это их притворная добродетель. Она доказывает, что они знают, что такое добро, и как быть добрым.

Они используют добродетель как маскировку, навсегда закрывая себе путь к настоящей добродетели.

Агрессивное воспитание: аргумент в защиту

Родители не стремятся навредить своим детям — они искренне считают, что действуют из лучших побуждений. Шлепки, по их мнению, учат границам и уважению. Родители утверждают, что дети слишком малы для разумных объяснений, поэтому немедленный негативный стимул необходим ради безопасности. Например, ребёнок, играющий с ножом, может пострадать, и пара лёгких шлепков — невысокая плата за предотвращение травмы. Подобно тому как прививки, хоть и болезненны, защищают от смертельных болезней.

Родителям нужно, чтобы ребёнок их слушался и уважал, чтобы команды вроде «СТОЙ!» исполнялись без раздумий. Немного страха — залог безопасности.

Родители видят последствия, которые недоступны детям. Дети не способны к полноценному рассуждению, поэтому объяснять им бессмысленно. В семьях с несколькими детьми бесконечные диалоги изматывают. Иногда ребёнку просто нужно следовать распорядку — без возражений.

Дети учатся, когда осознают пробелы в знаниях, но их незрелый мозг часто даже не знает, чего не знает. Жизнь учит через боль: солнечный ожог за отказ от крема, увольнение за прогулы, штрафы за неуплату налогов. Во взрослой жизни пренебрежение здоровьем или обязанностями влечёт суровые наказания, куда хуже детской порки. Природа, начальники и государство требуют подчинения; взрослая жизнь — не парк аттракционов, а суровый мир беспощадных последствий.

Бесконечные беседы не готовят ребёнка к жестоким людям и суровой реальности. Диалоги не помогут при встрече с полицейским, налоговой или хулиганом. Такие дети будут беспомощны. Вы отправляете их словно ягнят на заклание. Во взрослой жизни эти «воспитанные разумом» дети столкнутся с конкуренцией со стороны тех, кто был воспитан строгостью и последствиями.

Ставите на бегуна? Выбирайте того, у кого был строгий тренер, а не «договаривающийся».

Реальность такова: вашим детям придётся конкурировать с теми, кого воспитывали строго, кто умеет терпеть, дисциплинирован и решителен. Большинство людей пользуются манипуляцией, силой и угрозами. Воспитание «ангельскими добродетелями» не готовит к дарвиновскому миру.

Если ваш ребёнок хочет чипсы и отказывается от овощей, одного лишь убеждения недостаточно. Родитель, который только «говорит и говорит», может робко напомнить и скрестить пальцы в надежде на правильное решение. Полный бред! Дети, принимающие правильные решения, противоречат самой сути детства. «Разумные» родители знают, что дети — не взрослые. Они понимают, что мозг и тело детей не развиты, но всё равно обращаются с ними как со взрослыми. Они полагаются на рассуждения и переговоры, что неэффективно, учитывая стадию развития детей.

Строгое воспитание, хоть и суровое, — это способ подготовить детей к беспощадному миру. Упор на дисциплину, а не на обсуждения, развивает стойкость и способность ориентироваться в мире, где правят абсолютные последствия, а не бесконечные переговоры.

В военном контексте заставлять детей быть солдатами — недопустимо. Солдат — это работа для взрослых. Как и принятие сложных решений. Мы не даём детям водительских прав, счетов к оплате, работы или контрактов — *потому что они дети*. Мы не даём людям с умственными отклонениями полных гражданских прав, потому что ими нужно управлять. Тридцатилетний с менталитетом восьмилетнего не может быть по-настоящему свободным и самостоятельным взрослым.

Считаете, что крики и шлепки — это жестоко? Родители используют телесные или словесные наказания как более мягкую форму последствий, чем те, что даст сама природа или общество. Физические упражнения могут быть неприятны, но лучше, чем атрофия мышц и разрушение костей. Мы заставляем детей заниматься спортом и есть полезную еду ради их здоровья. Мы ведём их к врачам и тренерам, которые тоже причиняют боль ради пользы. Дети не знают, что им полезно — а родители знают. Следует ли позволить ребёнку есть только сладости, избегать спорта и вырасти с диабетом и ожирением? Избегать стоматолога и остаться с гнилыми зубами?

Стоит ли позволять ребёнку играть в видеоигры вместо чтения сложных книг, которые развивают язык, сочувствие и самопознание? Книжки формируют важные навыки. Видеоигры — лишь стресс и рефлекс. Когда дети вырастут, что они скажут родителям: «спасибо за дисциплину» или «спасибо за потакание»?

Родительство — это обучение тому, что дети не могут постичь из-за незрелости, отсутствия опыта и неспособности видеть последствия. Идея, что можно воспитывать без негативных последствий, — безумие и аморальность. С одним покладистым ребёнком это может сработать. Но не в доме, полном мальчишек.

Разрешать детям выбегать на дорогу, кататься без шлема, играть с ножами или кипятком — всё равно что играть в русскую рулетку с их жизнями. Такое попустительство говорит о предпочтениях родителей, а не о благе детей. Наказывать — не весело, как и диета или спорт, но необходимо. «Ненасильственные» родители заботятся о собственном душевном комфорте, а не о безопасности и зрелости ребёнка. Им важнее быть «друзьями», чем воспитывать. Они боятся критики и враждебности от своих детей. Но эти же дети вырастут и осудят родителей за то, что те не дали им дисциплины.

Давать детям конфеты вместо овощей — способ заработать кратковременную любовь и долгосрочную ненависть. Мальчики, избегающие страданий, не приглашают девушек на свидания. Девочки, ставшие ленивыми и толстыми, не получают приглашений. Жёсткая

дисциплина необходима для успеха. Лучше научить ей в детстве — через лекции, строгость, повышенный голос или даже шлепки. Успех требует дисциплины, и её лучше усвоить, пока ставки невелики.

Пробовали выучить иностранный язык во взрослом возрасте? Намного труднее, чем в детстве. Позвольте детям не учиться читать, надеясь, что разберутся потом? Это ужасно — дети теряют окно развития языка и потом всю жизнь отстают. Позвольте ребёнку спать, когда вздумается и сколько вздумается? И это плохая идея: расстройства сна сохраняются и во взрослом возрасте, а работать-то всё равно надо. Язык, сон, питание, спорт и дисциплина — всему этому нужно учить с детства, чтобы стало привычкой.

Родители, выступающие за дисциплину, спрашивают: «Поблагодарит ли меня ребёнок во взрослом возрасте?» Напористое воспитание, которое называют «агрессивным», формирует сильных, дисциплинированных и здоровых людей, которые однажды скажут «спасибо». Если ребёнок боится стоматолога, а «ненасильственные» родители избегают визитов, он потом страдает от зубной боли и болезней дёсен. Какими гражданами станут испорченные дети — да, испорченные! — когда вырастут? Будут ли они уважать законы? Нет, ведь им не навязывали правила. Будут ли они задумываться о последствиях? Нет, родители оберегали их от последствий. Будут ли они трудолюбивыми? Вряд ли — их не учили к этому. Будут ли они здоровыми? Не факт — родители позволяли им неправильно питаться и избегать спорта. Зрелость — это умение делать то, чего не хочется.

Чтобы съесть чизкейк, лежать на диване или курить — дисциплина не нужна. Алкоголику и игроку не нужно усилие, чтобы продолжать. Родительство — это обучение ценности отказа от немедленного удовольствия. Дети не понимают, что значит откладывать удовольствие. Они живут настоящим. Попробуйте отнять конфеты у шестилетней девочки ради её здоровья — она будет рыдать. Она — ребёнок! «Ненасильственные» родители избегают дисциплины, потому что находят её неприятной, моделируя гедонизм и ожидая, что дисциплина появится сама собой. Порка, например, показывает готовность родителей вытерпеть кратковременное недовольство ребёнка ради его

долгосрочной пользы. Порка учит детей откладывать сиюминутное удовольствие ради будущего благополучия.

«Ненасильственные» родители избегают неприятного как для себя, так и для ребёнка, приучая детей уклоняться от негативного опыта, что приводит к появлению избалованных, недисциплинированных, нарциссичных взрослых. Я говорю «нарциссичных», потому что такие дети вырастают заинтересованными только в сиюминутном удовольствии и не привыкшими жертвовать им ради будущего счастья, даже своего собственного. Родители, которые жертвуют своим сиюминутным комфортом — через порку — ради долгосрочной пользы ребёнка, учат детей думать о счастье других, даже в ущерб себе. Став взрослыми, они оценят важность отказа от немедленного удовольствия ради долгосрочного благополучия — своего и других.

Ненасильственное воспитание: опровержение

Небольшое напоминание — предостережение, продиктованное заботой. А это моя главная цель.

Если у вас была власть над детьми — спросите у них.

Если у них есть жалобы — выслушайте и подумайте о психотерапии, прежде чем продолжать.

Хорошо?

Отлично.

Вот интересный вызов:

Когда вы утверждаете, что детей нужно шлёпать, вы говорите, что удары готовят их ко взрослой жизни — но ведь взрослых бить нельзя.

Когда вы оправдываете словесное насилие, вы противоречите совету покинуть абьюзивные отношения.

Мы не учим ребёнка читать и писать, чтобы потом запретить это во взрослом возрасте. Мы учим ходить, потому что ходьба полезна на протяжении всей жизни. За ходьбу в 18 лет не сажают.

Подумайте о методах обучения, которые запрещены во взрослой жизни.

Мы учим детей заботиться о вещах, убирать за собой, следить за внешним видом — и эти привычки одобряются и у взрослых.

Начальник, который орёт на подчинённых — не вызывает уважения.

Начальник, который бьёт сотрудников — вызывает отвращение и попадает под суд.

Учить ребёнка методами, которые считаются насилием над взрослыми — абсурд.

Шлепки

Ребёнок, которого ударили, изменит поведение — но лишь из страха, и лишь на короткое время.

Он не понимает ценности поведения — он просто избегает боли.

Чему учит шлёпанье?

Тому, что те, кто сильнее и больше, имеют право на насилие, если ими недовольны или им не подчиняются.

Он уже знает, что родители сильнее и крупнее.

Он узнаёт, что у него нет телесной автономии, и что боль можно причинять по желанию.

Он учится, что «любовь» может включать в себя насилие.

Хотя шлепки часто представляют как контролируемые — с предупреждениями и объяснениями — на практике большинство родителей нарушают эти условия.

В реальности, шлепки чаще всего совершаются в гневе — чтобы наказать, а не обучить.

Иными словами, родители, не способные сдерживать себя, учат детей сдержанности.

Словесное насилие

Словесное насилие — повышенный голос, устрашающие слова, оскорбления — регулярно обрушивается на детей.

Чему это их учит?

Их словесно унижают за «возражения», «неповиновение» или «непослушание».

Родители отвечают на словесное непослушание словесным насилием.

Это всё равно что ударить ребёнка, говоря, что бить — плохо.

Ненасильственное воспитание утверждает: требовать от ребёнка того, что сам не демонстрируешь, — аморально.

Вы бы не наказали ребёнка за незнание языка, которому его не учили.

Хотите, чтобы ребёнок слушал? Слушайте его сами.

Хотите уважения? Уважайте ребёнка.

Хотите рассуждений? Рассказывайте, рассуждайте, объясняйте.

Вы вызываете поведение ребёнка своим примером.

Поступки ребёнка — это отражение ваших решений.

Истерики

Родители часто говорят: «Теория — это хорошо, но что делать, когда ребёнок устраивает истерику от сильного волнения?»

Из-за повсеместного насилия над детьми появилось представление о «природных истериках».

Согласно этому мифу, дети склонны к перевозбуждению и чрезмерным эмоциям, что и вызывает истерики.

Детство воспринимается как череда эмоциональных «приступов», с которыми надо бороться игнорированием или наказанием.

Распространённое мнение:

«Когда их останавливают, дети впадают в ярость, теряя самообладание. Терпеливый родитель должен просто переждать, не уступая. Ребёнок поймёт, что истерики не работают — и перестанет.»

На деле — всё наоборот.

Чтобы понять истерику, представьте: вы диабетик, очнулись в странной клетке. Люди снаружи вас не понимают.

Вам срочно нужен инсулин — иначе последствия могут быть серьёзными.

Вы пытаетесь как-то сообщить об этом, но окружающие смеются, игнорируют или злятся.

Вы начнёте повышать голос, жестикулировать, умолять, пытаться достучаться.

Чем отчаяннее вы будете, тем больше они будут смеяться и отворачиваться.

Вы в панике. Ваши эмоции накрывают вас.

Они уходят, бросив вас в опасности.

Вы кричите и рыдаете, но никто не возвращается.

Истерика — это крик души ребёнка, который не может удовлетворить свои потребности — физические, умственные, эмоциональные.

Ребёнок словно заперт в клетке нужды и разочарования.

Паралич детства

Мы реформировали общество, чтобы обеспечить доступ инвалидам в креслах в общественные здания — понимая, что они не могут подниматься по лестницам.

Маленькие дети сталкиваются с аналогичными ограничениями.

Они не могут сами налить себе воды, купить игрушку или объяснить, что с ними происходит.

Им нужны родители для утешения — они учатся успокаивать себя со временем.

Ожидать от ребёнка, что он сам справится со своим горем — всё равно что ждать, что он изобретёт универсальный язык или будет выращивать себе еду.

Когда ребёнок расстроен, он чувствует угрозу или преграду и ждёт, что родитель поможет — это проверка любви и связи.

Младенец, уронивший игрушку и не способный её достать, будет плакать — как вы бы умоляли о спасительном лекарстве.

Младенцы и малыши фактически находятся в инвалидном положении — и над этим нередко издеваются.

Истерики — это естественные приступы паники, возникающие, когда ребёнка не слышат, а потом ещё и высмеивают.

Родители, отмахнувшиеся от страданий ребёнка из-за упавшей игрушки, часто сами впадают в ярость по мелочам.

Для малыша всё имеет значение — он ещё не научился расставлять приоритеты.

Без родителей младенец не выживет.

Игнорировать плач ребёнка — всё равно что пригрозить ему смертью.

Без заботы, внимания и обучения — младенец погибнет.

Многие родители раздражаются от детского плача — и это странно!

Это как сердиться на зубную боль, сигнализирующую о смертельной инфекции.

Плачущий младенец не хочет умирать — его плач помогает вам достичь общей цели выживания.

Плач младенцев не является навязчивым — игнорирование их плача ставит под угрозу их выживание.

Представьте, что младенец позволяет матери выспаться и умирает от голода. Потеря будет куда болезненнее, чем бессонная ночь.

Плачущий младенец — ваш союзник!

Если только вы не садист, вы ведь хотите, чтобы ребёнок был счастлив и здоров?

Вам нужны аудиовизуальные подсказки, чтобы понимать, что нужно вашему ребёнку.

Аудио подсказки: смех или плач. Визуальные подсказки: улыбки или слёзы.

Усилия младенца направлены на то, чтобы помочь вам достичь цели выживания и счастья.

Но родители раздражаются, не осознавая, как это тормозит развитие ребёнка. Каждый крик или истерика — это мольба о помощи, а не вызов. Отвечая пониманием и заботой, вы формируете надёжную связь и безопасную атмосферу. Игнорируя или наказывая, вы теряете шанс на доверие и эмоциональную устойчивость. Осознав это, можно изменить стиль воспитания и вырастить ребёнка, который будет чувствовать себя любимым и ценным.

Помощь другому, встреченная гневом или равнодушием, вызывает разочарование.

Вы держите фонарик для отца, стараетесь помочь на кухне или делитесь честным мнением с другом — и в ответ получаете раздражение, холод или пренебрежение.

Истерика — это отчаянная попытка пробиться через эмоциональную враждебность или равнодушие родителя.

Дети, чувствующие себя в опасности из-за невнимания родителей, впадают в истерику, осознавая, что им придётся столкнуться со смертельно опасным миром без родительской поддержки.

Гнев в истериках проистекает из ощущения нелюбви: *Зачем рожать детей, если вы не будете о них заботиться? Зачем рожать меня, если вы меня не любите?*

Угасание проигнорированной истерики — это не победа, а смерть связи, печальное принятие одиночества и идеи «я должен выживать»

один».

Подумайте о долгосрочных последствиях: дети, которых не слышали, вырастают с неуверенностью и недоверием. Эти ранние переживания формируют их будущие отношения и самооценку. Последовательная поддержка и принятие превращают эти важнейшие годы в прочный фундамент уверенного, эмоционально устойчивого взрослого. Так что ответ на истерику — доброта и сочувствие — это не только утешение в моменте, но и инвестиция в будущее ребёнка и вашей с ним связи.

Уступка истерикам

Следует ли просто потакать ребёнку, когда у него истерика?

Не всегда.

Если ребёнок чувствует, что его слышат и понимают, истерики почти не случаются.

Истерики возникают, когда чувства ребёнка игнорируют или высмеивают.

Вы ведь знаете, как бесит, когда вам говорят «нет», даже не выслушав.

Когда моя дочка просила конфет, я говорил, что сам бы хотел, но надо думать о зубах и животе. Я изображал, как у меня выпадают зубы и раздувается живот, и отдёргивал руку от конфеты.

Обычно мы вместе смеялись.

У неё никогда не было истерик.

«Но моё детство...»

Многие родители говорят, что воспитывают так же, как их воспитывали.

Когда взрослые дети критикуют воспитание, родители могут частично признать проблемы, но всё равно утверждают, что действовали по образцу собственных родителей и не могли поступить иначе.

Этот аргумент любопытен и заслуживает внимания.

Родителям, утверждающим, что они не могли поступить иначе, потому что так же воспитывали их, можно задать простой вопрос:

Вы до сих пор пользуетесь тем же телефоном или компьютером, что и 40 лет назад? У вас есть машина с кондиционером или GPS? Вы носите новую одежду и следите за модой? Всё ещё работаете на подростковой подработке? За последние годы выучили хотя бы одно новое слово? Всё ещё носите ту же причёску? Вы когда-нибудь меняли рацион питания?

Все эти вопросы подводят к главному.

Люди постоянно обновляют свою жизнь — технологии, одежду, жильё, работу, питание, знания, речь — так почему же воспитание остаётся вне этих изменений, хотя оно важнее всего?

Если бы у вашей мамы был шум в ушах, и появилась бы возможность его вылечить, она бы обязательно воспользовалась лечением. Люди охотно обновляют всё — от техники до терапии — но при этом не читают пару книг о воспитании?

Работая техническим директором в IT-сфере, я постоянно учился новому и поощрял сотрудников делать то же самое. Родители осваивают онлайн-банкинг и кредитки, но не считают нужным «прокачивать» родительские навыки?

Когда родитель утверждает, что не мог поступить иначе, потому что его тоже били, он тем самым признаёт способность учиться и меняться во всех сферах — кроме воспитания.

Но это ещё не всё. Дальше ещё хуже.

Шлепки и свобода воли

Если ваша мать била вас, а потом утверждала, что у неё не было выбора, потому что её тоже били в детстве, — она отрицает возможность ненасильственного воспитания. Но при этом она вела себя иначе на людях. Если вы плохо себя вели в торговом центре, у друзей

или в церкви — она, скорее всего, ограничивалась злобным взглядом или шёпотом-угрозой, но не поднимала на вас руку.

Её утверждение, что у неё нет выбора, противоречит её постоянному выбору не бить вас на людях. Это как переехать в Японию и позже жаловаться, что не знаешь японского, при этом свободно говоря на нём в общественных местах.

Если отец говорит, что был вынужден бить ребёнка, потому что сам подвергался насилию, но ни разу не ударил при людях — значит, он всегда мог сдержаться.

Гравитация — это не выбор. Родители не могут избежать её действия. Но если хотя бы раз вы сдержались и не ударили — значит, выбор у вас был.

Человек с эпилепсией не может контролировать припадки. У человека с синдромом Туретта нет власти над своими выкриками. У безрукого нет возможности хлопнуть. Если человек утверждает, что у него нет выбора — достаточно одного опровержения, чтобы разоблачить ложь.

Если родители никогда не били вас в общественных местах, в присутствии полиции, учителей или соседей — значит, они всегда *могли* не бить. И если теперь они утверждают, что не могли иначе — это продолжение насилия, только уже в форме самооправдания.

Детство и моральная свобода воли

Но и это ещё не всё — как обычно.

Тридцатилетний отец, ударивший свою пятилетнюю дочь, приписывает ей моральную ответственность и свободу воли. Если он бьёт её за то, что она взяла конфету без разрешения, это значит:

Я наказываю тебя, потому что ты сделала что-то плохое — ты знала, что это плохо, и у тебя был выбор этого не делать!

А теперь, когда отцу пятьдесят, а дочери двадцать пять, и она жалуется на то, что её били, он утверждает, что у него *не было* выбора, потому что в детстве его тоже били. Получается, у неё в пять лет была полная

моральная ответственность, а у него в тридцать — нет. Это моральное безумие и подлость.

Отец знает, что побои в детстве лишили его собственной свободы воли и морального выбора — и всё же сам наносит побои, чтобы лишить её свободы воли и морального выбора.

Логика такая: *дети рождаются с моральной ответственностью и свободой выбора — а побои их уничтожают. Я бил тебя, зная, что этим разрушу твою моральную волю — как когда-то разрушили мою.*

Абсурдно оправдывать взрослого, говоря, что он не несёт ответственности, но при этом наказывать пятилетнего ребёнка, требуя от него полной ответственности.

Отец говорит: у меня нет моральной вины, потому что меня били — но ты виновата, потому что вела себя плохо.

Ты, ребёнок, — *плохая*, и тебя нужно наказать. Я, взрослый, — *жертва*, и меня нужно пожалеть.

«Пятилетних детей надо наказывать, а не прощать — но тридцатилетних мужчин нужно прощать и никогда не наказывать!»

Надеюсь, вы по-настоящему понимаете, насколько это омерзительно.

Мне нужно сделать паузу и выйти подышать.

Человечность против власти

Старая истина гласит: власть развращает. Чем больше власти — тем сильнее развращение.

Одна из уловок истории — заставить людей сосредоточиться на далёкой власти, а не на личной. Библейский вопрос звучит так: зачем ты смотришь на соринку в глазу брата своего, а бревна в своём не замечаешь?

Люди — особенно мужчины — одержимы контролем над политической властью, потому что она опасна. Феминистки борются с патриархатом, австрийские экономисты критикуют центробанки, политологи хотят ограничить власть государства. Всё это в значительной степени —

дымовая завеса. Не потому, что зло не существует, а потому, что оно отвлекает от главного.

Большинство из нас никогда не станет президентами или монархами. Но почти все станут родителями. Это и есть высшая точка власти, которую мы испытываем. В западных демократиях у родителей *гораздо* больше власти над своими детьми, чем у государства над гражданами.

Законы влияют на нас, но законодатели не живут у нас дома. Они не управляют нами напрямую — шлепками, наказаниями, лишением еды, тайм-аутами, отъёмом имущества и домашними арестами. Взрослый может подчиниться несправедливому закону, чтобы избежать наказания.

Несправедливое воспитание создано ради наказания. «Правила» меняются постоянно, чтобы можно было продолжать насилие.

У граждан есть правовые механизмы против злоупотреблений государства. У детей их нет.

Граждане могут избежать внимания властей. У детей такой возможности нет.

У детей нет правового статуса, они не могут заключать договоры и не имеют защиты от несправедливости. Они не могут жить отдельно или уехать в другую страну. Даже у солдат положение лучше, чем у жертв родительского насилия. Солдаты знают правила, могут рассчитывать на поддержку и сами выбрали эту профессию. Дети не выбирают своих родителей и не получают поддержки.

Солдаты воюют несколько лет с перерывами. Дети живут под гнѐтом насилия восемнадцать лет. Их психика деформируется ещё в утробе, если родители ссорятся, и они оказываются в изоляции, которую солдаты представить не могут. Родители калечат или убивают детей так же, как солдат калечат или убивают враги. В США каждые 18 месяцев родители убивают 2630 детей — больше, чем погибло американских солдат в Афганистане за 20 лет (2448 человек).

У солдат есть товарищи. У детей — нет.

Солдаты учатся защищаться. Дети — нет. Жестокое обращение с детьми воздействует на ещё не сложившиеся личности; солдаты же уже взрослые. Детство подобно мягкому бетону, на котором остаются глубокие отпечатки, в отличие от затвердевших личностей взрослых.

Взрослый может не обратить внимания на грубость незнакомца. Для ребёнка словесное насилие — это удары по самому ядру личности. За малейшее сопротивление следует эскалация наказания, которая принуждает к подчинению. Жестокие родители превращают действия в черты характера: если ребёнок один раз соврал, он — *лжец*. Если пролил сок — он *неуклюжий* и *безответственный*.

Словесное насилие вживляет в ребёнка образ самого себя как плохого человека. «Ты сделал» превращается в «ты есть». Родитель не говорит: «Ты совершил поступок» — он говорит: «Ты такой-сякой». Это и есть насилие.

Если родитель говорит: «Мне сейчас трудно с тобой разговаривать», — это честно. Если он говорит: «С тобой невозможно разговаривать», — это ложь. А если он орёт: «Ты невыносим!» — это уже насилие. Если он ударяет — он как бы заявляет: «Ты за пределами разума. Ты плохой. Ты заслуживаешь боли».

Власть — это возможность навязать ярлык. Государство называет тебя «преступником». Школа — «неудачником». СМИ — «ненавистником». Религия — «грешником». Родители — «плохим». Это не просто ложь — это насилие, продолжающееся годами.

Понимание того, что эти ярлыки — форма насилия, очень важно. Социальные структуры насаждают ложные суждения, начиная с детства. Изменение подхода к воспитанию способно разорвать этот порочный круг, но для этого нужно радикально переосмыслить свои ценности и взгляды.

Сдерживание власти

Так как же сдерживать власть?

Как сдерживать *родительскую* власть?

Представьте себе советскую столовую в 1950-х. Персонал получает зарплату вне зависимости от количества посетителей, качества еды или уровня обслуживания. Платит им государство, которое собирает деньги силой.

Какие у работников есть стимулы готовить вкусную еду и хорошо обслуживать клиентов?

Никаких.

Зато у них есть *противостимулы*: проще играть в карты и подавать плохую еду. Поставщики тоже не заинтересованы в качестве — они делают минимум.

Есть старый советский анекдот: «Человека, который приходит на работу рано, ругают за то, что он заставляет других выглядеть плохо; опоздавшего — за лень; пришедшего вовремя отправляют в ГУЛАГ, потому что у него, должно быть, иностранные часы».

Единственное лекарство от низкого качества — *добровольность*.

Если вы не обязаны платить за ресторан, он должен заслужить ваши деньги качеством, обслуживанием и ценами.

Переход от принуждения к выбору — это переход от эксплуатации к служению. Насильнику не нужна доброта или чувство юмора. Государственные монополии и профсоюзы не заинтересованы в эффективности. Монополия и эксплуатация идут рука об руку. Принуждение и насилие — две стороны одной медали.

А как это связано с родительством?

Представьте, что вы ленивый чиновник, а вам сообщают, что через полгода вашу сферу приватизируют.

Что вы сделаете?

Вы начнёте работать, чтобы вас не уволили и не лишили пенсии.

Родители тоже оказывают услуги своим детям, но занимают монопольную позицию. Дети не могут выбрать себе родителей, как выбирают видеоигру. Родители часто не развиваются, потому что получают любовь детей без усилий.

Какова выгода от родительства?

Это преданность ребёнка на всю жизнь.

Но дети проходят путь от подчинения к свободе. От принудительной монополии — к добровольному выбору.

Маленький ребёнок обязан слушаться. Взрослый — нет.

В семье коммунизм превращается в капитализм. Принуждение — в выбор.

Выбор — это качество.

Принуждение враждебно к качеству, потому что если бы качество было, принуждение не понадобилось бы.

Родительство начинается с монополии и заканчивается свободным выбором. Хороший родитель ведёт себя так, словно ребёнок мог бы выбрать себе любого родителя на свете. Родительство начинается с власти и заканчивается мольбой. Когда ребёнок маленький — вы для него всё. Но когда он вырастет — он не обязан вам даже звонить.

Представьте мужчину, чья жена была вынуждена выйти за него замуж, но потом законы изменились, и она сможет развестись.

Что он сделает?

Он станет добрее, заботливее, лучше — чтобы удержать её.

Чиновник и муж-тиран могут в итоге быть счастливы, что их заставили измениться. Им может понравиться быть добрыми и полезными.

Многие родители ведут себя так, словно ребёнок не сможет от них уйти. Сначала они наказывают, а потом, когда ребёнок вырастает, — жалуются и манипулируют.

Но взрослые дети не обязаны навещать родителей-абыюзеров. Если поощрять насилие — оно будет продолжаться. Как новый директор, который не увольняет некомпетентных сотрудников.

Родители должны понять: дети вырастают и сами выбирают, кого впускать в свою жизнь. Чтобы остаться частью их жизни, надо строить настоящую, уважительную связь. Этот переход от монополии к выбору

— как переход от принуждения к качеству. Настоящие усилия и забота
— вот что делает отношения прочными и искренними.

Самые скрытые тайны

Есть в мире тайны, которые лежат на поверхности, но остаются незамеченными.

Пропаганда внушает: если ты ушёл из абьюзивных отношений, в которые сам вступил — это храбрость. А если пытаешься покинуть отношения, которых *никогда не выбирал* — это эгоизм.

Кто управляет миром?

Те, кто распространяют такие моральные противоречия.

Родители бьют детей и не ждут последствий.

Политики развязывают войны — и не несут ответственности.

Мы не можем изменить военно-промышленный комплекс, но можем изменить своё отношение к воспитанию.

Есть исключительные люди, которые поступают правильно несмотря ни на что. Но большинство — реагирует на стимулы и действует в собственных интересах.

Если родительское насилие остаётся безнаказанным — оно выгодно родителям.

Как понять, чего человек хочет?

Посмотреть, что он делает, когда его никто не заставляет.

Если мужчина завёл роман — значит, он этого хотел. Если пошёл на пляж, а не на лекцию — значит, предпочёл пляж.

Если человек абьюзит ребёнка, когда его никто не принуждает — значит, он этого *хочет*.

Никто не обязан бить детей. Закон этого не требует.

Не бить — полностью законно в западных странах.

Если женщина делает что-то, к чему её никто не принуждает, — значит, она этого хочет, даже если потом пожалеет.

Если мужчина курит сорок лет — он этого хотел, несмотря на сожаления в конце.

Если женщина ложится в постель с мужчиной — значит, она этого *хотела*, даже если потом пожалела.

Мы знаем, что абьюзивные родители хотят абьюзить, потому что *делают* это.

Если абьюз остаётся безнаказанным, а взрослые дети продолжают поддерживать родителей — зачем им меняться?

Нельзя остановить зло без последствий.

Нельзя реформировать насилие без добровольности.

Родители должны сталкиваться с последствиями, чтобы меняться.

Если вы взрослый и продолжаете поддерживать абьюзивных родителей — вы участвуете в зле.

Поддержка зла увеличивает его.

Лотерея рухнет, если не будет выигрышей. Абьюз продолжается, потому что его поддерживают.

Люди портятся от власти.

Родители должны помнить: взрослые дети — это уже не подчинённые.

Родительская власть должна ослабевать, иначе она превращается в источник разложения.

Если вас били — поговорите с родителями. Объясните, что это было неправильно. Добивайтесь признания, извинений, компенсации.

Лучший исход — они признают вину, пойдут к терапевту, компенсируют ущерб, и отношения сохранятся.

Худший — они разозлятся, подтвердив тем самым, что абьюз продолжается. Но вы сэкономите себе десятилетия боли.

Если они продолжают абьюз — они сделают больно и вашим детям.
Прямо или косвенно.

Это больно, но необходимо.

Скажите родителям: «Плохие поступки должны иметь последствия».

Если они били вас за то, что вы им возражали — пусть теперь примут возражения от вас.

Если они наказывали вас за правду — значит, их «мораль» была всего лишь формой газлайтинга.

Родительство улучшается, когда родители понимают: взрослые дети могут предъявить им счёт.

Осознание того, что нет гарантий — лучший стимул расти над собой.

Если вы продолжаете поддерживать абьюзивных родителей — вы вредите себе и следующему поколению. Вы одобряете зло, и оно растёт.

Не участвуйте в этом. Прекратите. Скажите «нет» абьюзу. Поговорите с родителями, предъявите им счёт, добивайтесь справедливости. Это трудно, но необходимо. Это путь к исцелению и переменам.

Реформа воспитания начинается с личных решений и общественных перемен. Если родители знают, что их могут призвать к ответу — они ведут себя лучше. Это прерывает цикл насилия и ведёт к сострадательному обществу.

Ваши действия сегодня формируют завтрашний мир. Если вы отказываетесь терпеть зло — вы прокладываете дорогу к миру, основанному на любви и справедливости. Смелость говорить правду меняет всё: вас, вашу семью и будущее поколение.

Правила ненасильственного воспитания

Ненасильственное воспитание — это применение ваших высших моральных стандартов к вашим *детям*.

Если вы не бьёте взрослых — не бейте и детей.

Если вы не оскорбляете начальника — не оскорбляйте и детей.

Если вы не кричите на полицейского — не кричите и на ребёнка.

Если вы не наказываете официанта за ошибку — не наказывайте ребёнка за ошибку.

Если принуждение стоять в углу унизило бы вас, не ставьте своих детей в угол и не отправляйте в тайм-аут.

Хотите, чтобы ребёнок говорил правду? Сами говорите правду — и никогда не наказывайте за неё.

Хотите, чтобы он уважал чужую собственность? Сами уважайте его вещи.

Хотите, чтобы он решал конфликты словами, а не кулаками? Делайте так сами.

Хотите, чтобы он хорошо относился к другим? Относитесь хорошо к нему.

Хотите, чтобы он вас уважал? Ведите себя достойно. Вы ведь не уважаете тех, кто теряет контроль, кричит, оскорбляет или бьёт незащищённых.

Хотите, чтобы он вас слушал? Слушайте его первым.

Не хотите, чтобы он стал булли? Не буллите его.

Если поведение ребёнка вас злит — спросите себя: *что я сделал, чтобы это поведение возникло?*

Ваши дети отражают ваше поведение, как зеркало отражает ваше лицо.

Хотите, чтобы ребёнок сопротивлялся давлению? Сами подавайте пример.

Хотите, чтобы он избегал дурной компании? Избегайте её сами — даже если это ваши родственники.

Хотите, чтобы он был дисциплинированным? Проявляйте дисциплину — ешьте здоровую пищу, занимайтесь, сдерживайте гнев.

Хотите, чтобы он меньше сидел за экраном? Станьте интереснее, чем планшет.

Если он играет — играйте с ним или предложите что-то более увлекательное.

Хотите видеть в ребёнке определённые качества — воплощайте их сами, изо дня в день, в течение многих лет.

Вы не можете научить ребёнка английскому, если не говорите на нём сами.

Мораль — как язык.

Хотите, чтобы ребёнок был хорошим? Сами *будьте* хорошим.

Хотите, чтобы он был честным? Показывайте это на деле.

Хотите, чтобы он брал ответственность? Берите её сами.

Хотите, чтобы он умел извиняться? Извиняйтесь перед ним, если были неправы.

Хотите, чтобы он не боялся дать отпор? Давайте отпор — даже своим родным, если надо.

Хотите, чтобы он выработал хорошие привычки? Показывайте это собственным примером в течение лет.

Что бы вы ни хотели видеть в ребёнке — сначала проявите это в себе.

Вы не можете научить тому, чего сами не умеете. Подготовка к родительству — это годы жизни по высоким стандартам *до* появления ребёнка.

Можно быть ненасильственным родителем и без подготовки, но надо признать свои пробелы и извиняться за ошибки.

Если ваши родители были абьюзерами — они должны извиниться, измениться и компенсировать вред. Иначе вы должны признать последствия от того, что держите абьюзеров рядом со своими детьми.

Если вы пускаете абьюзеров к детям — вы показываете, что для вас важнее потакать плохим людям, чем защитить ребёнка.

Вы даёте детям понять: зло — это сила, а «добро» прогибается.

Вы учите их, что «добродетель» — это маска рабства.

Вы говорите им быть добрыми, а сами — кланяетесь перед злодеями. Это значит, вы учите их лгать о добродетели и служить плохим людям.

А потом удивляетесь, что они закатывают глаза, когда вы говорите о морали.

Чтобы учить добру — станьте добрым.

Покажите, что добродетель — это сила. Управляйте собой. Держите зло на расстоянии. Не давайте ему власти — ни над собой, ни над своими детьми.

Дети — особенно мальчики — презируют слабость. Если вы покорно терпите зло, прикрываясь добродетелью — они начнут уважать зло, а не вас.

Представьте, что вы учили их боевым искусствам, а потом послали на бой с руками, связанными за спиной. Как они воспримут ваши наставления после этого?

С презрением.

Если они видят, как вас унижают родственники — они начнут уважать тех, кто унижает.

Вы теряете уважение к себе и сохраняете уважение к унижающим — и именно поэтому вас унижают.

Ненасильственное воспитание и моральные ошибки.

Часть 1

Если вам удастся найти ребёнка, который ни за что не хочет подражать взрослым — поздравляю: вы нашли представителя инопланетного вида!

Поскольку взрослых почти не наказывают, а детей — постоянно, дети воспринимают наказания как проявление *власти*, а не *морали*.

Откуда они это знают?

Потому что взрослые, ведущие себя плохо, получают не наказание, а награды.

У взрослых больше моральной ответственности, чем у детей — но именно те, кто менее всего оправдан в своём поведении, получают поощрение, а те, у кого есть наибольшее оправдание, — наказание.

Это не «наказание за плохое поведение», а «наказание за слабость».

Детей наказывают за слабость, а взрослых награждают за силу.

Мир ребёнка — это мир гигантов и карликов.

Представьте, что взрослый разнимает драку между пятнадцатилетним и пятилеткой — и наказывает пятилетку. Это кажется безумием, правда?

Когда подростки обижают малышей, это воспринимается как проявление силы, а не морали.

Если вы наказываете детей за то, за что взрослые получают награды, — вы не педагог, а булли, использующий размер и силу, чтобы «вразумлять» слабых.

Вы хуже обычного булли — тот хотя бы не притворяется, будто действует из морали!

Дети не могут дать сдачи, как и девочка не может защититься от старшего подростка — и потому становятся мишенью для агрессии.

Нет такого морального принципа, как «наказывать за плохие поступки».

Есть только один принцип: «Наказывай слабых и невиновных, награждай сильных и виноватых».

«Наказывать детей» — значит «нападать на слабого за его поведение».

Награждать виновных, наказывать невиновных.

Наказывать тех, кто не контролирует ситуацию, и поощрять тех, кто контролирует.

Наказывать жертв, награждать агрессоров.

И мы удивляемся, откуда берётся жажда власти?

Она возникает из желания избежать наказания, которое родители приучили ассоциировать с беспомощностью, а не с проступками.

Мы все проходили через это.

Ненасильственное воспитание — это отказ быть моральным лицемером.

Мы должны учить детей добродетели — честно и последовательно, а не через насилие и лицемерие.

Ненасильственное воспитание и моральные ошибки. Часть 2

Как ни посмотри — нет разумного оправдания наказанию детей.

Родители часто злятся на подростков за то, что те предпочитают друзей семье — но сами раньше могли ставить карьеру, друзей или родственников выше своих детей.

Если вы демонстрировали дурной пример — не обращали внимания, кричали, били, обзывали, срывались, обвиняли ребёнка в собственных ошибках — ребёнок всего лишь отражает вас. Ответственность на вас, не на нём.

Если вы никогда не показывали плохого примера — возможно, поведение ребёнка он перенял у кого-то другого, например у деструктивного дяди, — или оно врождённое.

Если это влияние со стороны — ответственность всё равно на вас, потому что *именно вы контролируете, с кем контактирует ваш ребёнок*. Если плохое поведение исходит от дяди — накажите дядю или себя, но не ребёнка. Если репетитор научил детей ругаться — вина на нём и на вас, а не на детях.

Если детей нужно наказывать за плохое поведение, а дядя ведёт себя плохо — вините *его* родителей, а не своих детей!

Если все вокруг ребёнка идеальны, а он всё равно ведёт себя плохо — значит, поведение врождённое, и наказывать его несправедливо.

Дети, особенно мальчики, проявляют агрессию с младенчества, но это инстинктивно и вне их контроля — как плач при пробуждении. Сосед, который орёт по утрам, — невежа. Но младенец не выбирает.

Наказывать за то, что ребёнок не может контролировать, — жестоко и аморально.

Мы не наказываем детей за эпилепсию или астму — они не виноваты. Если вы считаете, что врождённая «плохость» требует наказания, примените этот принцип к взрослым. Ваш дядя — агрессивный пьяница? Значит, его надо бить, пока не исправится, верно?

Но если вы снова и снова зовёте агрессивного дядю на семейные ужины, дети видят: вы не верите в наказание за дурное поведение. Вы поощряете его, даря внимание. Дети понимают: наказывают только детей. Взрослым можно всё.

Если вы постоянно приглашаете своих родителей, которые принижают или оскорбляют вас, ваши дети ясно видят, что вы не верите в наказание за плохое поведение. Они наблюдают, как вы вознаграждаете плохое поведение ужинами и приятными встречами — и полностью понимают, что наказание за «плохое» поведение предназначено только для детей, а взрослые получают награду!

Этика ненасильственного воспитания

Мораль — странная вещь. Стоит сказать, что что-то плохо — и все спрашивают: «А что делать *вместо*?»

Если я отговорю вас от воровства — обязан ли я указать, чем именно вам теперь заняться?

Если кто-то скажет вам не селиться в опасном районе — должен ли он сам выбрать вам квартиру?

Мы признаём, что насилие — зло. Но должен ли тот, кто нас от него отговаривает, объяснить, как ухаживать за женщиной и на ком именно жениться?

Те, кто боролся с рабством, должны были расписывать, что делать после его отмены?

Разве это не *продлило* бы рабство?

Если я говорю: «Не бей людей» — должен ли я подбирать вам друзей?

Смысл морали в том, чтобы *запретить* зло, а не в том, чтобы приказать конкретное добро. Иначе где же свобода?

Слова «не убивай» не являются жизненным планом. Так же, как «не живи у меня» не указывает, где жить.

Это показывает, как сильно люди хотят быть под контролем. Стоит что-то запретить — они жаждут нового приказа.

«Если рабство — зло, как же тогда жить?»

Вот позиция вечного раба: «Скажи, что делать после того, как велели, что не делать».

И это подводит нас к...

Как вам следует воспитывать своих детей?

Я не знаю!

Я не знаю, как именно вы должны воспитывать своих детей.

Моральный выбор теряет смысл, если становится приказом или заповедью!

Если врач говорит вам бросить курить — он не приказывает бегать марафоны или колоть героин. Он просто говорит, что *не стоит* делать.

Если я скажу: «Не бей жену» — я не вмешиваюсь в вашу супружескую жизнь.

Если я скажу: «Не проявляй агрессию к ребёнку» — я всего лишь говорю, чего *не* надо делать.

Наша зависимость от насилия в воспитании так велика, что без него мы теряемся.

Как долго нужно терпеть насилие, чтобы идея свободы казалась безнадежной?

Я спрашиваю с большой любовью и сочувствием...

Как долго вас угнетали? Достаточно, чтобы требовать, чтобы я продолжал это угнетение?

Отмена рабства британским флотом дала толчок расцвету современного мира. Рабство — это зло. Оно душит развитие и разрушает всё.

Оно отнимает настоящее и калечит будущее.

Бороться с рабством — значит вернуть людям свободу.

Я не знаю, как вырастить ваших детей. Не знаю, как вам зарабатывать на жизнь.

Но я знаю: нельзя быть рабом и нельзя быть агрессором для своего ребёнка. Нельзя угрожать, кричать, запугивать, оскорблять, запира́ть, бить. И вы это знаете, особенно читая эту книгу.

Отмена рабства принесла миру прогресс и изобилие.

Отказ от насилия в воспитании принесёт любовь, радость и нежность — и преобразит человечество.

Как будет выглядеть мир, где с детьми разговаривают, а не бьют?

Рациональные среди нас — и вы теперь в их числе, хотите вы того или нет — постоянно скорбят об отсутствии и уничтожении разума в мире.

Мы ужасаемся распространённости психических расстройств, эксплуатации и насилия. Мы гневаемся на жестоких, на лживых, на манипуляторов, на тех, кто сам изломан — и ломает других.

Мы протестуем против войн, долгов и воровства наших сбережений через инфляцию.

Мы содрогаемся от тех, кто уродует свои тела и души в безумной погоне за показным, а не за тем, что они могут дать в отношениях.

Нам жаль тех, кто находит утешение в домашних питомцах, а не в дружбе, любви, браке и детях.

Мы отшатываемся от тех, кто неустанно трубит о своих мнимых добродетелях — добродетелях, которые всегда оплачиваются подчинением и порабощением других через налоги, долги и печатание денег.

Мы порицаем фантастический парад фантазийной плоти, которую женщины выставляют напоказ, чтобы выманивать деньги у мужчин,

отчаянно жаждущих сексуального контакта.

Мы презираем тех, кто винит других в своих плохих решениях и бежит к любым софистам, готовым снять с них бремя ответственности.

Мы боимся преступников, которые крадут у нас, потому что их собственное детство было украдено.

Мы бежим от жестоких и агрессивных, которых враждебность их неумолимых родителей научила кровавому языку эксплуатации и насилия.

Мы боимся тех, кто нападает на нас, потому что мы не смогли защитить их, когда они были детьми.

Я не знаю, как воспитывать — но знаю, чего *нельзя* делать.

Не знаю, за кого стоит выйти — но знаю, что нельзя *бить* любимых.

Не знаю, на что стоит злиться — но знаю, что нельзя нападать и убивать.

Не знаю, как вам заработать — но знаю, что красть — нельзя.

Нас так приучили к жестокости, что, услышав «перестань бить детей», мы не знаем, что делать.

Чтобы развеять этот мрак — давайте посмотрим, какие есть альтернативы.

Что если мои дети мне лгут? Часть 1

Спойлер...

Ваши дети *будут* вам лгать — так же, как и вы будете лгать им, другим и самому себе.

Религиозная мораль предлагает следовать заповедям независимо от взаимоотношений, ставя Бога выше всего. Например, в христианстве прощение часто трактуется как заповедь, а не как награда за раскаяние.

Я не разделяю эту точку зрения. (Подробнее — в моей бесплатной книге «Универсально предпочтительное поведение» на сайте

www.freedomain.com)

Ультрапацифисты отвергают насилие даже в целях самообороны. В традиции общего права допускается оборонительное насилие в ответ на агрессию. Ненасилие — это не абсолют, а характеристика отношений.

Если вы заказали телефон за \$500, но не получили его, вы не обязаны платить. Обязательства зависят от выполнения условий другой стороной.

Если у вас украли велосипед — вы вправе его вернуть. Если вас обманули на \$100, допустимо соврать, чтобы вернуть деньги.

Многие моральные дилеммы не вписываются в идеализированные схемы. Если человек требует сказать, где ваша жена, чтобы убить её — обязаны ли вы говорить правду? Ни один вменяемый человек не ответит утвердительно. Значит, правдивость — не абсолют.

Вы не обязаны быть честным с убийцей, как не обязаны жениться на сталкере. Игнорировать угрозу убийства ради соблюдения принципа правды — всё равно что игнорировать родительское насилие, сосредоточившись на поведении ребёнка.

Понимание морали как *отношения* — ключ к ненасильственному воспитанию.

Что если мои дети мне лгут? Часть 2

Когда ребёнок врёт, мягко объясните ему:

«Значит, ты не сказал мне правду — я понимаю, это естественно: мы хотим избежать неприятностей или получить что-то хорошее. Мы все иногда поддаёмся искушению, но это редко приводит к добру.

Помнишь, как ты радовался, когда я обещал сводить тебя в игровой центр? А представь, если бы мы так и не пошли. Или если бы я пообещал видеоигру после чистки зубов — и не выполнил. Ты бы начал мне не доверять, правда?

«Если я тебе лгу, ты не сможешь доверять мне или полагаться на мои обещания. А мне хочется, чтобы мы могли доверять друг другу. Тогда я

могу планировать день, зная, что ты сдержишь слово.

«Если ты лжёшь — справедливо ли ожидать от меня честности? Это как ждать конфеты, не заплатив, или купить билет в кино и не пустить зрителя.

«Многие хорошие вещи в обществе строятся на доверии. В магазинах не прячут всё под замки, потому что верят — люди не будут воровать. В ресторане предполагают, что мы заплатим в конце.

«Иногда ты не можешь сдержать слово — например, мы опоздали к стоматологу из-за пробки. Бывает. Но если опаздывать всегда — это уже проблема.

«Нечестно пользоваться чужой честностью, позволяя себе врать. Это заманчиво, я понимаю, но несправедливо.

«Если ты врёшь — другие тоже могут не говорить тебе правду. Если нарушаешь обещания — другие могут не сдержать своих. А ты ведь хочешь мне доверять, правда? Хочешь, чтобы, если я сказал, что будет весело — это правда? Тогда жизнь становится интересной, и есть чего ждать, правда?

«Так что договорились — ты говоришь правду, и я тоже?»

Даже малыши это понимают. Они узнают хорошую сделку, когда слышат её.

Но если вы сдерживаете слово, а ребёнок продолжает лгать — возможно, придётся и вам нарушать обещания.

Пообещайте сходить в игровую комнату — и отмените, если ребёнок нарушает свои слова.

Когда он будет возмущаться — напомните о его лжи.

«Помнишь, я говорил: если ты не сдержишь слово — я могу не сдержать своё! Ты покупаешь мою честность своей честностью! Я с радостью снова буду выполнять обещания — но и ты должен!

Представь, у тебя есть работник и он ничего не делает, ты же не обязан ему платить, правда?»

Что если мои дети мне лгут? Часть 3

Эти разговоры можно адаптировать к разным ситуациям, но все они сводятся к следующим принципам:

1. Обращение к интересам самого ребёнка.
2. Ссылка на поведение, которое вы последовательно демонстрируете.
3. Напоминание, что хорошее поведение — это часть отношений, а не абсолют.
4. Утверждение авторитета через ответственность.

Чтобы воспитать честность, напомните ребёнку, что он сам выигрывает от вашей правдивости. Сошлитесь на собственную честность.

Покажите, что если он не говорит правду — вы тоже не обязаны. Подчеркните, что вы ответственны за его поведение до взрослого возраста.

Эти принципы легко применять, когда привыкаешь. Сложнее всего пункт два — последовательно показывать поведение, которого вы хотите от ребёнка. Если нарушали обещания — исправьтесь. Лицемерие разрушает доверие.

Показывайте хорошее поведение во всех взаимодействиях — в семье, с братьями и сёстрами, с незнакомцами. Ребёнок не может выучить мораль без этической целостности со стороны родителей.

Доверие — противоположность тщеславию

Многих из нас воспитывали родители, стремившиеся к успехам детей ради собственного эго — это демотивирует и ведёт к самотажу.

Если вы хотите, чтобы ребёнок подчинялся вам ради вашего комфорта — он будет сопротивляться.

Мы все ощущали давление от продавца, навязывающего дорогую вещь без интереса к нашим нуждам. Хотите ли вы купить у него? Конечно нет.

То же самое и в воспитании.

Если продавец ковров злится из-за отказа купить, даже после предложенного чая — вы ведь не купите у него? Надеюсь, нет!

Ожидать от сына повиновения только потому, что вы «его отец», — это апелляция к *категории*, а не к собственной порядочности.

Вы же не ждёте от жены повиновения только потому, что вы «её муж»?

Никогда не учите ребёнка «послушанию».

«Послушание» означает отказ от воли в пользу авторитета — без учёта собственных интересов.

Мы знаем, к чему приводит отказ от совести в пользу «власти» — катастрофа.

Будете ли вы работать для начальника, который присваивает все заслуги и премии? Нет.

Вы хотите, чтобы дети подражали вам, вдохновлённые вашим примером, а не вынужденно.

Требовать «послушания» — значит готовить их к будущим манипуляторам.

Учить послушанию — значит приучать к рабству.

Моральный человек подчиняется добродетели, а не другим людям.

Подчинение другим — это рабство; подчинение добродетели — это честность и свобода.

Навязать послушание можно только страхом и угрозами.

Вспомните, кого вы слушаете без объяснений — за этим всегда стоит опасность.

«Послушание» — это отрицательная экономика.

«Отрицательная экономика» — это поведение, продиктованное избеганием боли, а не стремлением к радости.

Вы отдаёте деньги грабителю, чтобы избежать вреда — это отрицательная экономика.

Вы уступаете капризному супругу, чтобы прекратить жалобы — это отрицательная экономика.

Вы подчиняетесь, чтобы избежать последствий — отсюда обида и бунт.

Подчинение людям — как удерживать шар под водой: он всё равно всплывёт.

Если вы втолкнёте ребёнка в отрицательную экономику — он восстанет.

Если вы звоните матери из чувства вины — это отрицательная экономика.

Если ребёнок слушается, боясь угроз — это отрицательная экономика.

Отрицательная экономика неустойчива.

Страны, начинающие свой путь как очаги свободы, неизбежно превращаются в империи порабощения: они переходят от позитивной экономики стремления к свободе к отрицательной экономике избегания тюрьмы — и в конечном итоге неизбежно рушатся.

Избежать отрицательной экономики полностью невозможно, но мы должны стремиться к позитивным стимулам.

Тот, кто прибегает к отрицательной экономике, признаёт, что у него нет ничего позитивного, что он может предложить.

ЧАСТЬ 2: ПРАКТИКА

Воспитание и общая порядочность

Одна из важнейших истин ненасильственного воспитания: *если ты подаёшь пример, наказывать не придётся.*

Дети естественным образом подражают своим родителям — это ключевой навык выживания, выработанный тысячелетиями.

Главный вопрос: если дети ведут себя «плохо», откуда это поведение берётся?

«Плохое» поведение либо врождённое, либо приобретённое из окружающей среды.

Мы обычно не наказываем людей за врождённые черты. Наказывать за цвет кожи — это расизм, за то, что женщина — сексизм, за ограниченные умственные способности — несправедливо.

Наказывать детей — чьи мозги по природе своей ещё не развиты — за «дурное» поведение нелепо и аморально.

Врождённые черты не выбираются. Если «плохость» — врождённая, ребёнок не несёт за неё ответственности, а значит, она не является «плохой».

Младенцы не умеют ходить с рождения; они начинают примерно в год. Представьте мать, называющую своего новорождённого «ленивым» за то, что он не убирает игрушки — мы бы сочли это чудовищным.

Малыши естественным образом стремятся переворачиваться, садиться, ползать, ходить — ими движет врождённое стремление и поддержка родителей.

Моральное развитие происходит по аналогии.

Сначала младенцы сосредоточены только на своих потребностях — им невдомёк, что ночной крик за молоком утомляет маму.

Но уже через несколько месяцев младенцы начинают сочувствовать родителям — например, стараются «покормить» их с ложечки за обедом.

В младенчестве идёт стремительный скачок в языке: малыши с поразительной скоростью усваивают слова, подражая родителям.

Если родители ведут себя нравственно и с сочувствием — ребёнок пойдёт по тому же пути. Если родители грубы и наказывают — он будет копировать это.

Наказывать ребёнка за врождённые черты — морально недопустимо. Мы не делаем этого в других сферах жизни. Если ребёнок «рождается эгоистом» — его нельзя за это наказывать.

Если дурное поведение не врождённое — а врождённые черты не подлежат моральной оценке — значит, оно обусловлено средой.

Поведение ребёнка — результат либо природы, либо среды.

Родители сильно влияют на природу ребёнка через гены — в первую очередь, выбирая себе партнёра.

Гены влияют на личность. Если вам нравятся нервные партнёры — скорее всего, ребёнок будет тревожным. Если агрессивные — вероятен агрессивный ребёнок.

Интеллект во многом наследуется — выбрав не слишком умного партнёра, вы можете получить не слишком умного ребёнка.

Если мать страдает ожирением во время беременности, у ребёнка выше риск набрать лишний вес.

Наказывать детей за вес, на который повлияли родительские решения — чудовищно.

Представьте мать, выбравшую низкорослого отца, и потом ругающую сына за его рост.

Вы и ваш партнёр выбрали врождённые черты своего ребёнка, выбрав друг друга.

Наказывать младенца за качества, которые *вы* же ему передали, — это за пределами морального падения.

Если дурные черты не врождённые — они из среды.

Так кто же управляет средой, в которой растёт младенец?

Разве ребёнок выбирал дом, семью, район, уровень дохода?

Выбирал ли он свой пол, расу, грудное вскармливание, ваше внимание, сочувствие, нравственные качества?

Выбирал ли он, останетесь ли вы с ним дома или отдадите в детсад?

Выбирал ли он, насколько вы будете уставшими и рассеянными?

Выбирал ли он свои болезни?

Выбирал ли он, будете ли вы его бить, кричать, игнорировать или любить безусловно?

Конечно же, нет!

Любой младенец выбрал бы наилучшую среду, если бы мог. Но ему приходится выживать в той, куда он попал.

Вы несёте ответственность за гены и среду вашего ребёнка.

Оба родителя полностью ответственны за среду, в которой растёт их ребёнок.

Если отец бросает ребёнка, оба родителя несут 100% ответственности за то, что он вырос без отца.

Полная ответственность

Необходимо взять на себя стопроцентную ответственность за свои поступки.

Фраза «Это было 50 на 50» перекладывает часть вины на других.

Даже если вы говорите, что виноваты на 99 %, вы всё ещё вините кого-то другого.

Всё, что меньше 100%, — это уже оправдание. Возьмите на себя *полную* ответственность — всё остальное есть бегство.

Примите полную ответственность за окружение и поведение ваших детей.

Вы контролируете гены и среду своего ребёнка, а значит, полностью отвечаете за его поведение.

Вас когда-нибудь обвиняли на работе за ошибки начальства? Вот как чувствуют себя дети, когда их винят родители.

Представьте, что полиция подбрасывает улики, чтобы обвинить невиновного.

Проблема не в детях — проблема в вас.

Это азы проекции.

Куда легче наказать ребёнка за те черты, что вы ненавидите в себе, чем признать ошибки и изменить поведение.

Одиноким матери, злящиеся на отсутствующего отца, нередко злятся и на старшего сына. Это справедливо?

Отцы, гневающиеся на матерей, срываются на дочерях. Это справедливо?

Учителя, раздражённые скучающими учениками, прописывают им метамфетамин вместо того, чтобы признать свои педагогические ошибки. Это справедливо?

Это чудовищно!

Вы и ваш партнёр делите ответственность за 50% генов вашего ребёнка и на 100% за его окружение.

И вы смее винить и наказывать *ребёнка*?

Родительство и моральное воспитание

Нельзя научить тому, чего сам не знаешь.

Я не смогу научить вас завязывать узлы, говорить по-японски или играть на пианино, если сам этого не умею.

Вы хотите научить своих детей быть добрыми? Прекрасно!

Но знаете ли вы сами, что такое доброта?

Это — слепое подчинение авторитету?

Надеюсь, что нет!

Это — стремление никого не расстраивать? Нет, такой путь ведёт к конформизму и порабощению чужим мнением.

Всегда ли «огрызаться» плохо? Нужно ли уважение заслужить?

Если вы хотите, чтобы дети лишь притворялись уважительными, вы поощряете ложь и наказываете за правду.

Так что же лучше — лгать или говорить правду?

Нельзя требовать правды и одновременно настаивать на лжи. Это безумие.

Хорошо ли — требовать от власти тех же стандартов, которые она навязывает другим?

Что предпочтительнее — быть честным или лицемерным?

Является ли лицемерием строгость к слабым при попустительстве к сильным?

Хорошо ли добиваться своего агрессией или насилием — или всё-таки плохо?

Можно ли любить того, кого боишься? А страх — это то же самое, что уважение?

Эти важнейшие вопросы родители часто не задают — и не отвечают на них.

В чём мы все согласны

Вы удивитесь, насколько мы едины в суждениях, когда речь идёт о чётко сформулированных вопросах.

Никто не считает добродетелью простое послушание или что власть имущие должны быть выше морали.

Никто не восхваляет силу, лицемерие или ложь как добродетели.

В теории все поддерживают ненасильственное воспитание — но на практике с ним труднее.

Чтобы учить кого-то фитнесу, музыке или медицине, нужно сначала самому овладеть этими искусствами.

Чтобы учить ребёнка добру, нужно самому быть добрым.

Так что — подавайте пример, а не наказывайте за «плохое» поведение, впадая в лицемерие.

Толстые фитнес-тренеры

Если бы ваш фитнес-тренер был ожиревшим заядлым курильщиком, вы бы восприняли его всерьёз?

А если бы ему нужно было привести вас в форму ради миллиона долларов, но вы ему не верили — что бы он делал?

Он бы стал манипулировать, давить, запугивать — лишь бы добиться результата.

Не имея авторитета, он бы не вызывал уважения и вы бы не слушали его советы. А ему кровь из носа нужен этот миллион!

Это сравнение несовершенно, потому что вы можете сказать такому тренеру: «Ты не авторитет!»

А теперь представьте ребёнка, говорящего разъярённому родителю: «Я не стану учиться добру у тебя, потому что *ты сам злой!*»

Такой ребёнок вряд ли бы хорошо закончил!

Вместо того чтобы судить о *доброте детей*, спросите себя: *насколько добр я сам?*

Если вы пытаетесь учить добру, не будучи добрым, вы столкнётесь с постоянным сопротивлением и сведёте всё к мольбам и угрозам.

Нельзя учить тому, что сам не демонстрируешь. А демонстрировать невозможно то, чего не знаешь.

Если вы не знаете и не показываете доброту ежедневно, рассчитывать на то, что дети будут вам подчиняться или вдохновляться вами — нелепо.

Врач, исцели самого себя!

Ненасильственное воспитание и эго. Часть 1

В современном мире существует странное явление: люди жалуются, что с рождением ребёнка теряют свою личность и будто ничего не остаётся «для себя».

На многих уровнях это представление кажется мне абсурдным.

Я никогда не чувствовал, что что-то утратил, став отцом. Когда моя дочь была маленькой, лет десять я не писал книг — ну и что? Я женат более двадцати лет и не встречаюсь с другими женщинами — и что с того?

Пожертвовал ли я чем-то, изучая философию и стремясь жить нравственно? Время от времени — да, но в целом это принесло мне огромную пользу.

Вот уже сорок лет я придерживаюсь строгого режима тренировок. Была ли это трагическая жертва? По сравнению с лишним весом, упадком сил, отсутствием привлекательности в глазах жены и самого себя, и потерей лет жизни? Смешно!

Если ты делаешь только то, что хочется, и считаешь обязанности вторжением в личное пространство — ты живёшь ниже уровня животного. Птицы приносят пищу своим птенцам, киты кормят грудью под водой, львы приносят мясо, а гориллы носят воду. Твои родители отказывались от своего ради тебя. Жить лишь ради собственного удовольствия — это кража жизни, вампиризм, хищничество и эксплуатация.

Это всё равно что пользоваться плодами родительских вложений в твоё образование, но самому не вкладываться в собственных детей, потому что хочется купить лодку. Или растратить большое наследство, не оставив ничего своим потомкам.

Великая цепь жизни, простирающаяся сквозь более чем четыре миллиарда лет, ведёт к тебе. Отказ жертвовать собой ради других — это потребление всех прежних жертв ради эгоистического удовольствия.

Твои предки сражались, прятались, рожали детей и умирали, чтобы подарить тебе жизнь. Родители рожают детей с надеждой, что те тоже подарят жизнь следующему поколению. Ты жив, чтобы продолжить эту преемственность.

Человеческая жизнь — величайший дар, потому что мы способны к абстрактному мышлению и нравственности. Другие живые существа лишь *существуют*; мы же можем быть *добрыми*! В нас звучит тихий голос совести — другие движимы лишь инстинктами: голодом, сном, стремлением к размножению. Мы как ангелы, а они — просто механизмы потребления и воспроизводства.

Ты вовсе не *обязан* продолжать род — и около 10% супружеских пар страдают от бесплодия, что является настоящей трагедией. Но...

Мы существуем благодаря борьбе миллионов поколений. Прервать эту цепь ради эгоистического самовыражения — значит ошеломить всех предков.

Твои предки пережили чуму, голод, войны, ледниковые периоды, хищников и родовые муки, чтобы ты мог жить и мыслить. Они не стали бы приносить эти жертвы, если бы знали, что ты всё это растратишь на мелкие удовольствия вроде путешествий, видеоигр или мимолётных развлечений.

Ненасильственное воспитание и эго. Часть 2

Если ты наслаждаешься жизнью, но не стремишься передать это дальше, ты поразительно эгоистичен.

А если ты не находишь радости в жизни — возможно, потому, что слишком эгоистичен, чтобы завести детей.

Твоя жизнь — не только для тебя. Ты не создал её сам. Она продолжается потому, что предыдущие поколения её поддерживали.

Твои предки жертвовали своим эго ради высшей цели — ради рождения и воспитания тех, кто в итоге привёл к тебе.

Вершина эгоизма — пожирать чужие жертвы ради собственного тщеславия.

У тебя могут быть красивые глаза, ум или спортивные способности — осознаёшь ли ты, скольких миллиардов лет эволюции потребовалось, чтобы они у тебя появились?

Бесчисленные поколения до тебя отдавали свои жизни, чтобы ты появился. Одобрили бы они то, что ты растрачиваешь дарованное ими существование?

Тратить жизнь впустую — особенно избегая родительства — невообразимо.

Родительство не уничтожает твоё эго; оно *раскрывает твой потенциал!*

Создание будущих поколений обогащает твоё наследие, а не обедняет его.

Ты почувствуешь себя обманутым, если я заберу у тебя доллар, а потом отдам миллион?

Это было бы безумием!

Радость от воспитания ребёнка не сравнима ни с чем.

Превратить младенца в разумного взрослого — всё равно что построить процветающий город посреди пустыни.

Мы не сможем быть по-настоящему счастливы, если будем эгоистично эксплуатировать бесконечные жертвы миллионов людей.

Тратить с таким трудом добытые дары на эгоистические удовольствия — мелочно и хищно.

Сексуальное влечение — не для удовлетворения эго, а для дарования жизни.

Молодая красота женщины должна привлекать мужчину, готового создать семью, а не служить для мимолётных интрижек и роскошных прихотей.

Твоя красота — это задаток будущего материнства, а не приманка для материальных благ.

За всё, что ты считаешь бесплатным, в итоге придётся заплатить.

Мужчины, когда вы даёте деньги женщинам, с которыми не хотите иметь детей — вы портите и себя, и их.

Женщины, если вы берёте деньги от мужчин, с которыми никогда не стали бы рожать — вы становитесь расчетливыми и хищными.

Как вы знаете, ваша молодая красота увянет, и за ней последуют одиночество и сожаление.

Сексуальная ценность мужчин возрастает с возрастом — у них есть годы, чтобы выбрать время для отцовства.

А у женщин окно репродуктивности закрывается в середине жизни — и уже не открывается.

Секс — для создания детей, для сближения партнёров и для семьи, а не для тщеславия, лёгких денег и вызывания зависти.

Женщины должны стремиться к ресурсам ради своих детей, а не ради нового бикини и поездки на Бали.

Перехитрить природу ради тщеславия — значит обречь себя на несчастье!

Всё, что ты берёшь, должно быть оплачено, и это стоит тебе части твоей души.

Смирить своё эго ради нравственной цели — это не жертва.

Настоящая жертва — это потакание своему эго в ущерб счастью.

В конечном счёте, ты не отказываешься от радостей, заводя детей — дети и есть одна из величайших радостей жизни!

Ненасильственное воспитание и эго. Часть 3

Жизнь становится простой и радостной, когда ты следуешь ясным и универсальным принципам. В браке двое становятся единым телом,

одной командой, как две лошади, тянущие повозку. Представьте машину, у которой одно колесо решает ехать само по себе — авария неизбежна. Муж и жена — разные люди с разными предпочтениями, но мысль о том, что один может «победить» за счёт другого, — безумна.

Подумайте об упражнении, которое укрепляет одну руку и разрушает другую, или о диете, при которой одна нога худеет, а другая толстеет. Такие перекосы абсурдны. Ты не проигрываешь, когда вносишь вклад в общее дело ради общей цели.

Альтернатива — жить гедонистически, гонясь за мимолётными удовольствиями, которые, как всем известно, со временем тускнеют. Вспомните радость от первой зарплаты и сравните её с чувством от последней. Погоня лишь за удовольствием разрушает способность откладывать наслаждение ради большего блага — а это необходимо и для здоровья, и для духовной любви. Без этой способности эмоции выходят из-под контроля, и тогда любовь и доверие становятся невозможными.

Гедонизм ведёт к убывающей отдаче и, в конечном итоге, к боли. Когда удовольствия иссякают, часто уже потеряны такие добродетели, как честность, любовь и доверие. Те, кто предостерегает от гедонизма, стремятся *увеличить* твоё счастье — как диетолог, который хочет уберечь от диабета. Мгновенное удовольствие часто превращается в долгосрочные сожаления.

Действовать разумно ради будущего счастья — это не жертва. В браке ты обеспечиваешь счастье партнёра, живя честно, договариваясь и заботясь о здоровье и привлекательности. Когда у тебя есть дети, их счастье становится залогом твоего будущего счастья. Забота о детях — не жертва, так же как физические упражнения и правильное питание не являются жертвой для здоровья.

Отдавая приоритет работе, а не детям, ты можешь заработать деньги, но со временем они обесценятся, а потерянная любовь детей будет ощутима. Оставляя детей в детском саду ради карьеры, ты даёшь им понять: ты выбрал деньги, а не их. И когда ты состаришься и останешься один, они, скорее всего, предпочтут свою жизнь, а не визиты к тебе.

Представь, что тебе восемьдесят, ты болен и один, и всё, что у тебя осталось, — воспоминания о зарплатах и достижениях, которые уже никому не важны. Любовь, близость, семья — их нельзя купить. Ты будешь вспоминать упущенные моменты, вроде школьного спектакля ребёнка. Твой давно умерший начальник не вспомнит твоих жертв, но дети никогда не забудут твоего отсутствия.

Выбор работы вместо семьи оставляет глубокие раны. Дьявол искушения предъявляет счёт слишком поздно. Цена тщеславия становится очевидной, когда уже нельзя ничего вернуть. Симптомы появляются тогда, когда смерть уже близка. Это возмездие неотвратимо — будь то Божий суд или голос совести.

Живи ради своих детей, сохраняя независимость и порядочность — и ты не умрёшь один. Живи только для себя — и будешь одинок в жизни и в смерти.

Ненасильственное воспитание и добровольная семья

Если ты родился в семье преступников — обязан ли ты сам стать преступником?

В «Крёстном отце» главный герой втягивается в преступный мир из-за семейных уз.

Наша жизнь определяется этим вопросом: *я верен добродетели или людям?*

Мы рождаемся в семьях с определёнными моральными нормами и заповедями.

Современная семейная история часто выглядит так:

У занятых родителей рождается ребёнок. Мать ухаживает за ним, совмещая заботу с работой, а потом оставляет его с чужими людьми и возвращается в офис.

Ребёнок впадает в панику, его эмоциональные потребности игнорируются. Его воспитывают люди с чужим акцентом, иной культурой и без кровной связи.

Морально ли — родить ребёнка и тут же передать его чужим людям?
Нет.

Морально ли — выйти замуж и изменять? Нет.

Муж, который ходит к любовнице, изменяет своей жене. Мать, которая ходит на работу, изменяет своему ребёнку.

Первое вызывает осуждение, второе — одобрение. Это и есть нравственное разложение.

Измена ребёнку — хуже, чем измена мужу. Муж выбирает жену — ребёнок не выбирает мать.

Муж может уйти. Ребёнок — нет. У мужа есть выбор. У ребёнка — нет.

У мужа есть права и доход. У ребёнка — ничего.

Ребёнок и мать — единое целое. Материнское молоко — лучшее питание.

Мать обладает монополией на всё, что лучше всего для ребёнка — и ничто её не заменит.

Измена ребёнку — хуже измены мужу.

Какой урок вы даёте своему ребёнку?

Семья — это менее важно, чем деньги.

Служить чужим людям лучше, чем воспитывать своего ребёнка.

Инстинкты ничего не значат, а вот чужие люди, амбиции и деньги — всё; и слабые должны страдать, чтобы эгоисты чувствовали себя значимыми.

Почему молодые матери так быстро возвращаются на работу?

Если они останутся дома на год-два, разрыв будет ещё болезненнее, когда ребёнка отдадут чужим.

Характер ребёнка во многом формируется к шести годам.

У малышей, проводящих двадцать часов в неделю в детском саду, наблюдается такая же психологическая травма, что и у брошенных детей.

Во "взрослом времени" это 8–10 часов в день — а в "детском" это целая вечность.

Матери с маленькими детьми, совмещающие работу, испытывают самый высокий уровень стресса.

Ребёнок, чьи потребности игнорируются, воспринимает мир как враждебный — иначе почему же мать исчезает? Значит, вокруг война, чума или голод.

Почему матери уходят на работу так рано?

Из-за давления общества и пропаганды.

Им говорят, что быть матерью — скучно и неважно, а вот скучная работа — необходима!

Им говорят, что для ребёнка они заменимы, а для начальника — незаменимы.

Им бросают мелочь после оплаты детского сада, транспорта, одежды, налогов и вычетов.

Они делают то, что им велят, а не то, что правильно.

Они больше ценят чужое мнение, чем благо собственных детей.

Они выбирают лояльность к другим — а не к своим детям, не к добродетели.

Но позже наступает обратный момент.

Молодые и амбициозные, эти матери ставят лояльность к другим выше своих младенцев.

В старости они требуют лояльности от своих взрослых детей.

«Я выбрала других вместо тебя, когда ты был младенцем — теперь ты должен выбрать меня вместо других!»

Это дикое перевёртывание прикрито мощной пропагандой.

Песня “The Cat’s in the Cradle” описывает этот путь, но не затрагивает моральную суть предательства.

Верность добродетели?

Верны ли мы добродетели — или другим людям?

Является ли «семья» заменой добродетели?

Означает ли «семья» лишь гены — или настоящую преданность?

Означает ли «родитель» лишь биологию — или действия по воспитанию?

Можно ли называться родителем, если ты не воспитываешь?

Можно ли называться семьёй, если между вами нет верности?

Означает ли «отец» — просто донор спермы, или десятилетия вложений?

Можно ли считаться матерью, если не кормишь грудью и оставляешь младенца чужим людям?

Можно ли называться родителем, если твоих детей в основном воспитывают няни и воспитатели?

Может ли открытый брак считаться моногамным?

Разумеется, нет.

Женщины жалуются на двойные стандарты, но могут их избежать, сделав приоритетом своих детей.

В одном ситкоме героиня сказала: «Дома мне хочется быть на работе, а на работе — с малышом!»

Это показали как кризис — из-за феномена «женщина всегда права».

А теперь представьте мужа, который говорит любовнице: «С женой я хочу быть с тобой, а с тобой — с женой!»

Сочувствовали бы вы ему?

Чистый лист

Я хочу, чтобы вы задумались — это очень важно.

Представьте, что вы не знаете свою мать.

Вы приходите на званый ужин и знакомитесь с женщиной в возрасте, которую раньше никогда не видели.

В разговоре вы замечаете — она задаёт вопросы или в основном говорит о себе?

Она жалуется или вдохновляет? Вы ею восхищаетесь — или закатываете глаза, мечтая пересечь подальше?

По окончании вечера — захотите ли вы встретиться с ней снова? Обменяться контактами?

Была бы ваша мать ценным человеком в вашей жизни — если бы у вас не было общей истории?

А теперь подумайте о своём отце.

Представьте, что вы идёте с ним в поход, но не знаете его. О чём он говорит? Он шутлив, заинтересован, любознателен? Он интересуется вами или говорит только о себе? Он тёплый и искренний — или хвастается и пускает пыль в глаза?

После похода — захотите ли вы обменяться номерами и встретиться вновь? Был бы он в вашей жизни, если бы у вас не было общей истории?

Считают ли взрослые, что могут перестать приносить пользу и «ехать по инерции прошлого»?

Родители, которые мало воспитывают или ведут себя жестоко, часто заявляют, что сам факт их родительства требует вечной любви, преданности и уважения.

Если взрослый ребёнок сопротивляется, родители говорят: «Но я же твоя *мама!*» или «Я твой *отец!*»

Но... были ли они действительно родителями?

Они гнались за деньгами, били, кричали, игнорировали, оскорбляли? Отдали тебя в плохую школу и позволили тебя травить?

Поддавались ли они давлению общества, в то же время говоря тебе — не поддавайся? Помогали найти хороших друзей и партнёра? Следили за твоим окружением ради безопасности?

Научили ли они тебя жить достойно? Или просто делили с тобой крышу?

Они были родителями, арендодателями или соседями по комнате?

Допускали ли они, чтобы моральное становление ребёнка формировали токсичные родственники?

Говорили ли они, что быть добрым важнее, чем слушаться родню по крови?

Советовали ли они служить добродетели, а не людям — но сами избегали воспитания ради угождения другим?

Родители обязаны своим детям *всем* — таков неизбежный контракт деторождения.

Дети должны родителям *справедливость*, а значит — вознаграждать достойные вложения.

Если родители вложились с честью, дети с возрастом с радостью будут проводить с ними время.

Те, кто вложил мало, пытаются взять силой. Те, кто не вложился — давят на взрослых детей ради поддержки.

Некоторые не воспитывают, потому что считают, что им всё равно будут должны: любовь, время, ресурсы.

А если бы у вас не было общей истории — были бы они в вашей жизни?

Помните: мы либо служим добродетели, либо — людям.

В здоровых отношениях это совпадает: добродетельные люди никогда не советуют злого; а порочные прикрывают зло мнимым благом.

Обращайся с людьми сначала достойно — а дальше, как они с вами.

У малышей и детей нет первой опции. Но повзрослев — появляется вторая.

Мы не вправе жаловаться на безнравственность мира, если продолжаем награждать безнравственных.

Прими сторону добродетели — и жизнь станет удивительно ясной.

Предпочтения и личность. Часть 1

Многие считают, что отказ от сиюминутных желаний делает их менее самими собой.

Если ты определяешься со своими предпочтениями, то отказаться от них — значит как бы отказаться от себя. А самопожертвование — это будто бы утрата себя, не так ли?

Это убеждение — плод современного секуляризма.

В религиозном взгляде твоя сущность — это душа, а не тело.

Секуляризм отвергает душу, сводя нас к одной лишь плоти.

Ты — это тело, мозг или разум?

Если ты — лишь тело, то откладывать удовольствие бессмысленно: тело живёт краткосрочными желаниями. Мозг уже способен к долгосрочному планированию — но он всё равно смертен.

Тело требует немедленного удовлетворения. Мозг думает о будущем.

А разум?

Если ты читаешь это через пятьдесят лет — я уже давно мёртв, но мои слова живут в твоём внутреннем голосе. Мой мозг стал прахом, а слова остались живыми.

Тело — это настоящее. Мозг — это вся жизнь. Разум — это вечность.

Тело требует удовольствий. Мозг отказывает телу ради будущего счастья. Разум отказывает обоим ради вечной истины.

Так кто же ты: тело, мозг или разум?

Что делает тебя человеком?

Это должно отличать тебя от животных.

Животные живут ради тела — многие даже планируют будущее.

Белки запасают орехи, бобры строят плотины, птицы танцуют в брачных ритуалах.

Но только мы способны мыслить универсально.

Уравнение «два плюс два — четыре» было истиной тысячи лет назад и остаётся ею сегодня.

Универсальные идеи объединяют нас в вечности.

Собака, ловящая мяч, не может высчитать его траекторию.

Уравнения, научные принципы, универсальные моральные истины — вот что делает нас людьми.

Секулярный человек может видеть в «Бог» абстракцию нематериального разума.

«Бог» — бессмертен: истина живёт вечно.

«Бог» — всеведущ: истина вечно определяет реальность.

«Бог» — всеблаг: универсальные моральные истины определяют добродетель.

Душа — это абстракция того, что делает нас людьми.

Что делает нас всеведущими, бессмертными и добродетельными?

Что отличает нас от животных?

Без вечности, бесконечности, всеведения — мы живём лишь для тела и мозга. Мы живём ради кратких удовольствий своей смертной жизни.

Мы не участвуем в вечности.

Мы никогда не выходим за рамки короткой жизни.

Один вождь племени сказал христианским миссионерам: «Мы думаем, что жизнь — это как птица, пролетевшая через комнату: влетела в одно окно, вылетела в другое. Мы не думаем, откуда она пришла или куда летит — а вы рассказали, что за пределами комнаты...»

Так происходит переход от хитрой обезьяны к человеку с божественным началом.

Если ты лишь смертен, самопожертвование за пределами себя кажется бессмыслицей. Это как отказаться от чизкейка в день казни, чтобы не набрать вес.

Человек может взаимодействовать с универсалиями тремя способами:

1. *Создавать их* — открывать новые идеи, истины, понятия.
2. *Воплощать их* — жить морально, воплощая добродетель и истину.
3. *Передавать их* — учить и вдохновлять других.

Немногим дано создавать универсалии — ведь немногие создают новые аргументы, теории, фильмы или песни. Все мы можем воплощать универсалии, живя правдиво. Некоторые способны передавать их, объясняя и вдохновляя добродетелью и истиной.

Но по-настоящему участвовать в универсалиях большинство может, лишь заводя и воспитывая детей.

Вспомните диетологию. Мало кто делает открытия в этой области или вдохновляет других питаться правильно. Но каждый родитель может научить ребёнка питаться здорово.

Вспомните физические упражнения. Немногие развивают науку о тренировках или становятся эффективными тренерами. Но многие родители играют со своими детьми в подвижные игры.

Без детей человечество теряет бессмертие, теряет суть.

Поощряя рождение детей, мы поддерживаем всё самое великое и глубокое в человеческом разуме.

Немногие напишут вечные стихи или песни. Шекспир — бессмертен. Большинство писателей — забыты. Но содержание нашего разума, переданное другим и детям, делает нас бессмертными.

Отказ от рождения детей разрушает величайшее искусство предков — самого тебя и твоё вечное продолжение. Это обрывает великую цепь жизни.

И ещё одна горькая правда: можно ли иметь отношения без общения? Язык и концепции позволяют нам коммуницировать. Разногласия в

терминах рушат диалог. Универсальные понятия создают возможность для отношений.

Язык развивался десятки тысяч лет. Без детей не было бы ни языка, ни отношений. Бездетные разворачивают жертвы истории ради сиюминутных связей, ничего не давая взамен. Они — вампиры вечной истории.

Современная наука и медицина основаны на тысячелетиях накопленных знаний, переданных *потому что у людей были дети*. Без детей — нет прогресса. Вы берёте, не отдавая.

Чудовищно. Абсолютно чудовищно.

Как ты смеешь пользоваться жертвами других ради собственных удовольствий? Это как явиться на обед с пустыми руками — и рассчитывать, что тебя будут кормить вечно.

Но стоит искренне посвятить себя добродетели — и жизнь становится удивительно простой.

Предпочтения и личность. Часть 2

Хочешь медицинскую помощь в старости?

А кто будет врачами, если никто не станет рожать детей?

Хочешь, чтобы у тебя был водопровод, отопление и кондиционер?

А кто будет обслуживать всю эту инфраструктуру, если никто не будет иметь детей?

Рассчитываешь на государственную пенсию?

Денег нет — всё уже потрачено.

Кто будет тебя обеспечивать, если у людей не будет детей?

Такое поведение — эгоистично и жадно.

Ты полагаешься на чужие жертвы во всём.

Если бы все жили как ты, твоя жизнь превратилась бы в ад.

Ты потребляешь то, что создано чужими усилиями и страданиями.

Не иметь детей — не аморально. Многие великие мыслители были бездетны.

Джейн Остин не имела детей — но она живёт вечно.

Но ты?

Всё, что ты ценишь, существует лишь потому, что кто-то родил детей.

Не хочешь детей? Хорошо.

Просто не делай из этого *добродетели*!

Не презирай родителей, чьи дети дарят тебе жизнь и комфорт.

Не называй матерей «инкубаторами» и не утверждай, будто отказ от детей делает тебя нравственно выше.

Не хвастайся тем, что «спасаешь природу», отказываясь от потомства.

Будь эгоистом — но честным. Не оправдывайся.

Если ты постоянно приходишь на общий обед с пустыми руками и ешь за счёт других — не смейся над теми, кто готовил.

Не рассуждай о собственной добродетели, потому что «ничего не принёс».

Не читай лекции тем, кто тебя кормит, что готовка — дело скучное и недостойное.

Это подло.

Если не хочешь вносить вклад в человеческую историю, но пользуешься чужими жертвами — будь честен.

Скажи: «Я слишком эгоистичен, чтобы чем-то жертвовать — но я благодарен вам за то, что вы родили детей, которые будут заботиться обо мне в старости!»

От эгоистов трудно ожидать благодарности — но мечтать не вредно.

Это был кнут. А вот — пряник.

Польза от детей

Большинство страданий в мире мелочны и люди сами себе их причиняют.

Когда у тебя есть дети, саморазрушительные мысли почти исчезают.

Ты проводишь с детьми столько весёлых моментов, что тщеславные мысли испаряются.

Попробуй тревожиться из-за проблем на работе, играя в настольную игру — или испытывать стресс, когда твой малыш засыпает у тебя на руках.

Родительство — это череда маленьких радостей, которые стирают мелочность настоящей перспективой.

Без детей смерть пугает сильнее.

Что страшнее — смерть или общий наркоз перед операцией?

Разумеется, смерть. Она — навсегда.

Но как родитель ты живёшь в своём ребёнке — телом и разумом.

Твои гены и мысли передаются дальше.

Сам факт твоего существования меняет будущее — потому что ты родил и воспитал ребёнка.

Мы продолжаем жить — в мыслях, идеях, добродетелях и детях.

Ты — носитель вечности. Ты существуешь, потому что твои родители завели детей.

Твоя сложность — результат миллиардов лет взрывов и горения звёзд.

Ты сделан из вещества звёзд. Ты — часть вселенной и вечности.

Жизнь скоротечна — человеческие мысли вечны.

Наш мозг — смертен. Наш разум — божественен.

Бог сотворил жизнь — как и мы можем.

С падением рождаемости стремительно выросли депрессия, тревожность и психические расстройства.

Избегание ответственности не приносит счастья. Наши предки были счастливы, потому что не избегали ответственности.

Мошенники, воры и карманники не бывают счастливы.

Те, кто грабит общее благо и презирает детородных, — несчастны.

Но так быть не должно.

Просто будь честен.

Ты боишься, что ни одна достойная душа не захочет иметь от тебя ребёнка. Презрение — это маска неуверенности.

Ты презираешь семьи, потому что никто не хочет создать её с тобой.

Ты презираешь родительство, потому что боишься, что ребёнок никогда не полюбит тебя.

Ты презираешь вечность, потому что тебя обманули: заставили жить мгновением и отказаться от человечности.

Измени это. Поверни назад. Вернись к нам.

Ты можешь быть любим.

Но сначала — перестань бояться и ненавидеть.

Дисциплина без насилия. Часть 1

Существует огромная разница между ненасильственным воспитанием и отсутствием воспитания.

Отсутствие воспитания предполагает, что детей не нужно растить, обучать или направлять каким-либо образом.

Такие родители позволяют детям ложиться спать когда угодно, есть что попало и смотреть всё подряд — без всякого сопровождения или объяснений.

Они обращаются с детьми как с взрослыми с повреждённым мозгом.

Если бы дети в целом принимали разумные решения, они уже были бы полноценными взрослыми.

В глазах не воспитывающих родителей дети — это крошечные взрослые с недоразвитыми мозгами, живущие в ленивом социалистическом раю, где нет ни обязанностей, ни морали, ни роста, ни ответственности.

Настоящее воспитание стремится подготовить ребёнка ко взрослой жизни — нравственно и зачастую материально.

Лучше быть честным и бедным, чем богатым и продажным.

Богатство само по себе нравственно нейтрально, как и секс — оно приемлемо, если достигнуто добровольно, а не через силу, обман или коррупцию.

Моральные люди прекрасно ведут дела — они не обманывают, не нуждаются в контрактах и избавляют от необходимости в юристах.

Моральные люди приносят доверие, что делает бизнес дешевле и расширяет сеть надёжных партнёров.

Почему же отсутствие воспитания вредно?

Взрослая жизнь полна обязанностей, ограничений, законов, правил и искушений.

Во взрослом возрасте каждое решение может повлечь серьёзные последствия.

Государство не навязывает тебе профессию — но от твоего выбора зависит многое.

Растить ребёнка без правил и последствий — значит не готовить его к взрослой жизни.

Во взрослом мире счета не оплачиваются сами собой, а домашние дела и расходы требуют внимания.

Сегодня многим молодым людям не хватает элементарных жизненных навыков. Подготовка, уборка, планирование бюджета часто игнорируются.

Если родители делают всё за ребёнка и ничего не требуют взамен, вырастает эгоистичный нарцисс, неспособный ко взрослой жизни.

Младенцы и малыши нуждаются в полной заботе — но детям постарше необходимы *ожидания*.

Взял игрушку — убери её, как это делают взрослые.

Воспитание — это передача взрослой компетентности детям.

Родители, не обучающие ребёнка языку, калечат его.

Обучение чтению — передача важнейшего навыка.

Передача культурных и моральных ценностей — суть человеческого воспитания. Особенно это касается западных ценностей: свободный рынок, свобода слова, политические права.

Если мы не передаём эти ценности, мы предаём предков и оставляем детей без высоких ориентиров.

Животные запрограммированы природой — они не сравнивают свои поступки с идеалами.

Обезьяна не читает детёнышу лекций о морали.

Моральные нормы — то, что отличает человека от животного.

Животные не понимают, что такое «честность», и не наказывают за моральные проступки.

Для многих видов ложь — стратегия выживания.

Если мы не даём ребёнку абстрактных нравственных ориентиров, мы отнимаем у него человечность.

Если вы не учите ребёнка, что такое добро и зло — кто-нибудь обязательно научит его лгать.

Учите детей любить добродетель.

Наказание детей за моральные проступки приучает их бояться добродетели.

Это связывает моральные суждения с болью.

Таким образом, добродетель становится равна мучению — это не поощряет добро.

Мораль и последствия — сложны.

Нельзя оценивать мораль по последствиям — это как пытаться опровергнуть математику при помощи спиритической доски.

Последствия принадлежат миру мистики; моральные аргументы опираются на разум и факты.

Судить мораль по последствиям — всё равно что объявить аргументы против религии «ересью».

Предсказание будущего — фантастическая мистификация.

Чем центральнее моральный вопрос — тем менее предсказуемы его последствия.

Кроме того, дети должны понимать связь между усилием и результатом. Им необходимо знать: хорошее поведение и труд приводят к хорошим последствиям, а лень и дурные поступки — к плохим. Это готовит их ко взрослой жизни.

Наконец, вы должны развивать в ребёнке критическое мышление. Поощряйте его задавать вопросы, искать доказательства и мыслить самостоятельно. Это даёт силу принимать обоснованные решения и отстаивать свои убеждения в сложном мире.

Дисциплина без насилия. Часть 2

Многие выступали против отмены рабства, опасаясь, что это сделает невозможным производство пищи и одежды. Они не могли предсказать изобретения, которые появились после отмены рабства и кардинально сократили необходимость в ручном труде.

Люди часто отвергают моральные аргументы, проецируя свои страхи в мрачные картины бесконечных страданий.

«Если приватизировать медицину — больные будут умирать на улицах!»

Такой предсказуемый аргумент — антигуманен. Животные принимают решения, исходя из предсказуемых последствий; человек действует по моральным принципам. Воображая, будто мы способны предсказать

последствия, мы приписываем себе всезнание — даже самый самовлюблённый нарцисс не дерзнул бы на такое всерьёз.

Отвергать моральный аргумент, ссылаясь на знание будущего, — это утверждать невозможное: способность предвидеть то, чего ещё не было, и что обязательно будет отличаться от настоящего.

Отмена рабства или алиментов означает, что будущее будет не таким, как прошлое и настоящее — фундаментальные столпы общества изменятся.

Кто-то может сказать: «Я знаю *точно*, как всё будет, основываясь на неполной информации о настоящем!»

Хотя я считаю это невозможным, как эмпирик я с радостью проверю такую гипотезу.

«Ты можешь предсказывать будущее? Великолепно! Скажи тогда, сколько будет стоить твой инвестиционный портфель в следующем месяце?»

«Если ты знаешь будущее — значит, ты знаешь, какие акции вырастут, а какие упадут. Ты наверняка уже стал миллионером!»

На это они обычно заявляют, что «это не так работает», или что они не используют свои способности ради личной выгоды — или что-нибудь столь же нелепое.

Те, кто отвергает моральные доводы, предсказывая последствия для общества, никогда не подтверждают свои фантастические способности. Они не могут предсказать, что ты скажешь через минуту, цену на золото через пять минут или уровень безработицы в следующем месяце. Они никогда не предъявляют эмпирически проверяемые предсказания.

То, что утверждается без доказательств, может быть отвергнуто без доказательств.

Ты можешь подумать: «Ты говоришь, что никто не может предсказывать будущее, но при этом утверждаешь, что избиение детей имеет негативные последствия!»

Это правда — я утверждаю, что избиение детей в целом приводит к плохим результатам. Однако мы не судим о морали избиения детей по последствиям.

Государственное регулирование экономики приводит к неэффективности, но мы не оцениваем его нравственность по последствиям. Кто-то может предпочитать контроль государства ради власти и престижа — это приносит выгоду ему, но вредит другим в долгосрочной перспективе.

Вопрос о контроле экономики — это *моральный* вопрос, а не утилитарный. Если каждый имеет право на собственность, то насилие с целью контролировать чужую собственность — безнравственно. Последствия такого контроля могут быть положительными для одних, отрицательными для других, но в целом разрушительными.

Вопрос о том, можно ли бить детей, тоже не решается на уровне последствий — избиение детей выгодно многим в обществе! Миллиарды родителей предпочитают бить своих детей — им это удобно, и отказ от насилия дал бы негативные последствия для них самих!

Утверждение «избиение детей приводит к плохим результатам» поддаётся проверке, и мы подробно рассматриваем это в полной версии книги, доступной на www.peacefulparenting.com.

Но «плохие последствия» — это не магическая формула, которая способна дать окончательные ответы на глубочайшие моральные вопросы.

Некоторые выиграли от отмены рабства, другие пострадали — морально, эмоционально, экономически.

Дети и общество выигрывают от ненасильственного воспитания — но это не объясняет, *почему* родители бьют детей.

Ответ прост: потому что они *хотят* этого и потому что *могут*.

Зависимость ведёт к плохим последствиям — но не для всех и не всегда. Иначе зависимость просто не существовала бы.

Дисциплина без насилия. Часть 3

Последствия *отказа* от избияния детей будут крайне негативны — для миллиардов людей по всему миру.

Когда кто-то заявляет, что моральный аргумент приведёт к плохим последствиям, он лжёт. Если тебе нравится бить детей, отказ от этого ради морали будет лично для тебя весьма неприятен. Если ты нуждаешься в дорогом лечении из-за плохого здоровья, то приватизация медицины тоже будет тебе невыгодна.

Когда люди говорят: «Это приведёт к катастрофе», они имеют в виду: *для них*. Защитники рабства тоже утверждали, что его отмена станет катастрофой — скрывая личный интерес. Возможно, они извлекали прибыль или получали удовольствие от власти над другими. Противники морали просто не хотят, чтобы их считали злыми.

Никто, совершающий зло, не хочет быть разоблачён. Люди, оправдывающие побои, не хотят признать, что это зло. Ожидать иного — безумие.

Будет ли компания Соса-Сола тратить деньги на запрет своей продукции? Будет ли политик рекламировать соперника? Люди действуют по стимулу — особенно моральному. Моральные аргументы меняют мир; меняя мораль, мы меняем реальность. Большинству нравится статус-кво. Большинство родителей предпочитают бить детей и будут против всего, что мешает этому.

Наркоманы злятся, когда нет доступа к веществу. Удивительно, правда?

Те, кто творит зло, всегда искажают мораль, чтобы оправдать себя. Они утверждают, что ясная мораль разрушит мир. Они сеют страх, чтобы отвратить людей от добродетели, и объединяются с теми, кто извлекает выгоду из зла, чтобы дискредитировать истину.

Что конкретно будет происходить в мире, когда мы начнем поступать хорошо, не имеет значения.

Мы не можем судить нравственность побоев по выдуманным катастрофам, призванным нас запугать. Если злодеи отпугивают тебя от добродетели, ты становишься соучастником, ухудшая мир.

Прежде всего, я не прошу тебя быть добродетельным — прошу быть честным. Если ты не хочешь прекращать бить детей — признайся в этом. Не прячься за страшилками про всемирный крах. Будь откровенен: ты поднимаешь руку на ребёнка, потому что это приятно, снимает стресс — или потому что ты можешь.

Один солдат как-то признался: «Я не верю, что мне за это ещё и платят. Если бы не форма, меня бы давно казнили!» Без честности невозможна мораль. Просить морали без честности — как просить мускулы без упражнений. Честность — необходимое, но недостаточное условие для добродетели.

Если ты не хочешь воспитывать и направлять ребёнка, не прикрывайся «естественным родительством». Признай: тебе не хочется устанавливать рамки и спорить. Признай, что тебе интереснее делать другие вещи, чем быть родителем. Проблемы решаемы — если их признать.

Ограждать ребёнка от норм и последствий — крайне жестоко. Когда он вырастет, с ним всё равно будут суровы. Если ему предстоит важный экзамен — помоги подготовиться, а не отпускай с миром на провал. Безразличие — это жестокость.

Жизнь ежедневно предъявляет стандарты, требования и последствия. Не подготовить к ним — значит подготовить к провалу. Но как задать рамки — без насилия?

Как устанавливать рамки

Если ты врёшь — честные люди будут избегать тебя.

Ты не можешь требовать честности от других, если сам не честен.

Агрессивные родители наказывают за ложь; в ненасильственном воспитании демонстрируются взрослые ситуации — спокойно.

Если сын солгал — вырази недовольство.

Если он постоянно жульничает в игре — перестань играть с ним.

В жизни люди избегают обманщиков.

Скажи сыну: ложь разрушает разговор. Если он врёт — ты тоже можешь перестать быть честным с ним.

Честные сторонятся лжецов, а нечестные — их эксплуатируют.

Детство — это репетиция взрослости. Ошибки — тренировка.

Ненасильственные родители учат: плохое поведение отталкивает хороших людей и притягивает плохих.

Ложь, воровство, обман — естественные эксперименты.

Если дочь тайком съела сладости, нарушив обещание, — объясни последствия и спроси: можно ли тогда взять её вещи?

«Ты взяла конфету без разрешения. Это эксперимент. Но можно ли мне забрать твоё?»

«Нет!»

«Вот именно. Тебе неприятно, когда берут твоё — нам тоже. Правила справедливости общие. Они соединяют нас.»

Моральные правила — универсальны, и потому подлежат исполнению.

Излишнее наказание даёт сигнал: добродетель не имеет ценности — только страх перед карой.

Мы стремимся к добру, потому что оно ведёт к счастью через разум — а не через страх.

Мы не занимаемся спортом от страха потолстеть — мы любим движение.

Чтобы мыслить ясно и не быть физически слабым, нужна сила.

Если за дурное поведение — только наказание, значит за доброе — ничего.

Перестав есть вредную еду, ты начинаешь ценить здоровую.

Начав заниматься спортом, ты предпочитаешь активность бездействию.

Став добродетельным — начинаешь наслаждаться добродетелью больше, чем пороком.

Если наказывать за зло — ты отучишь ребёнка от зла. Но не приучишь к добру.

Бедный человек может получить ваши деньги, взывая к вашей милости или ограбив вас с пистолетом.

Если он выбирает оружие — он сам признаёт: он недостоин добровольной помощи. Он не *заслужил* её.

Если вы бьёте ребёнка за «плохое поведение» — вы прямо говорите: у него *нет хороших причин выбирать добродетель*.

Кроме того, он никогда не примет правила, вбитые снаружи — через боль.

Без добродетели нас не могут любить — а любовь — величайшее благо!

Любовь — это наша непроизвольная ответная реакция на добро, если мы сами добродетельны.

Мы не только не можем быть любимыми без добродетели — мы не можем даже *влюбиться*.

Влюблённость и любовь — разве это не величайшие дары вселенной?

А достигаются они только через добродетель.

Выражать недовольство поведением ребёнка — важно. Но всегда будь честен. Не фальшивь положительные эмоции.

Любить своего ребёнка — и быть любимым им — это высшая награда в жизни.

Кто променяет это на горсть конфет?

Воспитывая в детях добродетель, мы готовим их к жизни, полной настоящих отношений и долгосрочного счастья.

Показывая положительные причины для добра, мы пробуждаем в них любовь к добродетели.

Так мы строим общество, где процветают честность и радость, а отношения зиждутся на уважении и доверии.

В конечном счёте, ненасильственное воспитание не только формирует лучших людей — оно создаёт лучший мир.

Ненасильственное воспитание и тайм-ауты

Тюремное заключение — шаг вперёд по сравнению с мстительной резнёй за побои и убийства.

Законы о клевете лучше дуэлей — тяжба в суде лучше, чем пистолеты на рассвете.

Мы никогда не должны прекращать стремиться к лучшему.

Ты полностью доволен?

Тебе хватает денег?

Времени?

Любви?

Уважения?

Ты когда-нибудь обновлял свой первый телефон или компьютер?

Тебе нравятся новые функции в машине?

Мы всегда ищем, как сделать лучше.

Лошадь — лучше ходьбы. Машина — лучше лошади. Самолёт — лучше машины. А дальше будет ещё лучше.

Лёгкий ветерок лучше затишья — махать веером лучше, чем ждать ветер — вентилятор лучше веера — а кондиционер лучший — пока что.

Посудомойка лучше мытья вручную. Робот будет ещё лучше.

Моральный прогресс даётся тяжело — но, достигнув его, большинство считает, что двигаться дальше не нужно.

Крепостное право было лучше рабства. Подоходный налог лучше и того, и другого. Но на этом мы останавливаемся — думая, что дальше идти некуда.

Тайм-аут лучше побоев. Но и что с того?

Айфон 6 лучше айфона 5 — но ведь мы пошли дальше, не так ли?

Постоянное совершенствование — вот в чём суть человечности!

Что такое тайм-аут?

Тайм-аут — это форма дисциплины, при которой ребёнку выносятся одно-два предупреждения, а затем его ставят в угол или на ступеньки на определённое количество минут, соответствующее возрасту (обычно одна минута за каждый год).

Как это выглядит на практике?

Если ребёнок ослушался или ведёт себя плохо, родитель предупреждает его. Если поведение продолжается — ребёнка сажают на «провинившийся стул» или ставят в угол: трёхлетнего — на 3 минуты, шестилетнего — на 6 и так далее. Если ребёнок пытается уйти, его возвращают молча. По окончании тайм-аута объясняют причину, просят извиниться и продолжают день как обычно, если ребёнок извинился.

Этот метод исключает физическое и словесное насилие — и это уже прогресс. Но мы должны стремиться к полному соблюдению принципов, даже если это недостижимо.

Главный моральный принцип ненасильственного воспитания — принцип ненападения: никогда не применять силу первым. Он включает уважение к праву собственности: мы принадлежим себе и не должны подвергаться насилию.

Моральное родительство требует согласования своих действий с принципом ненападения и уважения к праву собственности. Избиение и принудительный контроль над ребёнком нарушают этот принцип.

Представь: водитель такси запирает тебя внутри и везёт против воли — это похищение. Если ты не позволяешь гостю выйти из квартиры — это незаконное лишение свободы. Словесное насилие вредит разуму ребёнка, нанося ущерб его интересам через негативные установки.

Законы о клевете защищают от лжи, приносящей вред. Если кто-то ложно обвиняет ресторан в том, что в блюде была крыса, — это убытки.

Если преподаватель пишет ложную характеристику — студент может подать в суд.

Словесное насилие — это обвинения ребёнка в эгоизме, неблагодарности и злобе. Оно подрывает самооценку, снижает будущие доходы и способности к переговорам.

Даже взрослые, сталкивающиеся с буллингом на работе, теряют деньги и судятся с работодателями. Родительская вербальная агрессия способна лишить ребёнка сотен тысяч — а то и миллионов долларов — в течение жизни.

Дети, подвергшиеся словесному насилию, с трудом формируют любящие отношения, лишаясь социальных, эмоциональных, медицинских и экономических преимуществ стабильного партнёрства. Это одиночество вредит здоровью сильнее, чем курение.

Родитель, прибегающий к словесному насилию, крадёт у ребёнка самоуважение — калеча его социально, эмоционально и экономически. Навсегда. Это нарушение принципа ненападения.

Возвращаемся к тайм-аутам.

Когда ты ставишь ребёнка в тайм-аут — ты используешь насильственный контроль над его телом?

Разумеется.

Ты физически берёшь ребёнка, сажаешь туда, где он не хочет быть, и возвращаешь, если он уходит. Ты нарушаешь его право на собственное тело.

Простой тест ненасильственного воспитания: позволено ли это со взрослыми?

Если начальник силой усадит подчинённого в угол — это нападение, уголовное преступление. Даже грубые шутки в офисе могут стать поводом для иска о «токсичной обстановке».

Словесное унижение ребёнка создаёт такую же «токсичную среду» — но дети не могут уволиться и подать в суд.

Всё ещё сомневаешься?

Представь, что ты так обращаешься с женой. Если она с тобой не согласна — ты можешь её схватить и силой посадить на стул? Если она помяла машину, ты можешь удерживать её на заднем сиденье 45 минут и выпустить только после извинений? Причем не только за вмятину, но и за непослушание? Конечно нет.

Ты не стал бы делать это с супругом, с начальником, с полицейским, учителем, священником, работником магазина. Почему?

Потому что это было бы незаконно, странно, оскорбительно, насильственно и недопустимо!

Если ты попытаешься силой усадить взрослого в общественном месте — он имеет полное право защищаться. Он может ударить, использовать баллончик или даже электрошокер.

Так почему же разрешено применять такое насилие к детям?

Не потому ли, что дети «не понимают слов»? Но тогда и к любому взрослому, не слушающему тебя, можно применить силу. Но это запрещено.

Если кто-то в панике — ты не вправе валить его на землю.

Если кто-то не говорит на твоём языке — ты не вправе усаживать его насильно.

Если ребёнок способен понять инструкции — с ним можно говорить.

Что ты делаешь, если взрослый с тобой не согласен? Ты можешь его осудить.

Если кто-то говорит грубость — ты не бьёшь его. Ты можешь уйти, выразить недовольство, разозлиться, рассказать другим, возразить.

Это — универсальный подход. И именно этому мы учим детей!

Ты используешь *слова*, а не *кулаки*!

Агрессия между братьями и сестрами. Часть 1

Если твоя дочка строит башню из кубиков, а сын внезапно её рушит — заслуживает ли он тайм-аут?

Нет!

Придумывать воображаемые решения для реальных проблем — иррационально.

Мы снисходительно улыбаемся, когда племена приписывают извержение вулкана гневу Бога Огня. Точно так же родители часто выдумывают в ребёнке некоего «демона плохости» и пытаются изгнать его наказанием. Это сродни вере в одержимость, которую должен изгнать шаман.

Притворяться, будто дети «одержимы злом» и что наказание это зло изгоняет — значит жить в плену примитивного суеверия.

Воображаемые ответы мешают задавать настоящие вопросы. Вера в Бога Огня тормозит развитие геологии и порождает жреческие культы, карающие сомневающихся.

Ложные объяснения порождают насилие и мешают моральному и интеллектуальному прогрессу.

Так почему же твой сын разрушил башню из кубиков?

Если не верить в «плохость», можно начать искать настоящие причины. Отказавшись от мифа о Боге Огня, ты начинаешь понимать природу вулканов. Так и с детьми: отвергнув «плохость», ты сможешь разобраться в их поступках конструктивно.

Вера в то, что дождь вызывает ритуал, а не ирригация, — путь к голоду. Тот, кто ставит под сомнение власть шамана, рискует быть обвинённым, подвергнутым пыткам или казнённым — что лишь укрепляет опасную веру.

Скептицизм по отношению к мифическим «демонам плохости» — вызов насильственному мистицизму, глубоко укоренённому в обществе. Этот мистицизм питается насилием над детьми, а её критиков тут же объявляют еретиками и злодеями — будь то в семье или в обществе.

Бросая вызов этим иррациональным верованиям, ты стремишься свергнуть антирациональную мистику. Это опасно — те, кто оправдывает насилие над детьми, могут напасть, в том числе твои

родные. Но отказаться от этих вредных мифов — жизненно важно для подлинного понимания и прогресса.

Агрессия между братьями и сестрами. Часть 2

Как всегда, единственный демон — это вера в демона. Подлинное зло — это наказание детей за их мнимую «плохость».

Если убрать демонов, «экзорцисты» окажутся теми, кто и творит зло. Они и выдумали демонов, чтобы иметь повод наказывать детей. Именно они — настоящие демоны.

Почему твой сын разрушает то, что построила твоя дочь? Это не имеет ничего общего с его мифической «плохостью». Правильный ответ: *ты не знаешь*.

Начало мудрости — называть вещи своими именами. Честный ответ таков: *мы не знаем*.

Ты не знаешь, *почему* сын разрушил башню. Если ты его накажешь — ты никогда и не узнаешь. Притворяясь, будто знаешь, ты мешаешь выяснить истину.

Ты наказываешь сына, потому что не *хочешь* знать правду.

А правда в том, что виноват *ты*.

Ты злишься на него — и наказываешь. Он злится на сестру — и наказывает её. Он просто повторяет твою модель поведения.

Есть много возможных причин, почему он разрушил её башню. Может, она — новенькая в семье, а ему не хватает внимания. Стоит ли его за это наказывать?

Может, он видел, как другие дети ведут себя агрессивно, и повторяет. И это всё ещё твоя ответственность. Ты решаешь, с кем ему общаться. Если он в среде, где агрессию поощряют — это твой выбор.

Может, сестра порвала его любимую книгу, и он отомстил. Может, именно *она* начала. Может, ему физически плохо. Может, он скучает по отцу. Может, он впервые осознал смерть и переживает кризис. Может, с

ним был кто-то из родных, кто тайно агрессивен. Может, его учитель ведёт себя грубо.

Если ты «изгоняешь демона» наказанием, ты никогда не узнаешь правду! А ты и не хочешь — потому что *отвечаешь за всё, что происходит*.

Ты не хочешь брать на себя ответственность за среду, в которой растут дети, и за плохой пример, который подаёшь. Ты не хочешь противостоять агрессивным людям в жизни сына. Не хочешь учить его дома, сменить церковь или поговорить с твоим жестоким отцом.

Ты не хочешь ответственности. Не хочешь конфликтов. Не хочешь смотреть в зеркало. Тебе проще обвинить и наказать *его*.

Я понимаю. Это знакомо каждому. Проще свалить свою плохую модель поведения на мифического демона под названием «плохой ребёнок».

Или он плохой, или ты. Но ты сильнее, правда? Ты можешь схватить его — он не может схватить тебя. Наказав его, ты освобождаешь себя от необходимости что-либо менять.

Ужас в том, что ты наказываешь его за недостаток добродетели — но твоё наказание это *твой* недостаток добродетели! Ты караешь его за безответственность, чтобы избежать собственной ответственности. Ты называешь *его* нарушителем — хотя нарушитель *ты*!

Ты знаешь это. Все знают. Ты наказываешь вместо того, чтобы задать вопрос, потому что знаешь — ответы выставят тебя в плохом свете.

Ты это знаешь.

И твой сын это знает.

Ты помнишь свою злость и отчаяние, когда тебя наказывали взрослые, не задав ни одного вопроса. Тебе говорили: «Используй слова, а не силу» — а тебя силой наказывали и не позволяли говорить.

Мы наказываем детей, чтобы они молчали. А они *прекрасно* видят, насколько сломаны наши семьи, школы, общество — и мы сами.

Когда человек критикует диктатора — его наказывают, потому что диктатор не выносит критику. Человек наказан за свою силу — и за

слабость диктатора.

Твой сын рушит башню — он пытается что-то сказать. Он хочет спасти себя, тебя, семью — а в перспективе и всё *общество*.

Он открывает разговор, способный изменить жизнь. Но ты боишься того, что он скажет. Ты не можешь наказывать без повода, поэтому выдумываешь, будто он плохой и подлежит наказанию. А ты — лишь справедливый родитель, который помогает ему, спасает его и исправляет!

Так и продолжается цикл. А мир катится всё дальше в ад.

Подчинение и подростковый возраст. Часть 1

Большинство современных родителей проходят со своими детьми через четыре чёткие стадии.

Первая — младенчество, когда родители полностью подчиняются потребностям новорождённого и не ожидают от него никакого послушания.

Затем наступает ранний возраст — пресловутые «ужасные два года», время воли и борьбы. Родители начинают вводить дисциплину и ожидания, стараясь обуздать мятежный дух ребенка. Малыши часто противятся родителям. В отличие от младенцев, они могут поставить родителей в неловкое положение, от них требуют делиться, их считают нуждающимися в «приручении».

Это «одомашнивание» сопровождается плачем, криками, руганью, шлепками и наказаниями — и длится два-три года, пока не наступает латентный период, примерно с 5 до 11–12 лет. В это время школьная система окончательно подавляет волю ребёнка жёсткими режимами. Воля ребёнка уходит в подполье и ждёт, когда её снова пробудит пубертат. Родители ошибочно полагают, что «цивилизовали» своих детей.

Когда начинается половое созревание, подавленный бунт возвращается в виде сарказма, гнева и непослушания. Подростки начинают вести себя вызывающе, пробуют алкоголь, наркотики, вступают в половые связи,

вносят хаос в семью. Они становятся физически сильнее, и подчинить их уже невозможно прежними методами давления.

В подростковом возрасте дети переключаются со взрослых авторитетов — учителей, священников, родителей — на сверстников, стремясь к будущей паре. Подростки ищут одобрения у равных, а не у взрослых, зная, что будущий партнёр придёт из их круга. Поэтому они хотят быть с ровесниками, а не с родителями — и это естественно.

Но такой фокус на сверстниках проблематичен, потому что большинство родителей избегали рассуждений с детьми или использовали «рассуждения», подкреплённые угрозами. Дети учатся подчинению через страх, а не через подлинные моральные стандарты. Внешние угрозы не прививают добродетели — они учат лишь избегать наказания. Подчинение грабителю не делает из тебя милосердного человека.

Угрозы и наказания — это отрицательная экономика, а не положительная мораль. Дети делают домашние задания не из любви к знаниям, а чтобы избежать наказания. Родители и учителя заставляют ребёнка подчиняться — а затем жалуются, что он поддаётся «давлению сверстников».

Если ты объезжаешь лошадь насилием, ты можешь передать её другому, кто будет ездить на ней без труда. Точно так же, подавляя детей угрозами, вы делаете их податливыми к давлению сверстников. Сверстники лишь активизируют поведение, заложенное родителями.

Родители не задумываясь переносят на подростков ту же агрессию, что применяли к детям в раннем детстве, и удивляются, почему она больше не работает. Но подростки — это уже не малыши. Отправка ребёнка в школу лишь ради «как у всех» — это подчинение родителями «давлению сверстников».

Подчинение и подростковый возраст. Часть 2

Родители, которые бьют своих детей, подчиняются вредным социальным нормам — а потом жалуются, что и дети делают то же самое!

Ты сделал обрезание сыну? Это не нужно с медицинской точки зрения, причиняет малышу травму и снижает сексуальную чувствительность на всю жизнь. «Ну, так принято!» — говоришь ты. Ты внедряешь давление среды через телесное увечье — и после этого жалуешься, что сын поддаётся давлению сверстников?

Издеваясь над детьми, ты учишь их подчиняться тем, у кого больше власти. В детстве — это родители. В подростковом возрасте — *сверстники*. Наши гены ставят принятие в группе выше одобрения взрослых — ради будущего размножения.

Агрессивные родители внушают детям только одно: «Повинуйся сильнейшему». Сначала это родители, потом сверстники. Насилие над малышами толкает подростков в объятия их группы.

Родители, практикующие ненасильственное воспитание, ведут за собой с помощью разума и эмпатии. Власть — это суеверие, разум — это наука. Суеверие придаёт силу слепым внешним силам, разум — изучает их, понимает и управляет с помощью знания. Чтобы управлять природой, нужно подчиниться её законам. Чтобы управлять собой — нужно подчиняться разуму.

Наказание заменяет разум и эмпатию на бунт и конформизм. Дети учатся страху, а не справедливости; боли и подчинению, а не сочувствию. Они связывают мораль с болью — и искажают оба понятия.

Можно ли любить того, кто причиняет тебе боль? Обучая морали через страдание, мы прививаем детям страх перед самой моралью. Обучая подчинению агрессору, мы воспитываем либо будущих агрессоров, либо жертв.

Почему мы делаем это с нашими детьми?

Это ведь очевидные вещи, правда?

Когда я произношу вслух эти простые истины — разве не становится неловко от того, что никто не говорил этого раньше?

Чем, чёрт возьми, занимались философы последние 3000 лет?

Общество полно моралистов, рассуждающих о терпимости, эмпатии, плюрализме, чуткости и открытости — но при этом оно удивительным образом игнорирует детство. Философы заняты абстракциями и не замечают очевидного — защиты детей.

Наше общество *зиждется* на жестоком обращении с детьми. Измени детство — и изменится всё. А это как раз то, чему противятся сильные мира сего. Но любое подлинное улучшение вызывает гнев у зла. Отмена рабства, освобождение женщин, спасение узников лагерей — всё это злило тех, кто был у власти.

Прогресс требует противостояния злу. Альтернатива — остаться на стороне зла.

Ненасильственное воспитание: убери свою комнату!

Родители, практикующие ненасильственное воспитание, спрашивают: как заставить ребёнка убирать комнату?

Я тоже не люблю беспорядок. Итак — каков ответ?

В ненасильственном воспитании все конфликты решаются по одной схеме.

Сначала спроси себя: *а почему это важно?*

Разве это не ключевой вопрос?

Зачем ты хочешь, чтобы у ребёнка была убрана комната?

Родители часто навязывают правила и требуют подчинения — что в итоге выливается в бесконечную войну... *из-за чего?*

Да, ответственность и аккуратность — важные навыки. Но насколько жизненно необходима именно эта битва?

Рассмотрим типичную ситуацию.

Мама хочет, чтобы сын убирался в своей комнате.

Сначала она убирает сама. Со временем сын хочет уединения и просит её не заходить. Мама соглашается — но требует, чтобы он сам поддерживал порядок. Он не делает этого, она заходит и убирает — он

чувствует, что её вторжение нарушает границы. Конфликт нарастает. Ни один из них не получает желаемого. Начинаются бесконечные, бесполезные ссоры.

Мама боится потерять авторитет, если уступит. А сын чувствует, что на него давят. Оба всё сильнее упираются в свои позиции, создавая почву для будущих эскалаций.

Знакомо?

Так происходит во множестве семей.

Что же делать?

Мама хочет чистую комнату. Сын — уединения и свободы от указаний.

А вот главное: *не лги своему ребёнку!*

Что я имею в виду?

А то, что чаще всего мама *лжёт* о причинах своей тревоги из-за беспорядка.

Её раздражает не столько комната, сколько собственное беспокойство, стремление к контролю, нерешённые внутренние конфликты, страх перед осуждением и общее чувство бессилия в жизни.

Речь идёт не о порядке, не о вторжении, не о чистоте и не о приватности!

Если мама чувствует тревогу, бессилие, раздражение или злость из-за комнаты, она должна честно поговорить с сыном о своих чувствах. Но не делает этого. Почему?

Две причины:

1. Ей проще прибегнуть к агрессии, чем просить о помощи с уязвимой позиции. Просьба — не даёт власти, а сын может отказать — и станет видно, насколько ему плевать на её чувства.
2. Невозможно логически обосновать требование убирать комнату только потому, что она чувствует себя плохо, когда там беспорядок.

Почему?

Потому что нас не учили философии!

Ведь если мы требуем, чтобы другой вёл себя так, чтобы нам стало лучше — то это универсальный принцип. Значит, и сын может сказать: «Я хочу, чтобы ты перестала просить — мне плохо, когда ты это делаешь».

Видишь?

Очень трудно честно попросить другого изменить поведение ради *твоих* эмоций.

Куда проще изобразить всё как вопрос морали — о «заботе об общем пространстве», *самоуважении, почтении к матери, правильном поступке*. Проще схватить моральную дубину и разбить ею волю ребёнка, чем попросить об одолжении — которое ещё и может быть отклонено.

Вот и выходит, что спор вовсе не о чистоте, а о невыраженных чувствах и злоупотреблении властью. Честный разговор о подлинных эмоциях разрушит этот замкнутый круг. Цель — взаимное уважение и понимание, а не контроль, скрытый под маской морали.

Почему это важно?

Дети невероятно чутко улавливают лицемерие родителей.

Если мать навешивает на сына моральную риторику по поводу порядка в комнате, вместо того чтобы честно признаться в своей тревоге, он будет сопротивляться.

У неё нет авторитета — потому что она нечестна в своих требованиях.

Если она ждёт, что сын будет управлять её эмоциями, подчиняясь, он утратит к ней уважение — особенно как мужчина, для которого это неестественно.

Её дочь может перенять эту модель и в отношениях также требовать от других изменить поведение ради её эмоционального комфорта.

Если сын должен менять поведение ради эмоций матери — и она при этом врёт — он обрекает себя на жизнь в рабстве у женщин, если

подчинится.

Женщины, как правило, не тянутся к покорным мужчинам, так что это вредит его будущим отношениям.

Что ты выберешь: чтобы сын убирался в комнате в подростковом возрасте или чтобы у него была счастливая семья и хорошая жена?

Мальчик, подчиняющийся эмоциональному давлению, не сможет быть хорошим мужем или отцом.

А девочка, воспроизводящая это давление, не сможет быть хорошей женой или матерью.

Подросток, подчиняющийся матери, снижает уровень качества женщин, которых он сможет привлечь. Он становится покорным, угодливым — а это непривлекательно для уверенных в себе женщин.

Мать, требующая подчинения от сына, подрывает его шансы на крепкий и достойный брак.

Сын сопротивляется матери — потому что борется за своё будущее счастье и выживание.

В прошлом те сыновья, кто подчинялся матери, либо не оставляли потомства, либо женились на доминантных женщинах низкого качества — с катастрофическими последствиями.

Вот почему он так яростно сопротивляется.

А что мать?

Почему она так упорно пытается подчинить сына?

Женщина средних лет, привыкшая подавлять других ради своего эмоционального спокойствия, не ограничивается сыном.

О, нет!

Если она замужем, её *муж*, скорее всего, давно уже поддался её манипуляциям и давлению.

Что произойдёт, если сын успешно противостоит её давлению?

К сорока или пятидесяти годам эмоциональные привычки женщины становятся основой её взаимодействия с окружающими — за исключением, может быть, её родителей.

Её отношения держатся на том, что окружающие управляют *её* эмоциями. Если ей плохо — значит, кто-то подвёл её, и она имеет право быть агрессивной.

Если ей *плохо* — значит, другие *плохие*.

Если кто-то отказывается «починить» её настроение — он жестокий и эгоистичный, и его надо наказывать, чтобы он подчинился её эмоциональным требованиям.

Если сын сумеет противостоять её давлению, это может повлиять и на других её детей, и на мужа, и даже на семьи подруг.

Уже не так весело, когда ружьё оказывается у кролика, правда?

Сын сопротивляется — чтобы не оказаться в одиночестве или несчастном браке. А мать боится, что его бунт обнажит её слабость и агрессию.

Представь, если он всё-таки устоит — и женится на здоровой, уверенной женщине, которая не потерпит манипуляций со стороны его матери...

Ай!

Как ненасильственное воспитание решает это?

Как сказал Сократ: познай самого себя.

Если ты мать — по-настоящему пойми, *почему* ты хочешь, чтобы сын убирался в комнату.

Справедливо ли это требование?

Родители часто полагают, что их требования — законны, а сопротивление детей — нет.

Но откуда уверенность?

Вопрос о добре, справедливости и правоте — древний и сложный.

Мы ценим принцип: невиновен, пока не доказано обратное.

Если ребёнок с чем-то не согласен — считай, что он прав.

Спроси его, *почему* он не согласен — и искренне выслушай.

Возможно, у него веские аргументы.

Слушать без осуждения, напряжения и гнева — это дар. Для ребёнка — и для любого человека.

Детей надо слушать. Да и всех нас тоже!

Не думай, что ты всегда права. Имей смирение признать, что можешь ошибаться — по двум причинам: ты и правда можешь ошибаться, и ты хочешь показать ребёнку пример смирения.

Не жди от детей смирения, если сама демонстрируешь лишь высокомерие!

Что подводит нас к следующему вопросу...

Показываю ли я тот пример, которому хочу научить ребёнка?

Это может быть непросто!

Много лет назад мой знакомый жил с женщиной, которая постоянно пилила его за беспорядок. После расставания он узнал, что она сама живёт как в свинарнике. Оказалось, ей не важна была чистота — ей просто нравилось командовать.

Хочешь, чтобы у детей был порядок? А у тебя *самой* порядок?

Хочешь, чтобы сын убирал в комнате? А твоя *машина* чистая?

Хочешь, чтобы он тебя слушал? А ты слушаешь его?

Хочешь, чтобы он контролировал свои эмоции? А ты свои контролируешь?

Если ты требуешь послушания, потому что ты его мать — видел ли твой сын хоть раз, как ты не слушаешь свою мать? Как ты закатываешь

глаза, когда она звонит, или как ты лжёшь ей, чтобы избежать встречи, или как ты становишься резкой и раздражительной с ней?

Показываешь ли ты тот пример, которого хочешь от него? Быть просто «неплохой» — недостаточно. Ты ведь не стала бы брать советы по здоровью у курящего толстяка. Ты ищешь примеры у здоровых и подтянутых.

Если ты утверждаешь, что порядок экономит время — можешь ли ты легко находить свои вещи? Сможешь ли ты опровергнуть его аргумент, что 15 минут на поиски лучше, чем 2 часа уборки в неделю?

Хочешь, чтобы *он* признавал ошибки — а ты свои признаёшь?

Если ты говоришь, что ему будет лучше в убранной комнате, а он отвечает, что ему нравится беспорядок, — что ты скажешь?

Если ты отмахнёшься от его возражения, он с абсолютной подростковой уверенностью поймёт, что ты просто выдумываешь причины, по которым он должен тебе подчиняться, и вовсе не раскрываешь настоящую причину своего приказа.

Он точно знает, что ты ему лжёшь.

Зачем ему слушаться того, кто ему лжёт?

Если *ты* сама живёшь в порядке, вовлекаешь его в процесс, годами показываешь, как удобно находить вещи — и просишь о помощи, а не читаешь нравоучения — ты практикуешь ненасильственное воспитание.

Требуя подчинения без объяснений, ты просто воспитываешь раба.

Ты хочешь, чтобы дети следовали здравому смыслу, добродетели и совести — а не лицемерным приказам.

Не ломай своих детей! Принуждение разрушает дух, калечит волю, подрывает целостность и губит будущие отношения.

Поблаговари его за то, что он сопротивляется. Вспомни, как твой малыш когда-то боролся за то, чтобы ты сменила ему подгузник, а не укладывала спать? Часто дети борются, чтобы *помочь* тебе — а не просто *спорить* с тобой.

Ты хочешь, чтобы сын построил крепкий брак и нашёл достойную женщину, верно? Ломая его волю — ты губишь эти шансы. Покорный мальчик вырастет в слабого мужчину, не способного отстаивать свою истину.

Тебя ведь не привлекают слабые и сломленные мужчины? Тебе по душе мужчины с внутренним стержнем.

Да, сейчас это может раздражать. Но в долгосрочной перспективе — это лучшее решение.

Согласна? Уверен, что да!

Не делай его непривлекательным, ломая его волю. Сохрани его силу — и он выберет сильную, достойную женщину. У тебя появится хорошая невестка, внуки, крепкая поддержка в старости. И всё это — бесконечно ценнее, чем убранная комната в 13 лет. Правда ведь?

Ещё бы!

Ненасильственное воспитание и давление сверстников. Часть 1

Теперь, когда вы понимаете, что такое ненасильственное воспитание, ответьте на вопрос: как вы можете уберечь своих детей от травли?

Во-первых — не травмируйте их сами.

Во-вторых — не позволяйте *себя* травмировать.

Лучшее противоядие от травли — это открытость и доверие в общении. Хулиганы выбирают тех детей, которые не имеют надёжной психологической и эмоциональной поддержки от родителей. Без такой поддержки ребёнок беззащитен.

Хулиганы боятся позора. Ребёнка, за которым стоит крепкая и открытая связь с родителями, не тронут — именно эта связь и есть его защита.

Если ребёнок не может прийти к вам со своей бедой, проблема будет только нарастать. Родительский гнев или паника лишь отталкивают

ребёнка. Деструктивные отцы злятся, слабые матери впадают в растерянность.

Современное общество только облегчает жизнь хулиганам. Учителя избегают разбирательств, чтобы не связываться. Если Джо задирает Бобби, учитель скорее скажет Бобби держаться от него подальше, чем вступится за него. Ссориться с родителями Джо — риск, на который никто не хочет идти.

Бобби остаётся один, если только его не защитят родители. Это учит детей, что власть наказывает, но не защищает — подрывая основу гражданской морали. Вся легитимность власти зиждется на её способности служить и защищать детей. Если учителя, директора и родители не могут остановить травлю — у них нет моральной силы и авторитета.

Государственные школы способствуют травле, потому что никто не хочет связываться с хулиганами или их родителями. Исключить агрессивного ученика почти невозможно. А родители, уже платящие налоги на госшколы, зачастую не могут позволить себе частную. Домашнее обучение — вариант, если оно разрешено законом, но для него один из родителей — чаще всего мать — должен остаться дома.

Мамы, которые с самого раннего возраста работают, теряют тесную связь с детьми и внутренне отторгают мысль о домашнем обучении. Но если вы выбрали работу вместо воспитания — будьте готовы к последствиям.

Если ваш ребёнок чувствует себя одиноким, его травят, он страдает в школе — а мама предпочитает работать, он ясно понимает: её работа важнее его безопасности и счастья.

Женщины, отдающие детей в ясли и садики, на самом деле зарабатывают немного — после вычета всех расходов. И дети вырастают с чётким пониманием: мама предпочла несколько лишних долларов тому, чтобы быть с ними.

Я сам проработал в детском саду много лет — я знаю, о чём говорю.

Если вы отдаёте ребёнка в садик — примите последствия:

1. Ваш ребёнок для вас менее важен, чем работа, дорога до неё и пара лишних долларов в час.
2. Вы предпочитаете, чтобы ваших детей воспитывали малоквалифицированные чужие люди.
3. Вы решили завести детей, но не хотите их воспитывать.
4. Вы постоянно живёте в стрессе: пробки, садик, ужин, укладывание спать.
5. Выходные тоже в стрессе: уборка, магазин, счета, налоги, встречи.
6. Утро — сплошная суeta и спешка, чтобы не опоздать в садик.
7. Чувства и желания ребёнка не имеют значения: он предпочёл бы остаться дома со счастливой мамой.
8. Вы заставляете ребёнка ходить в садик, не получая ни экономической выгоды, ни удовольствия.
9. Ребёнок не привязывается и не доверяет воспитателям, которые часто меняются.
10. Если ребёнок жалуется или просит что-то изменить — его игнорируют, отчитывают, ругают и снова отправляют в садик.

Ненасильственное воспитание и давление сверстников. Часть 2

Странно полагать, что незнакомец — часто иностранец с ограниченным знанием языка — может быть равен родной матери в деле воспитания ребёнка.

Представьте: у вас десятая годовщина свадьбы. Ваша жена готовится весь день, приходит в ресторан. А вы звоните ей: «Мне нужно задержаться на работе, но я позвонил в агентство временного персонала. Они посылают к тебе Мануэля. Он немного говорит по-английски и голоден. Возможно, у него непереносимость лактозы — уточни у него. Он садовник, ещё не успел помыться, но, думаю, всё будет в порядке!»

Ваша жена будет в бешенстве: «Что значит — ты прислал незнакомца на наш вечер? Я хочу своего *мужа*, а не какого-то Мануэля!»

«Но ты же сама отдаёшь наших детей в садик и говоришь, что чужие люди ничем не хуже семьи. Не будь эгоисткой — проведи приятный вечер с Мануэлем!»

Жена никогда не примет чужака вместо вас в день годовщины — но сама каждый день оставляет детей с чужими людьми. Получается, чужие люди — равноценны семье, но только пока это удобно ей. Это невозможно понять.

Дети работающих матерей видят, как мама подчиняется начальнику, но ссорится с отцом. Она кричит на мужа — и тут звонит шеф, и мама уже покорна. С чужими людьми она вежлива, а с отцом — груба.

Когда муж просит её подчиниться мужскому авторитету — она протестует. А перед начальником-мужчиной — послушна. Дети делают вывод: власть — у тех, кто вне семьи. У мужчины в доме её нет.

Удачи вам в попытке привить сыну желание жениться — или дочери уважение к будущему мужу.

Если вы жертвуете благополучием детей ради привычек и своего эго — будьте готовы жить с последствиями.

Хорошие люди отвечают на добро добром. Если вы одалживали другу деньги в период достатка — он сделает то же, когда вы окажетесь в нужде. Вы делаете добро — вам его возвращают.

Если дети знают, что они — приоритет, они будут уважать вас, любить и восхищаться вашей честностью. Родители *заявляют*, что готовы на всё ради детей — а потом отдают их чужим, игнорируют их чувства и приносят их счастье в жертву паре купюр и общественному одобрению.

«Не поддавайся давлению сверстников!» — говорит мать, которая сдаёт ребёнка в садик, лишь бы избежать клейма «домохозяйки».

Отец учит детей уважать авторитет — но сам пренебрегает их чувствами, чтобы похвастаться тем, как «его жена работает».

Хотите, чтобы ваших детей не травили? Тогда и сами не поддавайтесь травле — особенно если она идёт за счёт ваших детей.

Семья и травля. Часть 1

Родители хотят, чтобы дети их уважали — ведь уважение делает переговоры эффективными и продуктивными. Без уважения переговоры не просто бесполезны — они вредны.

Представьте, что вы пытаетесь договориться о возврате долга с безнадёжным родственником, который никогда ничего не возвращает. Или обсуждаете оплату с доктором, который, как вы узнали, всего лишь торгует таблетками от фармкомпаний. Такие «переговоры» лишены смысла.

Переговоры обречены на провал, если нет взаимного уважения или ценности в обмене.

Если вы позволяете себя травить — особенно на глазах у детей — вы теряете в их глазах авторитет. А значит, они либо сами станут жертвами, либо начнут травить других. Если свекровь открыто унижает вас, и дети это видят, то они вряд ли всерьёз воспримут ваши слова о гордости и достоинстве.

Дети чрезвычайно чувствительны к настроениям родителей — это важный эволюционный механизм выживания. Даже если вы говорите с токсичным родственником в другой комнате, по возвращении дети почувствуют перемену в вашем настроении.

Пуская в свою жизнь сложных людей, вы делаете её сложной. Потворствуя им, вы лишаетесь уважения со стороны собственных детей. Многие родители поднимают руку на ребёнка именно потому, что ведут себя лицемерно и чувствуют, как теряют к себе уважение.

Представьте толстяка, который выпускает книгу о похудении. Или заядлого курильщика, ведущего семинар по отказу от сигарет. Это вызывает только усмешку. Каким бы ни был их совет, авторитет они уже утратили. Вы бы заплатили за такой семинар?

Чтобы «продавать» что-то, вы должны это воплощать. Хотите говорить о спорте — будьте в форме. Хотите обучать финансовому успеху — не будьте банкротом. В воспитании об этом часто забывают — ведь дети не могут «уйти».

Лидеры социалистических государств, управляющие экономикой, проявляют лицемерие без последствий — как и госагентства-монополисты, которые якобы «обслуживают» граждан, не испытывая нужды в эффективности. Для родителя честность не обязательна — ведь ребёнок не может сбежать.

Однако общество внушает детям идею, что они якобы обязаны родителям до конца жизни — вне зависимости от того, как с ними обращались. Эта потребность в индоктринации — прямое доказательство лицемерия и склонности родителей к психологическому насилию.

Людей не нужно уговаривать в пользу того, что и так желанно — сладостей, денег, отпуска. Сложности жизни часто происходят из детства, полного боли и лицемерия.

Семья и травля. Часть 2

Общество внушает женам — даже матерям — что они вправе уйти от мужей, если им стало скучно или что-то не устраивает. Но если вы годами оскорбляли своих детей, то эти дети должны до конца жизни быть вам благодарны. Почему?

Если общество хочет последовательности, пусть тогда запрещает разводы и увольнения. Но нет, мы не можем так — а вдруг муж окажется абыюзером, фирма — коррумпированной, а работа — невыносимой?

Значит, то, что ты выбрал, можно разорвать. А то, что ты *никогда* не выбирал, — нет?

Иммиграция считается благом: ведь страну рождения человек не выбирает, значит, уходить из неё можно. Но покинуть семью, в которую ты никогда не просился, — это уже «плохо». Бессмыслица!

У нас нет добродетели, последовательности и моральных норм — есть только сила, эксплуатация и бесконечные оправдания в защиту сильных и в осуждение слабых. Родителей защищают, детей обвиняют.

Хватит!

Чтобы дети вас уважали — будьте цельной личностью. Не поддавайтесь давлению извне, если хотите, чтобы и дети ему не поддавались. Принимайте мудрые решения, если хотите, чтобы дети тоже их принимали. Заботьтесь о них — и они будут заботиться о вас в старости. Уважайте их потребности, если хотите, чтобы они уважали ваши желания. Не оставляйте их на годы с чужими людьми, если хотите, чтобы они вас ценили. Разговаривайте с ними, а не манипулируйте, не угрожайте, не принуждайте.

Это же так *просто!*

Я не учу новым ценностям и не продвигаю радикальную философию. Я просто призываю жить в соответствии с теми ценностями, которые мы якобы исповедуем и навязываем своим детям. Если вы сами этим не живёте, дети впитают ваше лицемерие. Они усвоят, что слова расходятся с делом, что честность — фикция, а моралисты осуждают других, оправдывая себя.

Жизнь становится проще, если быть последовательным.

Формула Эйнштейна $E=MC^2$ дала нам власть над материей и энергией. Понимание гравитации позволило осмыслить устройство Вселенной. Последовательность — это добродетель и безопасность.

Представьте, что каждый раз нужно учиться бояться огня заново. Что вы верите, будто каждый лев — ласковый. Что коммунистка будет замечательной девушкой. Что голод пройдёт сам.

Мы бы не выжили!

Живите в соответствии со своими убеждениями — не меняйте их и не отступайте ради удобства.

Как моральный философ, я иногда делаю радикальные выводы.

Но ненасильственное воспитание — не из их числа.

Разговаривать с ребёнком лучше, чем бить его. Нельзя преподавать язык, на котором сам не говоришь. Дети учатся, наблюдая. Мы должны показывать добродетель на деле. Уходить из абьюзивных отношений — правильно. Что посеешь, то и пожнёшь. Мир лучше насилия. Бить слабого и беззащитного — низость и трусость.

Мы заявляем, что хотим лучшего для своих детей — и делаем прямо противоположное.

Хватит с нас этого.

А что если завтра вы извинитесь перед своими детьми, возместите причинённый вред и пообещаете больше никогда их не обижать?

Сделайте это во *всех* отношениях — но особенно с детьми, ведь они не могут вас покинуть. Просите прощения в первую очередь у тех, кому вы причинили больше всего боли — и у кого меньше всего было выбора.

Братья и сёстры

Братья и сёстры могут стать либо нашими величайшими союзниками, либо злейшими врагами.

Они соперничают за внимание и ресурсы родителей, воспринимая друг друга как конкурентов в условиях дефицита.

Но союз братьев и сестёр помогает добиться выдающихся успехов во взрослой жизни. Верные братья непобедимы в охоте и на войне, а любящие сёстры создают для своих детей безопасность и тепло.

Тем, кто у власти, выгодно, чтобы верность принадлежала им, а не семье — потому они разобщают братьев и сестёр с самого рождения.

Братья

Современное общество сталкивает братьев, разлучая их возрастной сегрегацией в школах и поощряя привязанность к сверстникам, а не к семье.

Старший брат стремится к признанию среди ровесников, и возникает ситуация "прилипалы": младший хочет быть рядом, а старший его отвергает, чтобы не упасть в глазах друзей. Так происходит и с сестрой.

Чтобы завоевать уважение сверстников, старший брат вынужден отвергать младшего. Так он теряет и брата, и уважение. А младший, обиженный тем, что его променяли на мимолётных одноклассников,

позже мстит — когда старший пытается восстановить связь, но уже не может честно извиниться.

Младший, научившись, что статус — это презрение к брату, отвергает старшего в ответ.

"Связаны недовольством" — так можно описать большинство современных братских отношений.

Сёстры

Взаимоотношения между сёстрами часто копируют модель "родитель — ребёнок". Если родители настаивают на авторитете по возрасту, это создаёт дисбаланс: старшая чувствует превосходство, младшая — неполноценность.

Старшая сестра привыкает к власти и начинает зависеть от чувства превосходства. Младшая в итоге осознаёт, что должна вырваться, чтобы обрести силу. Попытки сделать это часто встречаются враждебностью старшей сестры. Такая зависимость от незаслуженного превосходства ведёт к насилию и тирании.

Всё усугубляется, если старшая сестра красивее, выше ростом или умнее. Она может использовать вербальное унижение, внушая младшей комплексы и нелюбовь к себе — чтобы самой казаться привлекательнее. Такая "уверенность" часто производит ложное обаяние, но разрушает личность изнутри.

В результате такая сестра становится уязвимой для идеологий, которые заменяют ей подлинную ценность. Она может притягивать мужчин, но неспособна построить глубокие отношения. Не умея любить, она винит "патриархат", "капитализм" — кого угодно, только не себя. Эмпатия, необходимая для любви, приносится в жертву тщеславию.

Старшие должны учиться сопереживанию — ставить себя на место младших. Ведь многое из того, за что их хвалят, — просто удача. Истинная ценность — в добродетели, которую нужно заслужить, а не получить по наследству.

Нельзя считать себя выше других только за счёт случайных даров — внешности, интеллекта или порядка рождения. Подлинное величие — в том, что мы сами создаём. Старшие, которые гордятся своим положением, должны стремиться к подлинной добродетели — к тем заслугам, что рождаются в борьбе и служении истине.

Истинная ценность — это то, что мы *заработали*, а не получили даром. Поняв это, человек обретает смирение и сострадание — а значит, способность к любви. Ибо путь добродетели в мире, полном искушений, — высшее испытание. Если ты не сталкиваешься с сопротивлением — ты не растёшь. Если тебе не противостоят, ты не творишь добро. Злодеи радуются, когда ты притворяешься, что обладаешь ценностью, не заслужив её — так ты становишься одним из них!

Несение и воплощение добродетели в мире — это самый экстремальный вид спорта, известный человеку и Богу. И только тот, кто отверг случайную ценность и выбрал путь добродетели, способен по-настоящему жить и любить.

Потенциал братских уз. Часть 1

Братья и сёстры, ставшие союзниками, — это мощная сила добра.

Они сопровождают нас на всём жизненном пути.

Когда родителей не станет, только братья и сёстры будут помнить ваше детство и то, как оно вас сформировало.

Они хранят глубокие и точные знания о вас — бесценные для вашего будущего.

Истинная близость — это доверить другому свои сокровенные мысли и страхи.

Во взрослом возрасте мы сами решаем, что раскрывать о себе — а в детстве братья и сёстры видят всё.

Взрослые ожидают уединения, а между сиблингами его почти нет.

Братья и сёстры обладают врождённой властью, потому что были свидетелями вашего детства.

Научили ли родители использовать эту силу во благо — зависит от того, как они сами распоряжались властью над детьми.

Анонимные мнения не имеют веса — важны те, кто знает вас близко.

Те, кто по-настоящему вас знают, обладают огромной силой — и братья с сёстрами наследуют эту силу, часто злоупотребляя ею.

Если родители демонстрируют доминирование и агрессию, старшие сёстры и братья перенимают это поведение и направляют на младших.

Братья и сёстры говорят на том языке, который вложили в них родители.

Агрессивное воспитание разрушает братские и сестринские связи.

Жестокие родители не просто разобщают сиблингов — они делают из них смертельных врагов.

Потенциал братских уз. Часть 2

Я наблюдал эту ситуацию бесчисленное количество раз и много раз говорил ссорящимся братьям и сёстрам одну и ту же речь:

*Вы **обязаны** относиться друг к другу хорошо — по многим причинам. Прежде всего потому, что родители состарятся и уйдут, а вы останетесь единственными свидетелями своего общего детства. Брат или сестра — это единственный человек, способный разделить с вами весь путь жизни. Они видели, как вы росли, учились ходить, проходили через пубертат, получали образование, находили работу, женились, становились родителями. Это глубокое знание даёт вам возможность помогать друг другу так, как никто другой не сможет. Братья и сёстры — как опытные механики: могут починить вас, а могут и сломать. Жить рядом с тем, кто знает о вас всё — тяжело, особенно если этот человек не заботится о вас, ведь тогда он способен нанести колоссальный вред. Это как врач, который может либо вылечить, либо замучить, используя свои знания.*

Вы никогда больше не встретите никого, кто знал бы вас так же глубоко, как ваши сёстры и братья. Даже супруг, с которым вы прожили пятьдесят лет, не был свидетелем вашего детства. Братья и сёстры могут поднять вас на вершину или утащить в ад. Если вы обратите силу своего знания против друг друга, расплачиваться будете всю жизнь. Вы утратите доверие к другим — потому что не сможете доверять себе в том, как обращаетесь с душой другого человека. И будете повторять ошибки своих родителей.

Причинять друг другу боль — значит попасть в ловушку, расставленную взрослыми. Те, кто страдал с вами рядом, должны быть вашими естественными союзниками. Разделяй и властвуй — это стратегия тех, кто хочет контролировать нас: в семье, обществе, стране или мире.

Старшие: то, что вы родились первыми, не делает вас лучше. Вы этого не добивались. Те «лучшие друзья», ради которых вы отвернулись от брата или сестры, где они теперь? Они помогают вам с детьми, ухаживают, когда вы больны, поддерживают в трудных решениях? Помогают с престарелыми родителями? Скорее всего, нет. Вы, может, даже не знаете, где они живут. А если позвоните — они посмеются. Вы променяли кровное родство на чужих людей, чьи жизни давно пошли по другим путям. Разве это не жалко? Как можно доверять своему суждению, если вы допустили такую глупую ошибку — вопреки природе, истории и семье?

А теперь вы хотите власти над младшими братьями и сёстрами, просите об одолжениях, пытаетесь главенствовать. А они вам скажут: «Обратись к тем самым "друзьям", которых ты предпочёл нам!»

*Младшие, играющие в жертву: **а поступили бы вы иначе, окажись вы старшими?** Вы критикуете их за недостаток эмпатии, но пытались ли вы понять **их**? Они первыми испытали на себе ошибки родителей и давление общества, заставляющее предпочитать сверстников родным. Если вы никогда не имели такой власти — легко судить тех, кто её использовал. Гнев на старших — часть родительского плана: «Вы ссорьтесь между собой, пока мы остаёмся вне подозрений».*

*Вы жалуетесь, что их негатив повлиял на вас — а насколько сильнее родители повлияли на **них**? Нападая друг на друга, вы освобождаете от ответственности родителей, оставляя им власть. **Все** дети ошибались. Простите друг друга как дети — и возложите вину на взрослых.*

Родители — это ваше прошлое. Они больше не воспитывают вас. А братья и сёстры — это ваше настоящее и будущее. Жертвовать функциональным будущим ради дисфункционального прошлого — ужасная идея, которая будет стоить вам всем слишком дорого, если вы не изменитесь.

Расширенная семья и ненасильственное воспитание.

Часть 1

Если мы признаём, что изнасилование — это зло, разве имеет смысл наказывать женщину за самооборону от насильника?

Станем ли мы утверждать, что убийство — зло, но самооборона против убийцы — *ещё большее* зло?

Скажем ли мы, что кража — это плохо, но предотвратить кражу или наказать вора — тоже плохо?

Конечно же, нет!

Если какое-то действие признано злом, предотвращение или наказание за него не может также считаться злом.

Назвать что-то злом — значит по умолчанию защищать и оправдывать тех, кто этому злу противостоит.

Является ли избиение детей злом?

Да, по двум главным причинам.

Во-первых, дети беспомощны и годами находятся во власти своих обидчиков.

Во-вторых, избиение детей порождает взрослое зло: легитимизирует насилие, поощряет сильных к тирании над слабыми, разрушает

эмпатию и способность к привязанности.

Битьё детей порождает преступников.

Является ли словесное насилие над детьми злом?

Оно может быть даже хуже, чем физическое.

Самоощущение ребёнка формируется через язык родителей.

Вначале мы податливы, со временем твердеем; взрослому человеку измениться труднее.

Является ли пренебрежение детьми злом?

Пренебрежение может быть хуже, чем словесное или физическое насилие.

Дети воспринимают пренебрежение как экзистенциальную угрозу жизни.

Пренебрежение порождает тревожных взрослых, неспособных к полноценным отношениям.

Совершать преступления — это аморально.

Но быть *соучастником* преступления — тоже аморально.

Способствуя преступлению, вы становитесь таким же преступником.

Если вы позволяете обидчикам вредить вашим детям, вы виноваты не меньше самих обидчиков.

Родители несут полную ответственность, если допустили насилие над своими детьми.

Семейные узы не освобождают от закона.

Если ваш отец ведёт машину, помогая вам ограбить банк, он тоже получит срок.

Если вы покрываете брата-убийцу — вы соучастник, семья тут ни при чём.

Мораль выше родства и не даёт преступникам использовать семью как прикрытие.

Вы понимаете?

Конечно, *понимаете*, мой проницательный читатель!

Карманники работают парами: один толкает, другой крадёт кошелёк.

Оба совершают преступление, родственные узы значения не имеют.

Моральный закон служит *морали*, а не *семье*.

Подумайте о степени ответственности расширенной семьи, если в детстве вы подвергались насилию.

Тёти, дяди, бабушки, дедушки — выступали ли они против этого насилия?

Если бы они встали перед вашими родителями и потребовали, чтобы они обратились за помощью, смогли бы родители продолжить насилие?

Скорее всего, нет.

Расширенная семья, заявляющая, что «ничего не знала», часто теряет доверие.

Особенно бабушки и дедушки — ведь они вырастили тех самых родителей-обидчиков — вряд ли они ничего не подозревали.

Когда родственники не бросают вызов жестоким родителям, они становятся соучастниками.

Если бы ваша семья встала на защиту — против родителей, требуя помощи — насилие бы не продолжилось.

Расширенная семья и ненасильственное воспитание. Часть 2

Представьте, что бабушка с дедушкой подарили внукам злобную собаку, которую сами вырастили за десять лет. Когда та, как и следовало ожидать, укусила ребёнка, поверит ли кто-нибудь, если они скажут, что и представить не могли, на что она способна?

Ребёнок, подвергающийся насилию, проявляет это — в депрессии, тревожности, замкнутости, избегании. Неужели вся родня может

искренне заявить, что не заметила никаких перемен в поведении ребёнка?

Если вашу девушку жестоко изнасиловали на вечеринке — разве вы не заметите изменений в её поведении на следующий день? А если бы её просто избили или ограбили — неужели она осталась бы прежней, ни в чём не выдав пережитого?

Если ваша расширенная семья утверждает, что не знала о насилии, которое вы пережили, — значит, она не может заявлять, будто была вам близка, любила вас или заботилась о вас. Она игнорировала вашу личность, ваш опыт, ваше детство и то, как с вами обращались.

Взрослые прекрасно знают, насколько распространено насилие над детьми. Их моральный долг — поинтересоваться состоянием детей, особенно в собственной семье. Неведение — не оправдание. Ни в юридическом, ни в моральном смысле.

Когда вы были ребёнком, прощали ли вам, если вы забывали дату контрольной и проваливали её? Конечно нет! Вы сами были обязаны знать и готовиться. Точно так же ваша родня обязана была убедиться, что вы в безопасности и с вами всё в порядке.

Родственники, которые не задают вопросов о возможном насилии, поступают так сознательно — рассчитывая потом сослаться на незнание. Но если они сознательно избегали правды, они не имеют права оправдываться незнанием.

Это верх цинизма: общество наказывает детей за то, что они не знали нужной даты, но прощает взрослым нежелание видеть самое важное — зло, творимое над детьми. Бабушки и дедушки, вырастившие абьюзивных родителей, не хотят смотреть в лицо собственным ошибкам — и продолжают цикл насилия.

Если вы — родитель, вы *в полной мере* ответственны за то, чтобы ваши дети не подвергались насилию. Если какой-то псих на улице толкнул вашего ребёнка — вы должны вмешаться. Если его дразнят — вы обязаны защитить его. Если его пугают — вы должны устранить и физическую, и словесную угрозу. Если в школе его зомбируют идеологиями — вы обязаны вмешаться и избавить его от пропаганды.

Если вашему ребёнку скучно в школе — вы обязаны защитить его интерес к обучению, изменить или заменить учебную среду. Если ему угрожают психотропными препаратами — вы должны бороться. Если он рождается в экономическое рабство из-за государственного долга и необеспеченных обязательств — вы должны бороться за устойчивую политико-экономическую систему.

Если развод нанесёт вред вашим детям, как это часто бывает, вы обязаны найти способ наладить отношения с супругом — ради их безопасности и счастья.

Представьте себе мир, в котором действует одно простое правило: защищай детей! Мы бы не пихали их в ужасные школы, не продавали их будущее ради голосов избирателей, не пугали их апокалипсисами, не позволяли идеологам программировать их на подчинение власти.

Мир мог бы стать раем — если бы только мы были добры.

Расширенная семья

Если ваш отец груб с вашими детьми — *вы* причиняете им вред.

Он находится в их жизни только потому, что *вы* его тудапустили.

Если у вас есть агрессивная собака, и она кусает ваших детей — *это ваша вина*.

Если ваш отец унижает вас в присутствии ваших детей — вы наносите им вред. Даже если он делает это наедине, дети чувствуют ваше напряжение и подавленность.

Когда отец унижает вас, что видят ваши дети?

Они видят, что у него есть власть, а вы — подчиняетесь. Они видят, у кого сила. Они теряют уважение к вам. Они начинают считать вас слабым, а обидчика — сильным.

Дети тянутся к силе, а не к слабости. Увидев вашу покорность, они делают вывод: добродетель проигрывает агрессии, миром правят плохие люди.

Физрук ругал нас, когда кто-то насмехался над баскетбольным видео.

Нас учили, что незначительные дурные привычки ведут к нравственному краху.

Они были экспертами по мельчайшим признакам потенциального зла!

Но когда перед ними стояло настоящее зло, никто ничего не предпринимал.

Они были как ищейки, не способные унюхать разлагающееся тело у себя под ногами.

Я начал осознавать: общество — это сумасшедший дом, в котором старшие читают проповеди о добродетели, позволяя злодеям охотиться на детей.

В те же годы один мальчик выдернул шнур из приставки, в которую я играл, и я назвал его придурком.

Его старший брат потом гонялся за мной по школе, угрожая убить.

Однажды утром он ударил меня в плечо.

Я сказал ему, что не трогал его брата, но это было неважно.

Я помню, как сидел дома, играл на губной гармошке мелодию «Taps» и вспоминал, как восемнадцатилетний парень сказал мне: «Ты *труп!*»

Я даже не думал обратиться за помощью к учителю или взрослому.

Все взрослые знали об этих жестоких подростках — и ничего не делали.

Они либо не знали, либо им было всё равно, либо они знали, но не могли ничего изменить.

Морально чувствительных детей наказывали и читали им нотации — аморальных игнорировали и поощряли.

Наказывали только хороших — зло же росло безнаказанно.

Книги по диете дарили стройным — а толстякам накрывали шведский стол.

Я перестал верить в добродетель общества.

Меня не так огорчало, что общество не добродетельно, как то, что оно лживо.

Я больше уважал грабителя, чем своих учителей.

Грабитель не читает лекций — он просто берёт деньги.

Там есть насилие, но нет лицемерия.

Учителя и родители бесконечно твердили о добродетели — но только если ты был морально чувствительным.

Жестоких, агрессивных подростков игнорировали, позволяя им охотиться на младших — а потом этих жертв учили быть *сильными*.

Сначала я думал, что это мелкая проблема — но повзрослев, понял: об этом вообще невозможно говорить в обществе.

Если о чём-то не говорят, это либо не существует, либо присутствует повсюду.

О похищениях инопланетянами почти никто не говорит, но при упоминании никто и не напрягается.

С моральным лицемерием всё иначе.

Об этом не говорят — и все напрягаются, когда его упоминают.

Это величайшая тайна нашего общества.

Я не знаю, что бы произошло, если бы я тогда обратился к взрослому за помощью.

Может, этих подростков наказали бы — но скорее всего, нет.

Злодеи обучают невинных истинной природе общества.

Эти подростки били меня, потому что знали — последствий не будет.

Они были хулиганами уже десять лет.

Они знали, что общество не может их остановить.

Я столкнулся с этим впервые — а они были ветеранами.

Они хулиганили, потому что были уверены в безнаказанности.

Всё ведь просчитывается, верно?

У кого был больше опыт того, как общество обращается с хулиганами?

Кто исследовал — сначала робко, затем с уверенностью — как легко охотиться на детей, которых общество якобы защищает?

Забавная история — оказывается, общество врёт. Дети не защищены, их запирают с хулиганами на годы, как невиновных, брошенных в тюрьму!

То же общество восхищается солдатами и супергероями, борцами со злом — но само трусливо подчиняется подростковым хулиганам, поставляя им жертв.

Общество поучает хороших — и заодно потворствует плохим.

Учителя запугивают морализаторством, хулиганы — кулаками.

Морализаторство оставляет шрамы на всю жизнь; кулаки — на минуту.

Учителя, старшие, родители, священники — они ранили меня сильнее, чем кулаки.

Я думал, что учителя не смогли защитить меня от хулиганов — а потом понял, что *хулиганы пытались защитить меня от учителей*.

Они делали это неосознанно — но именно таков был результат.

Боль от хулиганов уберегает от большей боли.

Когда обжигашь руку, учишься избегать худших ожогов.

Хулиганы, разоблачая лицемерие старших, показывают: *общество* — настоящий хулиган.

Их нападки — это прививка от морального лицемерия.

Хулиганы говорят: «Те, кто якобы тебя защищает, служат *мне*, твоему мучителю! Я пробуждаю тебя к реальности — да, больно, но если бы ты поверил лжи своих “старших”, было бы куда хуже!»

Физическое насилие — ответ на лицемерную мораль.

Они хотели помочь — и, в каком-то смысле, *помогли мне*!

Я знал одного парня — он издевался над матерью-одиночкой и часто дрался.

Он погиб в мотоциклетной аварии в девятнадцать лет.

Он разрушал себя, и никто не заметил. Никому не было дела. Никто не верил, что его можно спасти.

Если его аморальность была неисправима, то зачем общество притворяется, будто может исправить аморальность?

Это всё равно что стыдить кого-то за старение — ведь старение остановить невозможно.

Есть книги о том, как похудеть, но нет книг о том, как повернуть время вспять, потому что время неподвластно контролю.

Если общество отворачивается от зла, потому что не может его исправить — тогда зачем вообще читать нотации?

Люди говорят о добродетели, чтобы почувствовать себя хорошими — но *быть* хорошим вовсе не приятно.

Как те “шампанские социалисты”, что любят бедных — но держатся от них подальше, — общество лишь делает вид, что стремится к добродетели.

Оно зависимо от ощущения добродетели — но избегает самой добродетели.

Чувствовать себя добродетельным — приятно. Быть добродетельным — часто тяжело. По крайней мере, сначала.

Желание *чувствовать* себя хорошо, а не *быть* хорошим — вот что даёт власть злодеям: стоит им пригрозить — и вы тут же отступаете.

Гедонизм толкает вас отказаться от добродетели при малейшем дискомфорте.

Добродетель требует усилий, как диета или спорт.

Для того, чего не хочется делать, нужна дисциплина.

Меня поучали насчёт дисциплины, домашней работы, усердия, пунктуальности, правильных поступков — всего того, чего я не хотел делать в детстве.

Меня учили добродетели в делах тяжёлых и неприятных — вроде занятий на скрипке или заучивания таблицы умножения — этим

занималось то же общество, что потакало хулиганам, потому что справиться с ними — трудно.

Это — величайшая чёрная комедия.

Однажды ты понимаешь: общество — это трущоба, населенная зависимыми от самодовольства, — и всё становится ясно, пусть и горько.

Ты начинаешь видеть — и это жжёт.

Ты предугадываешь события, которые не хочешь, чтобы сбылись.

Ты прав — и от этого тебе тяжело.

Ты точен — и от этого страдаешь.

Как сказано в Священном Писании: «Тот, кто умножает мудрость, умножает и скорбь».

Наркоманы врут и устраивают эмоциональный террор.

Если вы им не уступаете, они усиливают давление, пока вы не подчинитесь.

Они отрицают свою зависимость и яростно нападают на тех, кто говорит правду.

Они боятся ломки — и продолжают разрушать всё вокруг.

Мы окружены моральными лицемерами, дофаминовыми наркоманами, которые громко провозглашают добродетель — и тут же её предают.

Это — обман, афера, чудовищное предательство молодых.

Извинения перед детьми. Часть 1

Каждой душе, столкнувшейся с убедительным новым моральным аргументом, предстоит выбор:

Улучшить свою жизнь — или напасть на вестника?

Если бы я узнал завтра, что коровы обладают высоким интеллектом, мне было бы не по себе от мысли их есть. Однако я бы не стал осуждать

себя за прошлые поступки без веских доказательств — иначе стал бы параноиком, неспособным доверять своим суждениям.

Философия даёт уверенность через рассуждения и доказательства, а не всеведение. Всезнающему разуму не нужен был бы метод, чтобы отличать истину от лжи.

Если бы я публично заявлял, что коровы разумны и достойны прав, а втайне продолжал бы есть их мясо — и меня бы разоблачили, я бы наверняка набросился на разоблачителя. Неведение можно простить, но не откровенное лицемерие.

Врача из 18 века можно простить за то, что он не прописывал антибиотики. А вот врачу 21 века, не назначающему их и при этом заявляющему о преданности пациентам, прощения нет. Тот, кто стремится к добродетели, меняется с появлением новых знаний; лицемер — нападает на них.

Если вы хотите навестить друга, вы радуетесь, когда он дома. А если вы собираетесь его ограбить — огорчаетесь.

Что сделает мир с тем моральным знанием, что содержится в этой книге?

Многие воспримут его с благодарностью, избежав зла в виде террора против детей. Другие — придут в ярость, и причины тому очевидны. Кто-то захочет измениться, стыдясь прежних поступков, но не зная, с чего начать.

Если вы считаете, что причинили кому-то вред, первым шагом должно стать извинение.

Если вы публично обвинили сотрудника в краже, а видеозапись доказала его невиновность — вы обязаны извиниться.

Но что такое извинение на самом деле?

Цель извинения — восстановить доверие.

Если вы сломали руку — врач восстанавливает её подвижность. Если вы разрушили доверие — извинение восстанавливает его. Доверие измеримо, оно не ограничивается словами.

Авторитет — тоже вещь эмпирическая, а не просто словесная.

Хотите, чтобы люди худели — не будьте сами толстым. Хотите, чтобы другие качали пресс — сами имейте рельефный живот. Хотите пропагандировать хорошую кожу — пусть ваше лицо будет чистым. Хотите продвигать счастье — не будьте унылым и жалующимся человеком.

Софист поучает безо всяких доказательств своего успеха. Проще сказать: «Доверься мне, брат», чем заслужить доверие последовательным положительным поведением и измеримыми результатами.

В шоу «America's Got Talent» посредственные певцы злились на судью Саймона Кауэлла, утверждая, что поют лучше него. Но Кауэлл никогда не называл себя певцом — он называл себя хорошим оценщиком таланта, и его успех как наставника это доказал.

Печально, как часто успешных людей поучают неудачники. Тщеславие — один из величайших грехов...

Если вы обвинили сотрудницу в преступлении, а она оказалась невиновной — вы причинили ей серьёзный вред. Как это исправить?

Извинения — действия, направленные на восстановление доверия — включают три элемента:

1. Собственно извинение, признание своей вины в том же объёме и контексте, в каком было обвинение. Если ошибка была публичной, извинение тоже должно быть публичным.
2. Компенсация за причинённый вред. Если ваш сотрудник пострадал из-за ложного обвинения — предложите бонус в качестве компенсации. Компенсация должна быть реальной и осязаемой, как и причинённый вред. Ваш сотрудник потерял сон, душевное спокойствие, испытал тяжёлое волнение.
3. Измеримое обязательство не повторять ошибку. Если вы причинили вред вспышкой гнева — займитесь терапией или программой по управлению гневом. Если вы украли из-за зависимости от азартных игр — обратитесь за помощью к специалисту.

Эти шаги необходимы — но не всегда достаточны — для восстановления доверия.

Извинения перед детьми. Часть 2

Ваш сотрудник может уволиться после ложного обвинения, даже если вы сделаете всё правильно. Это её право. Доверие восстанавливается только после значительного достойного поведения.

В отношениях действует правило 7 к 1: на один плохой день нужно семь хороших, чтобы восстановить баланс. Понимание этого помогает не накапливать негатив, способный разрушить связь.

Одна тяжёлая неделя требует двух месяцев хорошего поведения; плохой год — семи лет. Плохой час можно исправить в тот же день, но плохое десятилетие — уже не исправить.

Это правило уравнивает крайности. Лёгкая раздражительность — не то же, что предательство; невнимание — не то же, что словесное насилие. Степень тяжести определяет, сколько времени потребуется для восстановления доверия.

Сколько времени нужно, чтобы жена снова начала доверять мужу после измены? Мимолётная эмоциональная связь — не то же, что тайная двойная жизнь длиной в десять лет. Поэтому и говорят: не ложитесь спать в ссоре — не накапливайте дефицит доверия.

Люди прекращают отношения, когда искупить вину уже невозможно — из-за её тяжести или продолжительности.

Что значит извиниться перед ребёнком, если вы причинили ему боль? Просите прощения без оправданий. Извинение с «но» обесценивает себя. «Прости, но ты сам меня довёл!» значит: «Ты виноват!» Оправдание — это обещание повторения.

Родительские оправдания передаются из поколения в поколение. Говоря: «Прости, что ударил тебя, но меня били в детстве», вы повторяете цикл насилия. Дети затем оправдывают избиение своих собственных детей, продолжая цикл из-за вашей гордыни и потребности в оправдании.

Вы не можете требовать от ребёнка не использовать оправданий, если сами ими пользуетесь. Если мальчик ударит девочку и скажет: «Я ударил её, потому что меня били», — примете ли вы это? Нет. А если скажет: «Она меня разозлила!»? Тоже нет. Так с какой стати вы сами прибегаете к этим же оправданиям?

Извинение не должно сопровождаться сносками и звёздочками.

Оправдание — это отказ от ответственности. «Я злился, потому что меня спровоцировали» — обещание, что вы разозлитесь снова. Если детям нельзя оправдываться — вам тем более нельзя.

Извинения перед детьми. Часть 3

Вы не можете ожидать от своих детей большей моральной ответственности, чем берёте на себя сами.

Нельзя вдруг осудить поведение, которое вы сами годами демонстрировали.

Если вы извиняетесь за то, что ударили сына в восьмилетнем возрасте, — нелепо требовать, чтобы он никогда никого не бил и нести полную ответственность, если он это сделает.

Если вы били детей в сорок лет, как вы можете осуждать их за то, что они, будучи гораздо младше, бьют других?

Обвинять их в юношеских ошибках, *в то время как вы сами совершали те же ошибки десятилетиями*, — несправедливо.

Если вы годами били своих детей, они, скорее всего, продолжат проявлять агрессию какое-то время даже после того, как вы исправитесь и извинитесь — и вина будет лежать на вас, а не на них.

Капитану супертанкера нужно заглушить двигатели задолго до остановки — инерция огромна. А чтобы развернуть его, потребуется ещё больше времени.

Родительство — это инерция. К добру или ко злу.

Когда вы просите прощения за избиение ребёнка, вы также должны извиниться за ложь.

Вы лгали о *причине*, по которой били их — утверждая, что они были плохими и заслужили наказание, а вы при этом были хорошим родителем.

Но вы ошибались. Они не заслужили побоев, а вы были плохим родителем.

Извиниться за действия легче, чем признаться в истинных мотивах — но без этого извинения бессмысленны.

Возможно, вы скажете:

«Прости, что я тебя бил, это было неправильно, но меня так воспитывали, и все вокруг обращаются со своими детьми так же. Я злился, когда ты меня не слушался. Родительство оказалось сложнее, чем я думал. На работе был дурдом, мама болела, с деньгами было туго, машина сломалась — всё навалилось! Я не говорю, что поступал правильно, просто я был не каким-то монстром. Я говорю это, чтобы ты не принимал всё на свой счёт».

Это чушь!

Говорить, что вы не хотели бить ребёнка, но обстоятельства вынудили — значит, он должен ждать, что это повторится.

Дети, живущие в доме с бьющими родителями, тоже испытывают стресс, страх и гнев. Вы когда-нибудь прощали им «плохое поведение» из-за стресса?

Нет — именно поэтому вы их и били.

Вы утверждаете, что стресс оправдывает плохое поведение — но только для взрослых.

После такого «извинения» вы будете требовать от них быть хорошими, демонстрируя при этом, что плохое поведение можно оправдать.

Вы говорите, что до сорока лет можно себя плохо вести — если только найти оправдание.

Так почему же *на самом деле* вы били своих детей?

Вопрос тяжёлый, и вам может быть стыдно. Очень стыдно.

Это трудно, но необходимо.

Вы должны принять этот стыд, чтобы измениться к лучшему.

Извинения перед детьми. Часть 4

Если вы говорите ребёнку, что били его, потому что вас самих били в детстве, вы учите его, что у человека нет свободы воли, что мы всего лишь кости домино, опрокинутые судьбой, и что вы били его за плохое поведение — *зная, что побои как раз и порождают это поведение!*

Это всё равно что подсыпать ребёнку алкоголь в какао, а потом наказывать его за то, что он пьян.

Итак...

Почему вы били своих детей?

Вы же не били их на глазах у полицейского, на собраниях, в церкви или в торговом центре. Вы сдерживались. Значит, дело не во внешних обстоятельствах. Стресс от работы никуда не исчезает в общественных местах — но вы не били их там.

Стресс не заставлял вас бить детей.

Ваше трудное детство тоже не заставляло вас бить детей.

Когда вы находитесь с детьми дома или в торговом центре, ваше детство остается неизменным. Однако дома вы детей бьете, а в торговом центре — нет.

Если вы когда-либо шипели сквозь зубы: «Ты у меня дома получишь!» — значит, вы били их не из-за внешних причин. Вы били их потому что могли, потому что были сильнее, а они — слабы и зависимы.

Почему вы били своих детей?

Потому что *хотели* — и *могли*.

Люди, совершающие зло, изобретают бесконечные хитроумные оправдания, чтобы жить с собой. Видеть причину в детстве — логическая ошибка: «После этого — значит из-за этого!»

Иногда это логично — люди открывают зонты после дождя. Но не всегда. Диагноз рака ставят после анализов, но ведь анализы не

вызывают рак.

Плохое детство не оправдывает взрослое зло. Многие становятся *лучше* благодаря своему тяжёлому детству. Утверждение, что Боб стал алкоголиком, потому что его отец пил, не объясняет почему его брат не прикасался к алкоголю.

Утверждение, что вы бьёте своих детей, потому что вас бил отец, — это оправдание. На самом деле, у вас ещё *меньше оправданий*, если вас били, потому что вы знаете, как это больно. Это как сказать, что вы не понимаете, насколько ожог от солнца неприятен, даже если сами его получали.

Те, кто пережил насилие, меньше других имеют право его продолжать. Это всё равно что палач, бьющий по чувствительным местам, и утверждающий, что не знает, как это больно.

Почему вы били своих детей?

Потому что *хотели* — и *могли*.

Вы должны быть честны о том, почему били своих детей, если хотите вернуть их доверие.

Вам следует сказать: «Мне невероятно жаль, что я тебя бил. Это было неправильно, и у меня нет оправданий. Я делал это, потому что был сильнее и знал, что мне это сойдёт с рук. Битье тебя давало мне ощущение силы. Это было жалко. Я научил тебя неправильному, например, использовать насилие против меньших и беспомощных. Я лгал о причинах, по которым тебя бил. Ты не был плохим — плохим был я. Хуже всего было не только то, что я тебя бил, но и то, что я говорил, будто это из-за твоей вины. Я вложил в твою голову мысли, от которых трудно избавиться. Вся вина на мне».

Хватит ли у вас сил для такой речи?

Потому что именно это необходимо.

У вас только одна попытка. Если вы нарушите моральные стандарты, которые навязывали своим детям, извиняясь, они никогда больше вам не поверят. Они могут притворяться, смеяться и шутить, но доверия не будет.

Если вы наказывали своих детей за нечестность — и сами будете нечестны в своих извинениях, вы никогда не избавитесь от своей порочности. Честность требует отказа от манипуляций.

Если вы ложно обвинили сотрудников в преступлении и затем «извиняетесь», утверждая, что они вели себя подозрительно, они уволятся, если у них есть хоть капля достоинства.

Если вы наказывали своих детей, отвергая их оправдания за поступки, а затем прикрываетесь оправданиями для своей карательной аморальности, вы безнадежно потеряны.

Иногда жизнь сводится к одной попытке, одному моменту, одной речи. Не испортите её.

Возмещение вреда

Предположим, вы честно извинились. Следующий шаг — возмещение вреда.

Помните правило 7 к 1. Возможно, с учётом силы связи между родителями и детьми, его можно смягчить до 3 к 1. Если вы били ребёнка год, потребуются три года, чтобы это компенсировать. Десять лет насилия — тридцать лет искупления.

Возмещение — это акт восполнения нанесённого ущерба. Оно определяется жертвой, а не виновным. Если вы поцарапали чью-то машину, оплатили ремонт и пригласили человека на ужин — он не рад, что это случилось, но и не в ярости.

А что нужно, чтобы компенсировать страдания ребёнку? Что нужно, чтобы он примирился с тем, что его годами били, кричали на него и унижали? Насилие в детстве формирует личность и мозг. Сколько бы вы взяли за то, чтобы отдать двадцать лет своей жизни? Насилие в детстве может отнять у человека двадцать лет, привести к зависимости, преступности, болезням и ранней смерти.

Оно уничтожает того, кем вы могли бы быть...

Если вы причинили боль своим детям — они заслуживают извинения. Возможно, это восстановит отношения, возможно — нет. Но мораль поступка не определяется его последствиями. Мы не говорим, что нельзя отменить рабство, потому что тогда общество не сможет производить еду и хлопок. Делай то, что правильно — даже если рухнут небеса!

После извинения наступает очередь возмещения — насколько это возможно. А затем вы делаете всё — абсолютно *всё*, что в ваших силах, чтобы доказать: вы больше не совершите зло. Ходите на терапию, изучайте моральную философию, проходите курсы управления гневом, порвите связи со злыми людьми в вашей жизни. Делайте всё, что нужно, чтобы зло больше не вернулось в ваше сердце и руки.

Используйте рабочие тетради психологов, чтобы докопаться до истоков своих мотивов. Поговорите с родителями, исследуйте своё детство, проследите, как развивалась ваша испорченность, загляните в себя, вступите в борьбу с демонами, живущими в каждом из нас. Плачьте, стенайте, скрежетите зубами, загляните в сердце, почерневшее от зла, свергните порождённого вами дьявола — и бросьте свою изломанную душу в объятия ангелов.

Откажитесь от своей извращённой воли, отговорок, манипуляций и лицемерия ради сияющего идеала всеобщей добродетели. Подчинитесь тому, что истинно и правильно, а не животной жажде удовольствия. Служите правде, морали, добру — Богу. Перестаньте оправдываться — начните меняться. Перестаньте врать ради выгоды — начните говорить правду ради счастья. Дарите детям свободу, беря на себя ответственность — и за то, что вы сделали, и за то, чего не сделали. Найдите свою душу — и спасите её. Перейдите от самоправедности к праведности, к служению добру, а не собственному эго и самолюбию. Откажитесь от потребности чувствовать себя правым — ради славы быть добрым.

Может, у вас получится. Может — нет. Может, уже слишком поздно. А может — ещё нет. Но если вы наконец начнёте по-настоящему жить по тем ценностям, о которых всегда заявляли — что готовы на всё ради своих детей — мир станет неизмеримо лучше.

Вспомните все великие души, которые тащили человечество вверх по тернистым склонам добродетели. Подумайте о свободах и возможностях, которыми вы обладаете благодаря их жертвам. Лучше приумножить честь рода человеческого, чем паразитировать на подвигах предков. Мы все скоро уйдём — важно успеть стать добрым до этого. Умножай истину в мире, а не лицемерие, питающее твоё тщеславие. Поговори с детьми — извинись, возмести — и стань лучше. Мораль — это эмпирика, а не риторика. Добродетель — для жизни, а не для разговора. Если ты не делаешь добро — ты не добр.

Хватит читать. Действуй.

Насилие над детьми и власть. Часть 1

Цель нравственного воспитания — сделать так, чтобы людям *хотелось* быть хорошими. Но почему нам стоит быть хорошими? Страх и желание — мощные мотиваторы. Юноша мечтает пригласить девушку на свидание, но боится отказа. Страх неудачи сопровождает стремление к успеху.

Философы редко обсуждают этику насилия над детьми и ненасильственного воспитания. Некоторые выступают за разумный диалог с ребёнком и неконфликтные методы воспитания, но это не решило проблему агрессивного родительства. Почему?

Если действия оцениваются по результату — это утилитаризм. Что в нём плохого? Всё. Кража — благо для вора. Насильник воспринимает нападение как положительное. Раскаяние и сожаление не отменяют преступления. Даже если жена-убийца признается — муж остаётся мёртв.

Говорить, что с детьми стоит обращаться хорошо ради хороших последствий — значит игнорировать тот факт, что с ними часто обращаются плохо ради *выгоды* для взрослого. Воры забирают из экономики больше, чем получают. Владельцы имущества тратят на защиту больше, чем стоит украденное.

Если бы воровство и насилие были исключительно вредны — их бы не существовало. Плохие поступки совершаются, потому что приносят

удовольствие плохим людям. «Ты почувствуешь себя лучше, если не будешь бить ребёнка, и ваши отношения наладятся». Вздор. Разве это работает?

Вы просите жестокого человека сопереживать своему ребёнку — и своему будущему «я». Но если бы он умел сопереживать — он бы не был жестоким!

Современные призывы к лучшему воспитанию обращены к совести тех, у кого её нет. Это как если бы вы утверждали, что только в Японии плохое воспитание — и при этом не печатали книг про воспитание на японском. Безумие, правда? Книги о диетах — для стройных. «Как бросить курить» — для некурящих.

Как заставить бессовестного человека вести себя лучше? У него нет совести — он боится *последствий*. Человек с совестью боится поступка, который разрушит его душу. Бессовестный не испытывает стыда за преступления, если его не поймают. Тюрьмы существуют ради тех, у кого нет совести.

Если бы вы могли украсть миллион долларов безнаказанно — сделали бы это? А убили бы человека, которого ненавидите, если бы вас точно не поймали? А изменили бы супругу — если бы точно не узнали?

Вы воздерживаетесь от преступлений из любви к добродетели, страха перед совестью или страха последствий?

Очевидно, жестокие родители не любят добродетель и не боятся своей совести. У них бывают моменты беспокойства — даже раскаяния — но они пролетают, как деревья за окном ночного поезда.

Боятся ли родители-насилъники последствий? Похоже, что нет — во всяком случае, не настолько, чтобы измениться.

Понимаете теперь, почему насилие над детьми не прекращается?

Потому что нет *последствий*.

Насилие над детьми и власть. Часть 2

Родители, читающие книги по воспитанию, хотят стать лучше.

А как остановить плохих родителей, которые бьют своих детей?

Они бьют, потому что не умеют откладывать удовольствие — злятся, срываються, и им становится легче. И никаких последствий.

Скорее всего, вы им помогаете. Вы — соучастник насилия.

Сомневаетесь?

Вы когда-нибудь советовали взрослой жертве насилия в детстве простить, примириться, «быть выше»?

Оправдывали родителей-насильников? «Они старались как могли, у них не было злого умысла, их самих так воспитывали...»

Представьте, что друг рассказывает о насилии в детстве и говорит, что хочет дистанцироваться от родителей, которые до сих пор не раскаялись.

Что вы скажете? А главное — что *почувствуете*?

Скорее всего, тревогу, напряжение — и чтобы облегчить себя, посоветуете простить, не судить, быть выше и не сожалеть потом.

Увы, большинство из нас — пехотинцы в войне против детей. Мы прикрываем тех, кто причиняет им зло.

Это всё равно что пригласить несправедливо преследуемого человека, напоить его чаем, а затем вызвать тайную полицию.

Мы отправляем взрослых, сбежавших от абьюза, обратно к их мучителям — и осуждаем их, если они не возвращаются. Мы продолжаем круговорот насилия.

Мы предаём принципы, детей, добродетель — и самих себя.

Мы жалуемся на безнравственность мира, но сотрудничаем со злом.

Что вы сделаете, если друг признается, что подвергался насилию?

Вы встанете на сторону справедливости, проявите сочувствие — или отправите его назад?

Будущее зависит от вашего выбора.

Итак...

Как остановить людей, бьющих своих детей?

Последствия.

Если общество будет поощрять разрыв с абьюзерами, те начнут сдерживаться — из страха потерять жертву.

Общество держится либо на добродетели, либо на насилии, либо на остракизме.

Остракизм — отстранение от тех, кто отказывается извиниться и искупить вину — единственное последствие, способное или изменить их, или хотя бы защитить жертв.

Раньше реклама предостерегала от пьянства за рулём и курения, показывая ужасающие последствия...

Напугайте людей последствиями их поступков — и вы измените их мышление.

Детям грозят «потерянным годом», если они провалят учёбу. За превышение скорости — штраф. За неуплату налогов — тюрьма.

Непопулярные или оскорбительные высказывания в соцсетях — и человека блокируют, лишают работы, публикуют личные данные, закрывают доступ к счетам, авиабилетам, аренде машин. Разрушаются репутации и доходы — за *слова*, а не *поступки*!

Мы избегаем осуждения жестоких родителей не потому что ненавидим быть судьями. Толпа с радостью разрушает жизни лишь за слова и идеи.

Но родители, бьющие детей, чудесным образом избегают этой толпы.

Толпа считает себя моральной силой — карающей за неправильные идеи. Но если родитель избивает беззащитного ребёнка? Молчание. Толпа молчит.

Моралисты, клеймящие злодеев, игнорируют родителей-абьюзеров и обрушиваются на тех, кто придерживается непопулярного мнения.

Эту «моральную толпу» нельзя воспринимать всерьёз. Это цепные псы властей — в них не больше морали, чем в стае гиен.

Вы видите лицемерие?

В современной «морали» бить ребёнка — простительно. Но сказать неудобную правду или выразить непопулярное мнение — непростительно и требует кары.

Таков наш мир — созданный абьюзерами и поддерживаемый теми, кто предаёт жертв насилия над детьми.

Мы долго не продержимся, если не *остановимся*.

Насилие над детьми и власть. Часть 3

Если злые люди никогда не должны сталкиваться с последствиями, давайте сделаем это принципом общества.

Никаких наказаний, никаких упрёков, никаких последствий — ни полиции, ни судов, ни тюрем — никаких законов, никаких двоек в школе, никакой культуры отмены.

Ой, подождите — вы ведь *не хотите* такого мира?

Вы считаете, что плохие люди *должны* сталкиваться с последствиями? Что зло *должно* быть наказано?

Так почему вы оправдываете жестоких родителей?

Если муж вашей подруги бил её десять лет, вы скажете ей простить его, вернуться и любить его?

Разумеется, нет.

Но если её били родители на протяжении десяти лет детства — вы скажете: «Прости, забудь и живи дальше».

Вы видите лицемерие?

Муж, которого она выбрала — *злодей*, от него нужно бежать!

А родители, которых она не выбирала — и которые избивали её, когда она была беззащитной, — её осудят даже за то, что она об этом заговорила. Она *не имеет права* сбежать — это эгоистично и недопустимо!

И если она задумается о побеге — вы её проклянёте: «Ты должна простить и примириться, иначе *потом пожалеешь!*»

Оставаться с мужем-тираном — невыносимо. А вот сбежать от родителей-тиранов — тоже невыносимо!

Бежать от избранного обидчика — хорошо. Бежать от обидчика, навязанного природой, — плохо.

От этого просто тошнит.

Ненасильственное воспитание и примирение. Часть 1

Общество жестко осуждает и применяет остракизм к тем, кого считает аморальными. Если тебя заклеили как «расиста», «женоненавистника» или с какой-либо «фобией» — почти никто не станет вести с тобой разумный диалог. Тебя просто уничтожат и выбросят.

В мире много злости к несправедливой власти, но эта злость направляется властью против тех, кто эту власть критикует. Люди, которых в детстве обижали, но которые боятся противостоять своим обидчикам, легко становятся орудием в руках власти.

Этот цикл повторяется вновь и вновь; моя книга — попытка его разорвать. Ты знаешь в своей жизни тех, кто совершает зло. Их нужно исцелять или изгонять? Ставки чрезвычайно высоки.

Злые люди получают власть, провоцируя в других потребность — а потом отказывая в её удовлетворении.

Похититель знает, что его жертва жаждет свободы — и поэтому лишает её этой свободы.

Насильник знает, что его жертва не хочет быть изнасилованной — её отвращение и сопротивление доставляют ему большое удовольствие.

Жестокие родители знают, что их дети не хотят чтобы их запирали, били, оскорбляли, игнорировали — что их дети отчаянно нуждаются в любви, взаимодействии и положительном внимании!

Затем они отказывают в удовлетворении этих потребностей, чтобы чувствовать себя желанными, контролирующими — могущественными!

Что происходит, когда ты *нуждаешься* в чём-то от злодея?

Ничего хорошего.

Пробуди нужду — откажи в её удовлетворении: вот рабочая схема аморальности.

Если ты зависишь от того, чтобы злодей отказался от своего зла — он обретает власть, продолжая делать зло.

Стоит ли взывать к его совести? Если бы она у него была — он бы уже страдал от стыда и стремился меняться. Сколько абьюзивных супругов меняются без внешнего давления — судебного иска или ухода партнёра?

Сколько родителей-абьюзеров читают книгу под названием «Ненасильственное воспитание»? Единицы. Сколько феминисток прочтут «Полюби патриархат!»? Сколько социалистов читают Людвига фон Мизеса? Редко кто.

95% пытающихся похудеть не удерживают результат, часто набирая больше. Диетическая индустрия процветает на мифе о стойкой потере веса. Хотя польза — здоровье и похвала — моментальна, лишь один из двадцати достигает долгосрочного успеха, чаще после операции или болезни.

Проще ли похудеть, чем столкнуться со своим злом? Проще ли держать вес, чем перестать причинять вред и жить добродетельно? Мы знаем ответ.

Я занимаюсь спортом более сорока лет. Каждый январь залы полны людей с новогодними обещаниями. Через пару недель — пустеют. Домашние тренажёры, купленные в панике, пылятся в углу.

Мало кто держит обещания или рвёт токсичные связи, даже зная, как они вредны. Большинство не меняют вредных привычек, даже когда страдают только сами, когда их поощряют к переменам, и когда результат быстрый.

Диета проста: ешь меньше, двигайся больше. Бросить пить: не поднимай бокал. Но эмоции сложны — потому что люди зависимы не от веществ, а от отношений.

Ненасильственное воспитание и примирение. Часть 2

Ожирение — это не столько зависимость от еды, сколько от семейных и социальных кругов, поддерживающих избыточный вес. Похудение становится обвинением в адрес всех этих отношений. Большинство набирает вес в детстве, когда родители контролируют рацион и физическую активность. Можно ли похудеть, не осудив родителей? Нет. Лишний вес — это подчинение нездоровым связям. А его потеря разоблачает саботаж.

Все видели, как в ресторане полная семья уговаривает ребёнка съесть ещё. Если ты ешь меньше — ты обижаешь своих родителей. Если девочка с непривлекательными подругами худеет, начинает заниматься спортом и делает модную стрижку — подруги набрасываются: «Ты стала пустышкой!» Это сила психологии.

Если ты начинаешь воспитывать мирно, а рядом родители агрессивные — ты столкнёшься с их прямыми или завуалированными нападениями.

Ты ищешь одобрения родителей — а они хотят, чтобы ты прекратил своё ненасильственное воспитание.

Получали ли твои родители желаемое всю твою жизнь? Скорее всего, да — подчинение гарантирует выживание. Десятилетия подчинения не исчезают просто так.

Это как язык: если ты бегло говоришь по-японски, ты не забудешь его в один день. Так и голос родителей остаётся в голове, даже после их смерти — их доводы звучат в тебе. Один известный психиатр рассказывал, что все его суицидальные пациенты слышали в голове голоса родителей, твердящих: «Умри».

Можно ли излечить десятилетия зла, направленного против невинного? Может ли преступник обрести совесть? Статистика говорит: нет. Воры снова воруют, педофилы повторно совершают насилие, насильники

выходят из тюрьмы и ищут новую жертву. Эмпатия требует формирования определенных нейронных связей в раннем детстве — и если этот этап пропущен, его невозможно восполнить. Так же как недостаток языковой практики у ребенка в детстве приводит к проблемам на всю жизнь. Тяжёлая травма или многократное зло стирают «наблюдающее Я», моральный компас разума. Зло оправдывает себя и не поддаётся исправлению.

Сколько родителей-абьюзеров извиняются перед взрослыми детьми? Единицы, если вообще такие есть.

Если болезнь неизлечима — нужно заниматься профилактикой. Если ты отвергаешь профилактику ради бесплодных попыток вылечить — ты уже заодно с болезнью. Я призываю будущих родителей отвергнуть насилие и создать дома, полные мира. Абьюзеры прошлого не важны — важно предотвращение, потому что исправление невозможно.

Когда я был ребёнком, я постоянно слышал, что мужчины — шовинистские свиньи и угнетатели. Это вдохновляло мальчиков? Нет. Должны ли мы скрывать связь между курением и раком лёгких, чтобы не обидеть курильщиков?

Я не называю всех родителей злыми. Я сам был отцом-домохозяином 15 лет. Я говорю о конкретных аморальных поступках, подробно описанных в этой книге.

Ненасильственное воспитание и примирение. Часть 3

Итак — могут ли родители, которые причиняли зло десятилетиями, измениться?

Я не знаю, и я бы не стал на это ставить, но какая разница?

Я рекомендую обратиться к терапевту, прежде чем говорить с родителями о прошлом — это изматывающе. Если физически безопасно, — противостоять тем, кто тебя ранил.

Расскажи родителям, что произошло, как это на тебя повлияло, и чего ты хочешь дальше. Это похоже на интервенцию при зависимости: ты

говоришь зависимому, какой вред он нанёс, требуешь изменений и предупреждаешь об отстранении, если он не изменится.

Если родители зависимы от власти и насилия — устрой им интервенцию! Это одноразовое событие, часто под руководством терапевта. Приводи родителей на приём и говори: «Вот как вы причинили мне боль. Или вы меняетесь, или ярываю отношения. Решайте сейчас — второй попытки не будет!»

Это разумно, естественно и практикуется в лечении зависимостей.

Доктор Фил говорит об этом так:

Эмоциональные раны, нанесённые жестоким обращением родителей, могут не заживать ещё долго после детства. Если вы хотите восстановить отношения с родителем теперь, когда вы оба взрослые, доктор Фил даёт следующие советы.

Будьте услышаны

Вы не сможете наладить отношения, пока ваш родитель полностью не осознает, как насилие повлияло на вас. Он или она может чувствовать вину, но помощь нужна вам.

Переосмыслите отношения

Вам решать, как выразить свои чувства. Скажите родителю, чего вам сейчас не хватает. Будьте честны и ясны; это ваш шанс точно сказать, что вам нужно в эмоциональном плане.

Прошлого не изменить, но вы можете создать с родителем новую историю. Относитесь друг к другу как к тем, кем вы стали сейчас.

Делайте то, что лучше для вас

Рассмотрите возможность того, что любые отношения с родителем могут быть для вас нездоровыми. Это горькая правда, с трудом принимаемая, и к ней стоит прибегать только в крайнем случае. Однако именно это может стать лучшим решением для вас.

Будь честным — расскажи им, что произошло, как это на тебя повлияло и что тебе нужно теперь. Поговори с ними — и всё. Смотри, что они сделают.

Лично у меня есть правило: извинение должно поступить в течение 24 часов. Если нет — его не будет никогда.

Когда человек чувствует вину, он либо признаёт её, либо переопределяет ситуацию, чтобы почувствовать себя правым, а тебя —

несправедливым и злобным.

Без философии люди могут убедить себя в чём угодно. Если прошло 24 часа без извинения — они уже убедили себя, что ты не прав, а они — правы. Это просто. И точно.

Уверенность экономит время. Рыбачить в озере, где нет рыбы, — разочарование. Но если тебя предупредили — ты сэкономил день. Факты спасают ресурсы и время.

Поговори со своими родителями — вот мой совет. Если они услышат и изменятся — прекрасно, они редкость! Если нет — они продолжают вредить тебе, и у тебя будут факты для разумного решения.

Определение цикла насилия. Часть 1

Чтобы построить новый дом, нужно убрать то, что было раньше.

Чтобы переосмыслить свой выбор в духе добродетели, нужна моральная ясность.

Почему цикл насилия повторяется?

Никогда не подходи к психологии с фатализмом. Всё можно понять.

Почему жертвы насилия над детьми становятся агрессивными, распушенными?

Человеческое поведение эволюционирует.

Жизнь, особенно человеческая, определяется выживанием и размножением.

Женщины, выросшие с жестокими отцами, выбирают жестоких мужей.

Животные не могут эволюционировать за одно поколение — а люди могут.

Некоторые племена в горах адаптировались к низкому содержанию кислорода. У европейцев кожа светлее — чтобы лучше усваивать витамин D. Все голубоглазые — потомки одного предка с мутированным геном.

Те, кто бьют детей, оправдывают это моралью — как необходимое и добродетельное.

Для них бить детей — *хорошо*. Не бить — *плохо*.

Можно ли сделать то, что считаешь плохим? Да — но ты не будешь этим хвастаться.

Муж, изменяющий жене, знает, что это плохо — но всё равно делает. Воры не защищают свои поступки — но продолжают красть.

Убийца не считает убийство добром — он может сказать, что мораль его не касается, но не будет отстаивать свои действия.

Цикл насилия — это цикл оправданий.

Если родители били тебя, говоря, что ты плохой — и ты им поверил — ты сам согласишься, что «плохих» детей надо бить. Это благо, ведь их нужно «исправить».

Считается, что дети рождаются эгоистичными и безответственными — и только строгость может их спасти.

Это не цикл *насилия*. Это цикл *оправданий*.

Почему женщины оставляют детей ради работы? Потому что они не считают это «оставлением». Они сильные, независимые, подающие пример. Им скучно и одиноко дома — так что они становятся «лучшими матерями».

Это же *хорошо* для детей, правда?

Если кто-то говорит о приватизации образования, его обвиняют в желании, чтобы дети остались без школы!

Видимо, только *государство* способно обучать. А если оно не обучает — дети останутся безграмотными.

«Государственное образование» стало синонимом «образования». Если ты против него — значит, ты против образования *в принципе*!

Это поразительно.

Таковыми же аргументами оправдывали рабство: если ты за отмену рабства — значит, ты хочешь чтобы урожай сгнил в поле!

Чем больше вещи меняются, тем больше они остаются прежними.

Человечество всё ещё не усвоило несколько базовых принципов.

Видите ли вы эту закономерность?

Определение цикла насилия. Часть 2

Если я говорю: «Не дисциплинируй ребёнка побоями!» — что слышат люди?

Они слышат: «Не дисциплинируй ребёнка вообще!»

Если я говорю: «Не воспитывай ребенка криком!»

Они слышат: «Не воспитывай ребёнка вообще!»

Если я говорю: «Твои дети не родились плохими...»

Это особо важный момент.

Что люди слышат?

Что ты слышишь, когда я говорю: «Твои дети не родились плохими»?

Потому что это так и есть.

Я не был плохим.

Ты не был плохим.

Что это означает?

Если ты не родился плохим, но родители тебя били, значит *они* были плохими — не ты.

Что ты чувствуешь от мысли, что твои родители были плохими?

Тревогу, я подозреваю!

Полностью понимаю.

И глубоко сочувствую.

Если один человек стреляет в другого — это либо убийство, либо самооборона.

Кто-то неправ.

Или ты, или твои родители.

Нам некомфортно делать такой выбор.

Но — и что с того?

Непривычно летать.

Непривычно видеть человека за тысячи километров.

Но мы приспособились.

Непривычно получать лёд летом.

Не говори мне, что человек не может адаптироваться!

Оправдание происходит тогда, когда ты усваиваешь родительскую точку зрения.

Сначала ты — плохой. Потом тебя — наказывают.

Как полицейский, арестовывающий вора, не считается абьюзером — так и родители, наказывающие тебя, не считаются жестокими.

Они *добрые* — потому что ты был плохим, и наказание — это морально!

Как хирург, делающий экстренную трахеотомию, не считается убийцей — он спасает жизнь!

Женщина задыхается — разрез на шее её спасает.

Такое восприятие удобно, потому что причина и следствие теряются в ранних воспоминаниях — а взрослые твердят: тебя наказывают, потому что ты плохой.

Учитель унижает — потому что ты не сделал домашнее задание.

Ты остаёшься после уроков — потому что разговаривал.

Ты не сдал предмет — потому что завалил экзамен.

Ты совершил проступок — и был наказан.

Так нас воспитывали.

Неоспоримо.

И — абсолютно ложно.

Это ложь, разрушающая мир.

Тебя *не* наказали потому, что ты был плохим.

Тебя называли плохим — чтобы иметь право наказывать.

Определение цикла насилия. Часть 3

Тебя не унижали за то, что ты не сделал домашнее задание.

Домашнее задание задаётся, чтобы унижать.

Не веришь?

Это легко доказать.

Домашнее задание почти не даёт образовательной пользы.

Зачем оно тогда?

Чтобы унижать тех, кто отказывается его делать.

Это учит подчинению власти без вопросов.

Домашка наказывает за непослушание.

Она воспитывает страх, покорность и повиновение.

В этом её цель.

Если бы цель образования была в знаниях, мы бы исследовали эффективность домашки — и отказались бы от неё, когда она провалилась бы в тестах.

Но всё ещё *хуже*.

Домашка наказывает именно тех, кто *способен изменить систему*.

Кто *не* делает домашку?

Жертвы насилия и хаоса.

А кто делает?

Благополучные дети из семей со внимательными родителями.

Кто ещё не делает?

Те, кому нужно работать, чтобы выжить.

Кто ещё?

Те, кто считает домашку бессмысленной и скучной.

Те, кто видит её такой, какова она есть.

Дети, считающие домашку пустой тратой времени.

А как к ним относятся те, кто у власти?

Как к врагам, которых нужно уничтожить.

И они пытаются это сделать.

Или хотя бы сломать их.

Тебя не наказывали за то, что ты не сделал домашку.

Домашка существует, чтобы детей *можно было* наказывать.

Это происходит *во всём* в детстве...

Тебя били не за то, что ты был плохим.

Тебя *назвали* плохим — чтобы тебя можно было бить.

Улики были подброшены, свидетелям заплатили, судью подкупили — дело было подстроено, приговор предрешён. Суд кенгуру заседает вечно.

Определение цикла насилия. Часть 4

Как я знаю, что тебя били не потому, что ты был плохим?

Приготовься.

Я могу доказать это легко.

Тебя били, чтобы ты не стал *ещё хуже*, так? Чтобы ты не превратился в *по-настоящему плохого человека*?

Но — если побои мешают стать плохим, *почему же те, кого били, сами потом бьют своих детей*?

Насилие — одно из величайших зол, а детей якобы бьют, чтобы они не стали теми, кто прибегает к насилию. Однако родители, которые били своих детей, лишь продолжают цикл насилия.

Силлогизм:

1. Насилие — величайшее зло.
2. Детей нужно бить, чтобы они не прибегали к насилию.
3. Бить детей — самая распространённая форма насилия.
4. Следовательно, побои не предотвращают насилие.

Некоторые утверждают, что побои мешают ребёнку стать насильником или убийцей.

Посмотрим на детство преступников. Почти все они подвергались насилию в детстве.

Тогда аргумент меняется: били «слишком много», «не так», «не с той целью». Побои — как питание: нужно соблюдать «золотую середину».

Значит, побои — дело тонкое! Родители должны быть экспертами в телесных наказаниях, чтобы «бить правильно».

Но если бы они изучили вопрос, то нашли бы доказательства *против* побоев.

Они говорят, что их ведёт *инстинкт*, но это не работает.

Если нужно «бить правильно», инстинкта недостаточно.

Такие родители — как будто врачи, выдающие опасное лекарство в «точной дозе»!

Но читают ли они инструкцию? Изучают ли последствия?

Они утверждают: «Меня били — и это было правильно». Это как давать детям устаревшие лекарства, потому что «мне давали».

Как определить дозу? Времена изменились. Раньше лекарства содержали опиум, кокаин, марихуану. Ответственные родители больше не дают такое.

Исследования показывают: побои вредны. Они не нужны и калечат.

Родители бьют, чтобы «научить последствиям» — но при этом сами не думают о последствиях побоев!

Родитель требует, чтобы ребёнок обдумывал последствия, но сам не делает этого.

Родители, шлепающие детей, не утруждают себя изучением последствий шлепков, в то время как требуют от своих детей всегда учитывать последствия.

Мать бьёт, потому что её сами били, — думая, что знает «дозу» на основании детства, а не исследований.

Она карает инстинкт своего ребёнка, опираясь на собственные детские инстинкты.

Детские инстинкты одновременно хорошие и плохие, получается...

Если она уверяет, что ее взрослые инстинкты — это другое, тогда она, как взрослый человек, обязана изучить вопрос. В этом случае она неизбежно найдет информацию о пагубном влиянии шлепков.

Кроме этого, каждый ребенок, которого ударяли знает: иногда родители бьют, а иногда — нет. Даже в одинаковых ситуациях.

Если наказание зависит от настроения родителя — оно несправедливо.

Если судья отпускает преступников, когда в хорошем настроении, и сажает, когда в плохом, — мы бы посадили такого судью!

Если тебя не наказывают за «плохое» поведение только потому, что родитель в хорошем настроении — значит, тебя наказывают не за поведение.

Ты получил, потому что родитель был в плохом настроении.

Твою «плохость» придумали, чтобы тебя можно было бить — чтобы родителю стало легче.

Более того, непоследовательность наказания, зависящего от настроения родителя, учит детей, что их поведение не является истинной проблемой — дело в эмоциональном состоянии родителя. Эта произвольная и несправедливая система лишь порождает обиду и

калечит доверие, подрывая любые моральные уроки, которые наказание якобы должно было дать.

Итак, практика избиения детей полна логических и этических противоречий. Она не достигает заявленных целей, а вместо этого несет вред и лицемерие. Решение заключается не в физическом наказании детей, а в понимании и направлении их с эмпатией и разумом.

Определение цикла насилия. Часть 5

Позволь задать тебе вопрос.

Если ты сочувствуешь бездомному, ты ждёшь, пока никто не видит, чтобы дать ему деньги?

Конечно, нет.

Женщина с прекрасной фигурой носит мешковатую одежду, чтобы её скрыть?

Редко!

Бить детей — это доброе дело, по мнению многих. Почему же родители делают это тайком?

Оскорблять ребёнка — лучший способ научить его. Почему же это делают дома, а не публично?

Зачем *прятать* добро?

Это как если бы я кричал на дочь на улице, а дома спокойно с ней договаривался.

Я сторонник ненасильственного воспитания — поэтому веду себя мирно и на людях.

Когда люди говорят, какая у меня весёлая и умная дочка, я рассказываю о нашем отказе от наказаний.

Я пропагандирую ненасильственное воспитание открыто.

Я не делаю противоположного втайне, потому что горжусь своим родительством.

Моя дочь будет жить в будущем — чем больше детей воспитываются без насилия, тем лучше будет её мир.

Было бы жестоко быть добрым дома и злым на людях.

Представь, что я написал книгу, рекомендующую шлепки и крик, — а сам бы воспитывал детей без насилия!

Это было бы безумием?

Как что-то может быть хорошим дома — но плохим на людях?

Это моральный релятивизм — формальное лицемерие.

Я — ненасильственный родитель везде, открыто и с гордостью.

Так почему же агрессивные родители милые на людях, но жестокие дома?

Это нелогично.

Почему они скрывают свои «добродетели» от мира?

Они говорят, что ударять детей необходимо — но на людях этого не делают!

Непостижимо.

Дети это чувствуют.

Родители говорят, что шлепки — благо, но почти никогда не шлепают при свидетелях.

Представь спасателя, который стоит и смотрит, как тонет ребёнок.

— Почему ты ничего не сделал? — спрашивают его.

— О, — улыбается он, — я решил не спасать, потому что на меня люди *смотрели!*

Это разумно?

Спасти ребёнка — *добро*, верно?

Почему не делать добро, когда на тебя смотрят?

А главное — зачем брать деньги за работу, которую не собираешься выполнять?

Ты бы уволил такого спасателя?

Интересно, правда?

Если бить детей — морально, почему мы почти не видим этого на публике?

Я могу по пальцам сосчитать случаи публичной агрессии к детям.

Если тебя били за плохое поведение — почему не на людях?

Этот вопрос рушит всю схему.

Если бьют за проступок — должны были бить везде.

Почему *не* били на людях?

Потому что родителю стало бы *стыдно*.

Были бы последствия!

Кто-то мог бы вмешаться, осудить, посмотреть косо, родитель бы испытал стыд и вину.

Задумайся об этом.

Определение цикла насилия. Часть 6

Твои родители не били тебя на людях, потому что это не было в их краткосрочных интересах.

Они не поступили правильно просто потому, что им не захотелось.

Но ведь именно за это *тебя* и били, не так ли?

Ты якобы ставил своё желание выше морали и последствий.

Но родители поступали точно так же, не наказывая на людях.

Наказание должно следовать сразу за проступком. Откладывать — значит наказывать неправильно, что плохо.

Бить трёхлетку через два дня — абсурд: он уже не свяжет это с поступком.

А родители *всегда* откладывали наказание.

Они скажут, что делали это, чтобы не унижать ребёнка публично. Но почему тогда унижали дома?

Тебя били не за то, что ты плохой.

Тебя били, чтобы родителям стало легче.

Они выдумали твою «вину», чтобы оправдать насилие.

Так они ранили тебя дважды — телесно и морально, внушив, что ты заслужил это.

Это страшная ложь — и если ты в неё веришь, цикл насилия будет повторяться.

Разрыв цикла насилия

Как разорвать этот порочный круг?

Моральная ясность — это всё, что нужно.

Цикл насилия:

- Ребёнку говорят, что он плохой.
- Его бьют за это.
- Он принимает свою «плохость», чтобы сохранить привязанность и выжить.
- «Плохой» — значит «непослушный».
- Непослушание — это зло, за него нужно наказывать.
- Ребёнок вырастает, его дети не слушаются.
- Их нужно наказывать.
- Следующее поколение снова бьют.

Чтобы разорвать цикл, нужно признать, что родители, использующие насилие, — плохие. Иного пути нет.

Либо ты осуждаешь родителей справедливо — либо несправедливо наказываешь собственных детей.

Если не вынести морального суждения — повторишь зло прошлого.

Осуди насилие — и ты никогда не поднимешь руку на ребёнка.

Оправдай — и станешь абьюзером.

Это тяжело — но что с того?

Был ли у тебя соблазн ограбить банк, когда не хватало денег?

Нет, потому что кража — не вариант.

Так и с воспитанием. Если ударять и кричать — не вариант, ты найдёшь другой путь.

Ставь «ударить ребёнка» в один ряд с «ограбить заправку».

Если зло на столе — трапеза будет горькой. Убери его — и перед тобой бесконечный пир.

Возможность.

Выбор.

Добродетель.

Герои преодолевают препятствия ради добра. Тебе не нужно бороться с суперзлодеем — нужно просто честно дать моральную оценку поступкам родителей.

Ты не умрёшь, не пострадаешь. Тебя, может, осудят или отвергнут. И что?

Всё хорошее в мире создано через жертвы. Перестань брать — и присоединяйся к нам!

Это и есть истинное геройство. Перестань читать про героев — стань им сам.

Надень костюм.

Выступай вместе с нами.

Спасай мир.

Последствия насилия над детьми на протяжении жизни

В этой книге я уже говорил о физических и психологических последствиях насилия над детьми.

Я утверждал: если мир — ад, то причина тому — детство.

Я пишу ради своей дочери — чтобы помочь ей вырасти в более разумном и мирном мире.

Семья традиционно закрыта, и критиковать родителей считается невежливым.

Но ведь детей воспитывают, чтобы отпустить в мир.

Если ты плохо обращаешься со своей собакой — она может угрожать моей семье.

Мы все заинтересованы в ненасильственном воспитании.

Мы живём среди плодов родительства.

Жертвы насилия в детстве часто становятся конфликтными, манипулятивными, жестокими, разрушительными.

Они чаще совершают преступления, впадают в зависимости, портят здоровье, не вносят вклад в общество.

Даже если они превратятся в затворников, зависимых от цифровых развлечений, — это наша общая потеря.

Насилие над детьми стоило нам произведений искусства и великих изобретений.

Жестокие родители убивают любовь и связь между людьми.

Мы должны быть настороже в городах — потому что именно дети, пережившие насилие, становятся хищниками.

С моральной точки зрения — ни у одного родителя нет права на жестокость.

С практической точки зрения — мы должны противостоять насилию, потому что живём среди тех, кого воспитали родители.

Человечество процветает благодаря силе, эмпатии и моральной ясности.

Сила помогает защищать добро и противостоять злу. Эмпатия подсказывает, кого можно спасти, а к кому применять остракизм.

Моральная ясность гарантирует, что мы понимаем добродетель и как противостоять злу.

Пренебрежение

Формы насилия над детьми можно расположить по степени тяжести:

1. Сексуальное насилие
2. Пренебрежение
3. Словесное (эмоциональное) насилие
4. Физическое насилие

Последствия сексуального насилия столь ужасны, что даже убийство педофила вызывает мало сочувствия.

Словесное насилие искажает личность ребёнка. Он получает ярлыки: ленивый, глупый, неуклюжий, уродливый, злобный, плохой — и эти клейма не проходят сами по себе. Даже исцелившийся взрослый уже не может стать собой прежним.

Случайные физические травмы — как падение с велосипеда — не вредят душе и психике. Более того, телесные повреждения необходимы: они учат управлять рисками. Движение сопряжено с опасностью, а бездействие — с гарантированным упадком.

Если ты двигаешься, можешь пострадать. Но если не двигаешься — пострадаешь наверняка.

Вообрази отца, который бьёт дочь, говоря: «Ты ничего не сделала. Просто у меня был тяжёлый день». Она пострадает, но не воспримет это как свою вину. Обычно же побои идут после словесных унижений — родитель сам себя раззадоривает.

Важно различать физический и душевный вред. Тело заживает само. Разум — нет. Сломанная психика — как кость, сросшаяся неправильно.

Если кость срослась неправильно, её нужно снова сломать и зафиксировать. Цель — вернуть 100% функциональности.

Эмоциональное насилие перепрошивает мозг, меняет нейронные связи, влияет на гиппокамп и миндалевидное тело. Для исцеления нужно серьёзное вмешательство — иногда даже повторная травма, чтобы всё перестроить.

Тело само залечивает травмы. Психика — нет. Словесные оскорбления встраиваются в мозг, подменяют личность ребёнка.

Словесное насилие хуже физического.

Так почему же пренебрежение хуже словесного насилия?

Хороший вопрос...

Последствия пренебрежения. Часть 1

Что травматичнее — побои и крики или пренебрежение?

Можно ответить философски, эмпирически или морально — итог один.

Дети часто «провоцируют» — ведут себя так, чтобы вызвать агрессию родителей. Подросток может нарочно довести отца. Ребёнок может уронить горшок с растением, зная, что это вызовет гнев.

Зачем дети вызывают враждебность? Ответ даёт эволюция. Главная угроза для ребёнка — быть незамеченным. Без внимания он почти наверняка умрёт. Чтобы выжить, он должен быть «полезен» родителям.

Если родители любят и заботятся, ребенок может расслабиться. Но если они холодны? Тогда единственный способ «быть полезным» — это стать мешком для битья. Как неквалифицированный рабочий может быть полезен на стройке, убирая мусор, так и ребёнок становится объектом для слива агрессии.

Представь, что ты продаёшь старую машину. Никто не берёт. Один человек предлагает забрать её бесплатно. Он полезен — экономит тебе утилизацию. Так и с ребёнком: он впитывает родительскую агрессию, от чего родители чувствуют себя лучше.

Гены заботятся не о счастье, а о выживании. Пусть даже в синяках — главное, дожить до взрослости и дать потомство. Дети, которые не провоцировали и не выносили избиения, не выживали.

Иногда врач не может вас вылечить, но может значительно уменьшить вашу боль. Анестезиологи зарабатывают высокие зарплаты, потому что предотвращают страдания, принося большую пользу. Точно так же

дети, провоцирующие насилие, могут приносить пользу своим родителям, обеспечивая их выживание.

Избитые и сломленные, эти дети находят извращенную защиту в том, что их жестокие родители нуждаются в них. Разрушенные разумом и душой — но всё ещё целые телом — они, скорее всего, достигают зрелости и размножаются. Эволюция побеждает мрачной ценой.

Пренебрежение хуже, чем эмоциональное и физическое насилие, потому что дети часто провоцируют насилие, чтобы сохранить родительское внимание. Эмпирически пренебрежение наносит больший вред, чем насилие. Почему? Потому что негативное внимание обеспечивает выживание, в то время как отсутствие внимания ведёт к смерти.

Последствия пренебрежения. Часть 2

Если родители не видят в нас ценности — мы не доживём до взрослости. А если и доживём, то без социальных навыков — и партнёра не найдём, и детей не заведём.

Представь: ты продаёшь старую машину. Люди смотрят, морщатся и уходят. Ты их не останавливаешь.

Но если кто-то предлагает бесплатно её эвакуировать и уходит — ты позовёшь его обратно. Он тебе выгоден.

Мы ценим тех, кто даёт пользу: или платит, или избавляет от издержек. Остальных — отпускаем.

Пренебрежение — это когда тебя отпускают, потому что ты не нужен. Насилие — это когда зовут обратно, чтобы ударить.

Если тебя игнорируют — ты, скорее всего, погибнешь. Если бьют — выживешь. Пренебрежение страшнее. Инстинкт заставляет искать даже негативное внимание, лишь бы не исчезнуть совсем. Это продолжается и во взрослой жизни.

Животные остаются в стае, даже если там насилие. Утята держатся рядом с матерью, несмотря ни на что. Лучше плохая стая, чем смерть в

одиночестве.

Изоляция — это смерть. Насилие — это жизнь.

Последствия пренебрежения. Часть 3

Раньше дети, которых игнорировали, умирали. Теперь они уходят в интернет за социальной стимуляцией.

Они редко находят живое окружение. В сети они объединяются и укрепляют худшие привычки.

Пренебрежение вызывает хронический стресс, делает ребёнка сверхбдительным. Унижение заставляет или замкнуться, или стать чрезмерно экстравертным, чтобы спрятать отсутствие самоуважения.

Одиночество от пренебрежения опасно для здоровья, сравнимо с выкуриванием полпачки сигарет в день.

Недавние исследования показывают:

- Социальная изоляция увеличивает риск преждевременной смерти так же, как курение, ожирение и гиподинамия.
- Одиночество повышает риск деменции на 50%.
- Изоляция повышает риск сердечно-сосудистых заболеваний на 29%, инсульта — на 32%.
- Одиночество связано с депрессией, тревожностью, самоубийствами.
- У больных сердечной недостаточностью одиночество увеличивает риск смерти в 4 раза, госпитализации — на 68%, обращений в скорую — на 57%.

Мы социальные существа. Аристотель говорил: жить в одиночестве могут только звери или боги.

Наше тело — часть большего целого. Ребёнка растит деревня. Индивида защищает племя.

Игнорировать ребёнка — всё равно что его отравить. Стресс от пренебрежения хуже побоев: насильники хотя бы защищают ребёнка — чтобы он не погиб до следующей вспышки ярости.

Что ты подумаешь о родителе, который ежедневно заставляет ребёнка выкуривать полпачки сигарет?

Пренебрежение — ничуть не лучше.

Жажда общения сильнее, чем даже жажда секса — ведь для секса нужно общение!

Запереть и игнорировать ребёнка — всё равно что похитить его, а потом отравить.

Жажда принадлежности к группе огромна. Подростки вступают в плохие компании. Женщины рискуют безопасностью ради общения. Миллионы пьют, чтобы «тусоваться». Пожилые женщины симулируют болезни, чтобы поговорить с врачом.

Чем больше одиночества — тем больше безумия.

Психическое здоровье требует сообщества.

Ветераны с ностальгией вспоминают товарищество своих боевых лет.

Кандидаты в братства выносят суровые посвящения ради одобрения группой. Мой друг вытерпел рвоту и унижение, чтобы вступить в братство и обрести друзей.

Это не моральная оценка — это факты.

Супруги, прожившие долгую жизнь, часто умирают с разницей в дни. Без общения жизнь теряет смысл.

Одержимость животными у одиноких женщин — тоже симптом этой жажды.

Мы не выживаем в одиночку.

Ребёнок не может сам найти друзей. Изоляция калечит социальные навыки и превращает дом в клетку.

Закрой ребёнка в комнате — и смотри, как он сгниёт.

Садизм и пренебрежение. Часть 1

В пренебрежении заключена серьёзная жестокость.

Во многих странах закон позволяет отказаться от ребёнка, если ты не хочешь о нём заботиться. Можно отнести его в полицейский участок, пожарную часть или больницу — и о нём позаботятся.

Если ты завёл собаку и ненавидишь её — зачем держать? Это бессмысленно — разве что ты садист.

Каждому хочется чувствовать, что он нужен и любим. Но как чувствовать себя нужным, если ты отказываешься приносить пользу? Киноактёры и красавцы популярны, потому что приносят пользу.

Но как почувствовать себя нужным, если ты не приносишь пользы?

Ты ловишь кого-то в ловушку и отказываешь в том, что ему нужно. Некрасивый мужчина может похитить красивую женщину и сделать её зависимой от него — за еду, воду, медицинскую помощь, свободу.

Зачем родители заводят детей, а потом пренебрегают ими?

Чтобы чувствовать, что они нужны. Это садистское удовольствие. Если ты беспомощен на работе, можешь взять поводок и подразнить собаку прогулкой, но не пойти. Ты получаешь власть, отказывая в нужном. Если же ты выгуляешь собаку — уже она командует: ты выполняешь её желание.

Пренебрежительные родители изредка проводят с детьми приятное время — чтобы поддерживать в них жажду общения и потом обвинять в «трудном» поведении.

Пренебрежение — это стремление чувствовать, что ты нужен, давая каплю тепла, лишь чтобы поддерживать зависимость.

Издеваться над малышами за то, что они жаждут общения, — какое благородство!

Некоторые люди доводят других до безумия, оставаясь при этом спокойными. Это называется *пассивной агрессией*.

Родители дразнят и игнорируют малышей, а потом спокойно смотрят, как у тех истерика.

Эти родители жалуются на эмоции и иррациональность своих детей — как поджигатели, жалующиеся на дым. Они учат детей связывать нужду

с болью, калеча их способность любить и быть любимыми.

Отнимая у детей детство, такие родители стирают и внуков. Они калечат своих детей пренебрежением — а потом презирают их за социальную неловкость и неспособность строить отношения.

Они калечат других, сажают в инвалидное кресло, а потом издеваются, что те не встают. Они не учат детей немецкому, переезжают в Германию — и издеваются над трудностями у детей с языком.

Чудовищно.

Садизм и пренебрежение. Часть 2

Став взрослыми, пережившие пренебрежение дети пытаются решать эмоциональные проблемы в одиночестве — но ведь эти проблемы *и возникли* из-за изоляции, а потому *не могут* быть решены в изоляции.

Жертвы пренебрежения вызывают ложное чувство превосходства у окружающих, которые начинают их презирать за социальную неловкость. Разорвать этот цикл непросто.

Начинать нужно с гнева.

Пренебрегаемые дети рано учатся подавлять гнев — ведь если они его выражают, родители начинают игнорировать их ещё сильнее.

Холодные, отчуждённые родители отталкивают любые искренние эмоции, мешая ребёнку выражать чувства.

Какой выход?

Он есть — и предназначен для тех, кто пережил тяжёлое пренебрежение.

Признай, что с тобой обошлись жестоко — тебя игнорировали и бросили.

Представь человека, который сначала изучает, как ухаживать за собакой, а потом прячет её в подвал и сводит с ума пренебрежением.

Вот кем были твои родители.

Если не хочешь проводить время с детьми — не заводи их. Если тебе не нравится проводить время со *своими* детьми — иди к психологу и исправь свое сердце. Если не можешь — отдай своих детей. Игнорировать их — аморально.

Пренебрежение — это жестокость и подлость, это грех, которому нет прощения. Но в каждой семье — своя динамика.

Тебя ранили сильнее, чем детей, которых били ремнём или на которых кричали.

Мне жаль.

Ты можешь исцелиться, но без гнева это невозможно.

Нужна терапия, чтобы тебя наконец выслушали, поняли и поддержали.

Эмпатия. Часть 1

Первое и важнейшее условие для улучшения мира — это *эмпатия*.

Эмпатия — это когда мы по-настоящему понимаем и чувствуем глубокие эмоции другого человека.

Для меня эмпатия отличается от сочувствия: сочувствие — это когда мы понимаем и *одобряем* чувства другого.

Если ребёнок грустит из-за смерти питомца — мы одобряем его печаль и сочувствуем горю.

Если мужчина счастлив, потому что женится на замечательной женщине — мы разделяем его радость.

Если агрессивный человек пытается затеять ссору — мы чувствуем его злость, но не одобряем её и стараемся уклониться.

Если женщина притворяется, чтобы вызвать жалость, — эмпатия помогает нам распознать и устоять перед её манипуляцией.

Эмпатия — это *переживание* чужих чувств. Сочувствие — *одобрение* этих чувств.

Женщина идёт ночью и слышит приближение мужчины — она чувствует его агрессию, но не соглашается с ней и, возможно, тянется к оружию.

Представь, что ты видишь ребёнка, ловящего лягушку. Если он берёт её нежно и смеётся от счастья — это радует. А если он смеётся, отрывая ей лапку — это ужасает.

Сочувствие к первому ребёнку — это одобрение его радости. Ужас от второго — это эмпатия к его наслаждению жестокостью.

Когда лев подкрадывается к зебре, зебра пятится, понимая голод льва, но эмпатийно *не* соглашаясь его утолить!

Без моральной силы эмпатия превращается в патологию, требующую бесконечного сочувствия — и оправдывающую насилие над детьми: «У твоей мамы было тяжёлое детство... Папа старался как мог... Подойди к ним с любовью и эмпатией... Прости их, иначе пожалеешь... Не держи обид... Будь выше этого...»

Этот бред легко опровергнуть логикой.

Если ты злишься на родителей за насилие, а тебя обвиняют в этом — значит, тебя *осуждают* за то, что ты *осудил* родителей.

Это и есть нравственное разложение. Это соучастие в зле.

Есть злодеи — и те, кто их покрывает. Преступники и пособники.

Насильники нуждаются в тех, кто их оправдывает.

Эти «миротворцы» нападают на любого, кто выступает против насилия.

Фразы вроде: «Родители старались...», «Не держи зла...», «Прости, иначе пожалеешь...» — это словесное насилие в защиту родительского насилия.

Такие люди проклинаяют тех, кто стремится к правде. Они считают борьбу со злом — злом. Но *только* когда речь о родителях.

Никто не говорит женщине: «Не суди своего парня... Останься с ним, даже если он тебя бьёт...»

Но если это родитель? Обязательно: прости и забудь!

В СССР тайная полиция полагалась на доносы. В Восточной Германии треть населения доносила на близких. Без доносов репрессий бы не было.

Так и с насильниками и их защитниками — одни совершают зло, другие его оправдывают.

Жертвы абьюза легко поддаются осуждению. Этим пользуются, чтобы заставить их подчиняться родителям-абьюзерам.

Это отвратительно.

Эмпатия. Часть 2

Оправдатели насилия прекрасно понимают уязвимости и чувствительность жертв насилия над детьми — и используют эти раны, чтобы добиться подчинения.

Они видят насильника и жертву — но критикуют исключительно жертву, никогда — обидчика.

Эти люди умело владеют вербальным насилием. Нередко это старшие дети в семье, которым приходилось утихомиривать родителей и сдерживать злость младших, чтобы смягчить будущие родительские выходки.

Если старшие братья и сёстры не осознали собственное страдание, они продолжают причинять боль другим. Их охватывает тревога, когда младшие выражают гнев по отношению к жестокому родителю — и они стремятся контролировать единственное, что в их силах, — волю младших.

Их цель — подавить неповиновение, ведь оно может эскалировать родительское насилие до причинения детям тяжёлой травмы или даже смерти. Именно так абьюзивные родители превращают старших детей в соучастников. Чтобы защитить младших, старшие начинают давить на них, заставляя замолчать, и часто именно их винят в родительской жестокости.

Когда непроработанная детская травма всплывает в зрелом возрасте, эти старшие дети всячески противятся осуждению родителей — прибегая к эмоциональным и психологическим уловкам. Их поведение продиктовано не моралью и зрелостью, а стремлением справиться с тревогой. Агрессивных родителей они «усмиряют» через контроль над младшими детьми. Нередко старшие дети становятся соучастниками наказаний, обрушивающихся на самых младших.

Не в силах повлиять на агрессивных родителей, старшие дети пытаются контролировать сопротивление младших — на протяжении всей жизни, на любом этапе. «Раз мы не можем обуздать зло, мы обязаны усмирять тех, кто его замечает!»

Это напоминает тиранию Северной Кореи, где родители держат детей в узде, лишь бы не навлечь беду за сомнения в безупречности Великого Вождя. В одном известном сериале американский врач яростно шипит на женщину, чтобы она заставила замолчать младенца во время войны — и мать душит ребёнка, чтобы не выдать себя солдатам. Жестоких солдат не остановить, а крик ребёнка — можно.

Та же динамика проявляется и в семьях: мать набрасывается на детей с требованием молчать, потому что её жестокий муж не в духе. Агрессию мужа изменить невозможно — поведение детей возможно.

Именно поэтому так сложно быть рациональным в обществе. Большинство избегает конфронтации с незрелыми и агрессивными, предпочитая воздействовать на тех, кто зрел и благоразумен. В итоге — разумных травят, а неразумных вознаграждают. Мир становится всё безумнее.

Люди не могут признаться себе, что избегают агрессоров из страха и отсутствия морального компаса. Они давят на тех, кто умеет держать себя в руках, принуждая их уступать, «мириться» и быть «разумными» — ценой собственной свободы и интересов.

Так ведут себя и те, кто оправдывает насилие. Они поучают жертв, взывая к добродетели, терпению, прощению и милосердию — но никогда не обличают родителей-абыюзеров.

Если прощение — такая высокая добродетель, а насилие над детьми происходит из-за неспособности прощать, то именно родителей следовало бы осуждать. Но мы все знаем, почему этого не происходит.

Эмпатия. Часть 3

Мы все понимаем, почему «нравоучители», осуждающие тех, кто не прощает, никогда не осуждают родителей, которые наказывали, а не прощали собственных детей.

Если неспособность прощать приносит страдание, то что тогда с родителями, которые не прощают своих детей?

Жестокие родители должны быть полны гнева, обиды и несчастья.

Всякая проповедь в адрес детей о прощении родителей в *ещё большей* степени относится к самим родителям, не прощающим своих детей.

Иисус сказал: «Почему ты видишь соринку в глазу брата твоего, но не замечаешь бревна в своём глазу?»

Если прощение — это добродетель, то непощение, приведшее к насилию над ребёнком, — *наихудшее* из зол.

Родители, которые прощают, не имеют оправдания для жестокости.

Жертвы испытывают гнев, потому что родители не простили их и применили насилие.

И теперь жертвы должны простить своих мучителей, которые оправдали свою жестокость *непощением*?

Я тебя не прощал и наказывал, а ты должен меня простить и не наказывать.

В детстве мы репетировали эвакуации на случай пожара.

Что хуже: поджечь школу или спастись из неё?

Если кто-то устроил поджог в школе, вы станете кричать на детей, убегающих из огня?

Вы станете оправдывать поджигателя?

Вы потребуете, чтобы обгоревшие дети *простили* его?

Взрослые дети, пережившие абьюз, могут спастись.

Они не начинали насилие — они лишь сопротивляются и защищаются.

Огонь зажгли родители — дети лишь бегут от пламени.

А вы защищаете агрессоров и словесно нападаете на жертв.

Взрослых, сумевших вырваться из круга насилия, порицают, а насильников-родителей — «прощают».

Бить детей — это не абьюз, а вот защищаться от родителей — это уже абьюз.

Избитые дети не являются проблемой. Настоящие жертвы — это жестокие родители, осуждённые своими детьми.

Виноват не насильник, а его сбежавшая жертва.

Омерзительно...

Но дальше — ещё страшнее.

Эмпатия. Часть 4

Нераскаявшиеся родители-абьюзеры *продолжают насилие над своими взрослыми детьми*.

Оправдатели насилия словесно нападают на взрослых детей, осмелившихся установить границы с агрессивными родителями.

Но настоящий ад — ещё впереди.

Поговорим о бабушках и дедушках, родителях и детях.

Если бабушки и дедушки были абьюзерами, они могут продолжить насилие уже над внуками — а могут и не продолжить. В любом случае, это все равно насилие.

Если оправдатели убеждают родителей оставить детей в жизни жестоких бабушек и дедушек, дети подвергаются прямому и косвенному насилию.

Если бабушка или дедушка кричали на своих детей — они, вероятно, будут кричать и на внуков.

Если они били своих детей — вероятно, ударят и внуков.

Если они насиловали своих детей — возможно, будут насиловать и внуков.

Оправдывающие насилие тем самым призывают к *продолжению насилия* над детьми.

Они предоставляют доступ к детям нераскайвшимся абьюзерам — и тем самым сами становятся абьюзерами.

Если бабушки и дедушки применяют насилие к внукам — это чудовищно.

Если же они ведут себя спокойно — это тоже форма насилия!

Общепринятая версия такова: «они делали, что могли, с тем знанием, которое имели». Но если сейчас они обращаются с внуками хорошо, то это оправдание рушится.

Логические возражения легко разбиваются.

Если у них «прозрение» — почему они не рассказали об этом своим детям?

Если человек осознал, что был агрессивным родителем — он должен извиниться и доказать, что насилие не повторится.

(Между прочим, такое почти *никогда* не происходит.)

Если я свободно говорю по-японски в 70 лет, значит, либо я знал язык с юности, либо выучил позже.

Если бабушка или дедушка умеют хорошо обращаться с детьми — значит, это умение у них было всегда или появилось с возрастом.

Агрессивные бабушки и дедушки, внезапно ставшие «добрыми» с внуками, продолжают насилие, транслируя взрослым детям: «Мы всегда знали, как быть хорошими. Просто ты был ужасным ребёнком, потому что наши внуки ведь нас не провоцируют...»

Отвратительно.

Без искренних извинений и компенсации любое «искупление» — лишь манипуляция.

Абьюзеры не являются плохими, если не прощают раскаявшихся жертв. Только жертвы являются плохими, если не прощают нераскаявшихся абьюзеров.

Сила

Сила нужна, чтобы выносить моральные суждения вопреки желаниям злых людей.

Станете ли вы организовывать курсы чтения для тех, кто и так свободно читает? Клиники похудения для худых? Или пересадку волос тем, у кого густая шевелюра?

А ведь именно так устроена современная «мораль»: как будто диетологи, работающие только с худыми.

Социопатам мораль не интересна — ей дорожат лишь нравственные люди. И кого же тогда атакуют эти «моралисты»?

Жестоких, бездушных, манипуляторов?

Нет!

Они нападают на нравственно чувствительных и вступают в сговор с агрессорами, чтобы прикрыть их преступления.

Исторически «мораль» создавалась не ради добра, а ради подчинения и подавления.

Если вы считаете прощение высшей добродетелью, то должны обратить внимание на тех, кто наносит наибольший вред — то есть на родителей, всю жизнь не прощающих своих детей. Если прощение так важно, почему вы не призываете *их* к прощению?

Вы поучаете жертв насилия простить нераскаявшихся агрессоров? Тем самым вы продолжаете цепь насилия, и велика вероятность, что их дети тоже станут жертвами — от самих родителей или от бабушек и дедушек.

Либертарианцы продвигают принцип ненасилия — что инициация насилия есть наивысшее зло. Если вы цените этот принцип, вы должны найти самые распространённые и серьёзные его нарушения — например, шлепки и насилие над детьми. Но большинство сосредоточено на налогах, центробанках и международной финансовой помощи — вещах, на которые они не могут повлиять.

Представьте врача скорой помощи, игнорирующего умирающих пациентов ради крика на телевизор. Это же безумие, верно?

Моральное безумие стало нормой. Врач, выписывающий бесполезные таблетки вместо рекомендаций по движению, делает вам только хуже — и это сродни садизму. Оправдание нераскаянного зла лишь усугубляет его. Притворство, что ты творишь добро, в то же время прощая зло без раскаяния, позволяет абьюзерам продолжать причинять вред детям.

Эмпатия без силы оборачивается патологическим альтруизмом и фальшивой симпатией. А сила без эмпатии становится холодным доминированием, подчинением и грабежом.

Моральная ясность

Моральная ясность — это защита от тех, кто нападает на вас с помощью фальшивой морали — величайших врагов человечества.

Если кто-то говорит вам: «Ты должен простить своих родителей», — ответьте: «Они не простили меня в детстве — обратись к ним!» Если этот человек не извиняется и не идёт к вашим родителям, он предаёт вас злу.

Вот она — простая моральная ясность.

Тот, кто приравнивает бегство от зла к нападению на невинных — глубоко аморален. Таких стоит избегать.

Если кто-то восхваляет прощение, скажите:

«Тогда прости *меня* за то, что я не простил своих агрессивных родителей!»

«Конечно... но ты пожалеешь, что не простил их».

«Нет, это не может быть правдой!»

«Почему?»

«Если прощение — добродетель, и ты прощаешь меня, значит, я могу простить *себя* за то, что не простил родителей!»

«Что?»

«Если непощение можно простить, я *не* буду жалеть!»

«Может быть, я *не могу* тебя простить...»

«Ах, значит, прощение — не такая уж ценность! Ты просишь меня простить нераскаившихся абьюзеров, но сам не прощаешь их жертву. Это моральное разложение!»

Такой ответ вызовет у них замешательство — потому что манипуляция не сработала.

Вот она — моральная ясность.

Нам не нужно доказывать объективные моральные стандарты — достаточно судить мнимых моралистов по их *собственным* стандартам!

Это защищает невинных от моральной манипуляции в угоду виновным.

Сила, эмпатия и моральная ясность освобождают от злобы.

Потеряешь их — останешься рабом, и передашь рабство детям.

Разорви эту цепь — или закуешь в неё своих детей.

Иного пути нет.

Образование

Каждый достойный родитель хочет, чтобы его дети были нравственными и счастливыми — но вопрос в том, *как* этого достичь?

Исторически — и с точки зрения эволюции — ответом было: воспитывать детей через систему наказаний и поощрений, пока они не начнут подчиняться. Ребёнок ведёт себя «правильно» — получает любовь и похвалу. Ребёнок «провинился» — любовь отнимается, начинаются наказания. Пряник и кнут, кнут и пряник...

Та же модель и в школе — золотые звёздочки и выговоры, похвала и унижения. И мало кого тревожит, что это *точь-в-точь* та же система, по которой дрессируют животных — поощрение и окрики, лакомства и удары.

Моральное счастье — исключительно человеческое качество, но детей мы воспитываем, будто они тупые зверьки. Мы лишаем их величайших возможных радостей — этического совершенства, честности, моральной отваги и любви.

Любовь — наша непроизвольная ответная реакция на добро, если мы сами добродетельны. Мы не можем напрямую стремиться к любви так же, как не можем напрямую стремиться к здоровью. Мы можем контролировать действия, которые способствуют здоровью, такие как правильное питание и физические упражнения. Мы можем контролировать действия, которые будут способствовать любви — честность, моральную отвагу и принципиальность.

Фридрих Ницше описывал цель Сократа как *разум = добродетель = счастье*. Если ты разумен — ты можешь быть добродетелен. Если добродетелен — станешь счастлив. Аристотель считал наилучшей жизнью ту, что посвящена нравственному совершенству. Значит, вопрос не нов, но ненасильственное воспитание даёт на него радикально новый ответ.

Как же мы воспитываем добродетель в детях? Наказываем? Бьём? Шипим? Оскорбляем, угрожаем, отказываем в любви, избиваем? Запираем, морим голодом, бросаем, игнорируем, трясём, называем злом за непослушание, унижаем, пугаем вечным адом — и всё прочее?

Если вы наказываете ребёнка, это значит, вы считаете его от природы злым, но способным стать хорошим. Такая методика утверждает, что высшее проявление морали — это применение насилия, манипуляций и унижений к беззащитным и зависимым существам. Вы бы стали прислушиваться к диетам от толстого мужчины, заставляющего вас есть как он? Или к советам по браку от женщины, пережившей четыре развода? Или к карьерным рекомендациям бездомного?

Дети не слышат наших слов — они смотрят, что мы *делаем*. Женщина, бьющая ребёнка и вопящая: «Нельзя бить!» — это абсурд. Родители, которые унижают своих детей, удивляются, когда те в ответ тоже оскорбляют. «Как ты *смеешь* так со мной говорить?» — вопят они.

Нет.

Нет — всему этому.

Как нам воспитывать наших детей? Мы учим детей быть хорошими не с помощью наказаний и наград, а тем, что *сами являемся хорошими*. Это ведь гораздо сложнее, не правда ли? Вести за собой добродетельным примером, а не прибегать к самодовольной агрессии — это труднее, по крайней мере, в краткосрочной перспективе.

Если вы хотите, чтобы ваши дети были миролюбивыми — станьте миролюбивыми *сами*. Хотите, чтобы они говорили словами, а не кулаками — говорите словами *сами*. Хотите, чтобы они умели договариваться — показывайте это на деле, в том числе и в общении с ними. Хотите, чтобы они были добры — *будьте добры*.

Люди прибегают к насилию и угрозам, потому что хотят научить языку, на котором сами не говорят. Лицемерие порождает жестокость. Насилие над детьми разрушает весь ваш моральный авторитет.

Мы это понимаем. Вы же не увидите толстяка на обложке книги о диетах. Или человека с прыщами — в рекламе косметики.

Всякое наставление начинается с: «*будь как я*». Хотят ли ваши дети быть похожими на вас? Если вы прибегаете к насилию — хотят ли они вырасти и стать как вы? Конечно, нет. Они вас боятся — и со временем начнут вас ненавидеть.

Мы нередко относимся к детям хуже, чем к животным. Мало кто признается, что бьёт кошку или собаку, но многие гордятся тем, что наказывают своих детей. Если ваши дети не хотят быть как вы — чему вы их можете научить?

Ненасильственное воспитание — это вопрос доверия. Если вы живете так, что ваши дети вами восхищаются, они будут подражать вам. Не нужно кричать, чтобы они занимались спортом — покажите пример. Не

рычите на них за планшеты, если сами не вылезаете из телевизора. Не приказывайте питаться правильно, поедая чипсы на глазах у них.

Дети стремятся подражать — наставление происходит естественно. Насилие вызывает сопротивление, заставляет их воевать с вами и с вашей фальшивостью. Именно поэтому насилие не работает. Кричащая мать теряет уважение. Дети не слушают советы от разведённых родителей: «Кто ты такой, чтобы учить меня жить, если сам не смог сохранить брак?»

Родители должны быть честны в своих слабостях: признавать ошибки, извиняться и исправлять ущерб. Грустно, когда родители требуют извинений от детей, но сами никогда не признают своей вины. Они наказывают, чтобы прикрыть собственное лицемерие. Нападение на ребёнка — это отражение собственного краха.

Мужчина, бьющий собаку, ненавидит её за то, что она прячется — ведь это напоминает ему о его жестокости к беспомощному животному.

Если вы проявляете агрессию к своим детям, они будут вас бояться.

Они не захотят быть похожими на вас.

Они будут вам противостоять.

И так битва никогда не закончится — даже после вашей смерти она продолжится, перейдя к следующему поколению, на веки веков, аминь, пока мы не изменимся...

Заключение

Величайшее интеллектуальное достижение в истории человечества — это открытие научного метода.

Научная теория должна быть сначала логически непротиворечивой, а затем проверена эмпирически.

Благодаря этому подходу мы обрели беспрецедентную власть над природой и возможность распространять такие книги по всему миру — моментально, благодаря чудесам науки и техники.

Инженерия берёт научные теории и воплощает их в жизнь.

В моральной науке теория также должна быть сначала логически непротиворечивой — и затем проверена практикой.

Силлогизмы

Силлогизмы ненасильственного воспитания удивительно просты.

1. Детям нельзя бить друг друга, потому что бить — это плохо.
2. Если бить — это плохо, значит мы не должны бить детей.

1. Те, кто обладает наибольшей властью над другими, несут наивысшую моральную ответственность.
2. Родители имеют наибольшую власть над своими детьми.
3. Следовательно, родители несут наивысшую моральную ответственность по отношению к своим детям.
4. Договариваться — более морально, чем принуждать силой.
5. Следовательно, раз договариваться более морально, а родители несут наивысшую моральную ответственность, родители обязаны договариваться со своими детьми.

1. Взрослые несут больше ответственности за свои действия, чем дети.
2. Следовательно, взрослые не могут прибегать к оправданиям, которые они не принимают от своих детей.

1. Насилие морально допустимо только в крайнем случае самообороны.
2. Следовательно, родители не имеют права применять насилие к детям.

1. Использовать насилие для разрешения разногласий — аморально.
2. Следовательно, родителям нельзя прибегать к насилию в разногласиях с детьми.

1. Детям нельзя использовать оскорбления и обидные прозвища по отношению друг к другу, поскольку вербальное насилие — аморально.
2. Следовательно, родителям нельзя использовать оскорбления и обидные прозвища по отношению к детям.

1. Регулярное запугивание детей устрашающими сценариями будущего, на которые они не могут повлиять, — это насилие.
2. Следовательно, пугать детей экологическими катастрофами и скорым концом света, — это насилие.

1. Наказывать других за моральные нормы, которые сам не соблюдаешь, — лицемерие и насилие.
2. Наказывать детей за поведение, которому ты сам их научил, — лицемерие и насилие.
3. Следовательно, кричать на ребёнка за то, что ребенок кричит на других, — лицемерие и насилие.
4. Также ударить ребёнка за то, что ребенок кого-то ударил, — лицемерие и насилие.

Можно продолжать и продолжать — но вы поняли суть.

Эмпирические доказательства

Практическая мораль — это моральные теории, воплощённые в действия.

В этой книге я изложил моральную основу ненасильственного воспитания и показал, как реализовать её на практике.

Следовать научному методу — всегда хорошая идея, ведь это самый плодотворный подход в истории.

Поэтому в заключительной части книги мы обратимся к эмпирическим доказательствам пользы ненасильственного воспитания.

Если я заявляю, что холера передаётся через загрязнённую воду и советую её кипятить — я должен проверить, правда ли болеют реже те, кто воду кипятит.

Один из признаков того, что поступок является злом, — это его вредоносное воздействие на невинных.

Я изложил моральную теорию ненасильственного воспитания и показал, как быть ненасильственным родителем. Теперь моя обязанность — показать научные данные, подтверждающие его ценность.

Если вдруг выяснится, что такое воспитание, хоть и морально и реализуемо, делает детей больными и тревожными — теория столкнётся с серьёзной проблемой.

Но если моральное — значит практичное, мы должны найти доказательства того, что ненасильственное воспитание приносит пользу телу, разуму и душе ребёнка. А агрессивное — разрушает всё это.

Как вы считаете, шлепки — это хорошо или плохо для ребёнка?

Я имею в виду не только с моральной точки зрения — но и с физической, психологической, ментальной?

Люди пороли детей десятки тысяч лет — но изучал ли кто-то последствия этих действий?

А как насчёт других форм насилия — словесной агрессии, пренебрежения?

Думаете, эксперты исследовали последствия таких методов?

Если да, есть ли у них серьёзные разногласия — помогает агрессивное воспитание или вредит?

Если специалисты десятилетиями изучают это и единодушны в выводах — особенно в долгосрочной перспективе — то остаётся только один вопрос:

Почему вы не знаете, к чему они пришли?

Сейчас мы ответим на этот вопрос.

Ответы — и сами вопросы — неутешительны.

Но мы обязаны их знать.

А затем понять — почему мы не знали этого раньше.

Начнём.

Чтобы узнать больше об эмпирических доказательствах ценности ненасильственного воспитания, ознакомьтесь с Частью 3 полной версии книги на сайте <https://www.peacefulparenting.com>

Это конец сокращённой версии книги — полную версию можно бесплатно прочитать на <https://www.peacefulparenting.com>

Книга бесплатна — и я надеюсь, что вы будете делиться ею как можно шире.

Если вы хотите поддержать наш проект, загляните на <https://www.freedomain.com/donate>

Русский перевод - Александр Елесев, автор и ведущий философского шоу Доброум youtube.com/dobroum-official.

Присоединяйтесь, чтобы обсудить идеи книги.

Примечания

[←1]

Все эти беседы доступны на моём сайте <https://www.freedomain.com>.